

Литтмегалина

ЧЁРНАЯ ВДОВА

18+

Литтмегалина
Черная вдова
Серия «Страна Богов», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66892338

SelfPub; 2022

Аннотация

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: депрессия, травмы, триггеры.
Повышенная мрачность повествования.

После смерти мужа молодая вдова в компании маленькой дочери возвращается в родной город и сталкивается с травлей – местные жители считают её ведьмой. Со временем она начинает замечать, что с ней действительно что-то не так...

Что происходит? И кто этот странный незнакомец, что преследует её?

Содержание

ПТ. 12 дней до...	5
СБ. 11 дней до...	21
ВС. 10 дней до...	37
ПН. 9 дней до...	53
ВТ. 8 дней до...	59
СР. 7 дней до...	72
ЧТ. 6 дней до...	85
ПТ. 5 дней до...	97
СБ. 4 дня до...	129
ВС. 3 дня до...	152
ПН. 2 дня до...	191
ВТ. 1 день до...	221
СР. С днем рождения, Делоре!	267
Первый день	310

Литтмегалина

Черная вдова

The black widow

Crying in her bedroom

Over and over

Over she calls

Over and over

Over she falls

Dolores O'Riordan – “Black Widow”

ПТ. 12 дней до...

О Делоре рассказывали многое... и в основном плохое. Что ни один цветок не расцветет в доме, где она живет, увянув прежде, чем его лепестки успеют раскрыться. Что вблизи нее молоко киснет, тесто не поднимается, а соль так и норовит рассыпаться (ха, как будто она бывала когда-то в их кухнях, так откуда им знать?). Что зеркало, в которое она смотрится, тускнеет. Что человек, на котором задержится ее мрачный, тяжелый взгляд, почти наверняка заболеет. Что она приносит несчастья.

«Суеверия, – подумала Делоре, зябко вздрагивая и застегивая верхнюю пуговицу пальто. – Предрассудки. Вера, основанная на пустоте. Провинциальные бредни».

Предмет, оставленный на крыльце неизвестным злоумышленником, не давал Делоре покоя. Это уж слишком. Не пора ли им прекратить? Под носком ее черного узкого ботинка хрустнул лед, затянувший неглубокую лужицу. Делоре со злостью вонзила в лед каблук. Да, она злилась. С чего они возомнили, что могут так к ней относиться и уж тем более гнать ее прочь, как бездомную собаку, забредшую в их огород? Она родилась в этом городе, она имеет право здесь находиться.

Она остановилась и окликнула:

– Милли! – и, не получив ответа, оглянулась.

Милли отстала шагов на десять и совсем приготовилась зареветь: рот скривился, глаза на мокром месте. Только этого не хватало.

– Если ты сказала, что за руку не хочешь, что сама пойдешь, – так иди, – произнесла Делоре. Ее голос всегда звучал прохладно, а сейчас будто вобрал в себя весь холод октябрьского утра.

– Не хочу, – пропищала Милли, и на секунду Делоре охватило нестерпимое желание нашлепать дочь по круглой попке, да от души, чтобы отвадить от капризов на сегодня и неделю вперед. Однако она подошла и мягко взяла Милли за запястье.

– Мы опаздываем, Миллина.

Обращение по полному имени сигнализировало, что Делоре сердится, и обычно само по себе заставляло Милли изменить поведение к лучшему. Обычно, но не сейчас, и Милли продолжала упорно тянуть Делоре назад.

– Не хочу, не хочу, не хочу!

С каждым повторением Делоре чувствовала, как внутри, в груди, все сжимается в тугой узел. Что за день получится, если неприятности начались с самого утра? Милли взвизгнула особо пронзительно. Делоре поморщилась.

– Замолчи, – приказала она резко, как плюнула, и из ее рта вылетело облачко пара.

Но Милли не унималась и выла в голос. Делоре крепко сжала маленькую выскальзывающую ладошку. Милли выра-

зила протест отчаянным криком. Делоре отпустила ее и, отступив на шаг, уставилась на дочь с невыразимым удивлением.

– Не пойду, – надрывалась Милли, и Делоре едва узнавала дочь в этом покрасневшем от натуги, сморщившемся существе.

Делоре осмотрелась, ощущая неловкость. К счастью, на улице не было ни души.

– Тише, – попросила она мягко, но ее сердце было твердым, неподвижным и маленьким, как мраморный шарик. – Почему ты не хочешь идти? Разве тебе не нравится в детском саду?

– Нет! – выкрикнула Милли, и по ее липкому лицу хлынули новые потоки слез.

Делоре вся заледенела. Несмотря на неудобную узкую юбку, она присела на корточки, чтобы посмотреть дочери в лицо, и провела кончиками белых пальцев по мокрой детской щечке.

– Почему?

Но Милли ревела и не отвечала.

– Почему? – громче повторила Делоре и нахмурилась. – Милли, почему? Слышишь, отвечай, когда я спрашиваю!

И тогда это опять случилось: цвета поплыли, и Делоре увидела лицо дочери серым, замутненным, словно сквозь грязное стекло. В следующую секунду Делоре положила на плечи Милли ладони и трянула ее изо всех сил, несколько-

ко раз. Только услышав, как клацают зубы Милли, и ощутив боль в собственных стиснутых челюстях, она остановилась, и ее ладони безвольно скользнули по плечам Милли вниз.

Милли смотрела на нее большими, блестящими от слез глазами. Веки красные, как у кролика. Тонкие прядки русых волос торчат надо лбом, шевелясь на ветру, словно живые.

Делоре замерла. И все. Исчезло. Цвета вернулись. Застывшая, как лед, тишина оттаяла, растеклась ручейками. Просто что-то пошло не так в какую-то секунду, но вот эта секунда ушла, и уже не знаешь, как объяснить ее и что делать после того, что натворила в помутнении.

Милли все так же смотрела на нее.

– Все в порядке, – попытавшись улыбнуться, уверила ее Делоре. Очевидно нелепое заявление, однако она не смогла придумать ничего лучше. – Все хорошо. Но мы опаздываем.

Она поднялась и выпрямилась. В спине чувствовалось напряжение, позвоночник потерял гибкость. Делоре взяла Милли за руку, и они пошли так быстро как только могли.

Асфальт под ногами ощущался как пластмассовый, листья на деревьях шуршали, словно сделанные из бумаги, и, срываясь, планировали Делоре под ноги. «А в прошлый раз я накричала на нее, – подумала Делоре. – То, что было сейчас, еще хуже? Не могу поверить, что я так сорвалась».

В мягкой маленькой руке Милли не ощущалось обиды. И в ее голосе тоже, когда она сказала:

– Ты стала какая-то злая, мама.

– Я очень устала, Милли, – так себе объяснение. Но какое уж есть.

Милли потерла глаза кулачком. Слезы опять мечтали прогуляться по ее щекам, но она им не позволяла.

– Я хочу домой.

– Я тоже.

– Когда мы поедем домой? – спросила Милли по-роански.

Делоре отметила, как давно уже не слышала роанского. Сама она говорила с Милли только на ровеннском – Делоре была далеко не патриотка, но ей нравилась умиротворяющая размеренность ровеннской речи, мягкость привычных слов. Они с Ноэлом учили дочь каждый своему родному языку...

– Как только сможем.

– Мы же похоронили бабушку. Мы можем вернуться.

Делоре передернуло. Огоньки отвращения взметнулись, как искры над потревоженной золой, и погасли в холодной темноте. Она уже слышать не может о похоронах.

– Пока нет, – возразила она жестко.

В молчании они дошли до перекрестка и повернули направо. Лицо Милли все грустнело и грустнело. А Делоре думала о Льеде, о той квартире, которую она больше не могла называть домом. Нет, она пока не готова возвратиться туда, бродить по осколкам воспоминаний, усыпавших пол. Те две недели еще отчетливы: она едва не сошла с ума, постоянно натываясь взглядом на вещи Ноэла. Некоторые из них она так и не смогла выбросить, поэтому просто сбежала. Сейчас

эти вещи занимали оборону в квартире, не пускали Делоре назад. Это нелепо, смешно: даже его желтая кружка с нарисованной на ней дурацкой рожицей, стоящая в кухонном шкафу, заставляет ее оставаться в этом захолустном городишке, спящем дни напролет.

Какая же тоска, и как избавиться от нее... неужели закончится когда-то? Не верится. Делоре дотронулась до висков, показавшихся ей чуть припухшими на ощупь. В голове пошевелилась боль, еще дремлющая, свернувшаяся тугим узлом, но уже готовая расправить кольца своего длинного тела.

Слева от нее потянулась синяя ограда, и Делоре внутренне напряглась. Хватит, Делоре, глупо, ты уже взрослая, как ты можешь бояться детей? Она усмехнулась, удивляясь сама себе, но ее взгляд остался холодным и настороженным.

Она раскрыла калитку и отстранилась. Милли не трогалась с места до тех пор, пока Делоре не подтолкнула ее в спину. Они опоздали. Дети уже позавтракали и вышли на прогулку. Отсюда Делоре и Милли не могли их видеть, но слышали их голоса: вскрики и обрывки фраз. Делоре не знала, почему от этих звуков в ее пальцах возникает дрожь.

– Милли, – сказала Делоре, приглушив голос. – Они... другие дети говорят тебе что-нибудь?

– Нет. Они не разговаривают со мной.

Делоре только кивнула и бесстрастно сжала губы. Надо что-то делать с этим. Но что?

Вот и площадка. Делоре с равнодушной вежливостью по-

здоровалась с воспитательницей, отпустила руку Милли и сразу пошла прочь. Все же оглянулась – нахохленная, как воробей, Милли в одиночестве сидела на скамейке, уставившись в собственные коленки. «Мы должны уехать, – подумала Делоре. – Следует решиться как возможно скорее». Знакомые слова со знакомыми интонациями зазвенели среди ровного гула, но Делоре знала, что это только воспоминания.

С каждым шагом, отдаляющим ее от садика, она приближалась к спокойствию. Она попыталась увидеть себя со стороны: одинокая женщина, идущая по безлюдной улице сквозь холодный октябрь. Она одета в изумрудно-зеленое пальто, которое облегает ее плотно, как панцирь. Ее волосы (каштановые, такого темного оттенка, что при некотором освещении они кажутся черными) слегка растрепаны, но только слегка. Она немного сутулится, сейчас, когда никто не видит ее. На ее лице непроницаемое выражение – невозможно угадать, о чем она думает. Хотя угадывать все равно некому. И незачем.

К тому времени, как она дошла до библиотеки, ей удалось взять себя в руки. Это только мутный период, который она как-нибудь переживет – куда ей деваться. Только период. Стоя на крыльце, Делоре дотронулась кончиками пальцев до выкрашенной коричневой краской деревянной двери. Шероховато и холодно. Вот настоящее ощущение и вот – реальность. А все, что в голове, – лишь призраки. Нельзя подчинять себя тому, что даже не существует.

Делоре вошла, и дверь тихо скрипнула, закрываясь за ней. На секунду грудь снова сдавило уныние («Что я делаю здесь?»). Она сняла уличную обувь, надела черные босоножки, повесила пальто в шкаф. Затем прошла в зал библиотеки. Там было сумрачно и неудобно. Пахло книжной пылью.

Из-за стеллажа появилась Селла с зеленым электрическим чайником в руках.

– Доброе утро, – сказала она.

– Привет, – отозвалась Делоре. При виде подруги на душе у нее потеплело.

Поставив чайник на стол и подключив его к удлинителю, Селла прислонилась к краю столешницы бедром, широко зевнула и заявила, сверкая зубами в улыбке:

– Ненавижу пятницы. Соблазнительная близость выходных делает ожидание невыносимым.

Делоре кивнула. Ее всегда немного удивляла эта манера Селлы говорить что-то, одновременно выражая лицом противоположное.

– Кислый вид у тебя, – заметила Селла. – Что-то случилось?

– Да нет.

– Так да или нет?

Наверное, можно рассказать. В то же время Делоре не была уверена, что ей вообще хочется кому-то о таком рассказывать.

– Не думаю, что это настолько значительно, чтобы заслу-

жить обсуждения.

– Мы скучаем здесь целыми днями, а ты говоришь о значительности. Здесь для нас все значительно. Давай же, выкладывай.

– Ну, в общем... кому-то тоже было нечего делать, – Делоре села в кресло и притиснула бедра друг к другу.

– И? – Селла порылась в своей сумке, лежащей на столе, и извлекла пилку для ногтей и бутылек лака.

– Что – и?

– Дальше.

– Утром я выхожу из дома и вижу такой сверток из ткани... что-то вроде самодельной куклы... шея туго обмотана ниткой. И на крыльце надпись красным...

Селла округлила глаза:

– Кровью?

– Нет, – Делоре слегка улыбнулась. – Обычная краска. Гуашь.

– И что там было написано?

Делоре помедлила секунду.

– «Ведьма, уходи». Или что-то вроде этого.

«ВЕДЬМА! УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ ИЛИ УБЕЙ СЕБЯ!»

Делоре ощутила, как от лица отхлынула кровь.

– Что же ты сделала?

Делоре пожала плечами.

– Ничего. Выбросила тряпичную гадость, отмыла крыльцо и повела Милли в садик.

– Ох... забудь, Делоре, это чья-то глупая шутка и только-то.

– Не смешная.

– Не смешная, да. Но все равно просто шутка.

– Не знаю... у меня такое ощущение, что меня хотели напугать. По-настоящему.

– А ты испугалась?

– Я? – Делоре задумалась. Она не могла понять, из чего состоит это саднящее чувство, до сих пор остающееся внутри. – Нет... думаю, нет. И все же... – она потерла виски – голову заполняла боль, пока что мутная и тихая, но надолго ли. – Все же... Какое у них право изводить меня?

– Да уж, – сочувственно покивала Селла, присаживаясь на край стола и покрывая ноготь большого пальца слоем фиолетового лака.

Как привычно. Так же Селла красила ногти, сидя на подоконнике в школе. А Делоре стояла рядом, и они болтали, и смеялись, и всегда опаздывали на урок. Больше ни с кем в своей жизни Делоре так не дружила. Милая, милая Селла – с ее длинными ногтями, похожими на когти; с ее лаками диких расцветок; с ее неожиданно пошловатыми шуточками (а кто бы подумал, глядя на нее, она же сама респектабельность – ну, за исключением маникюра); с ее глазами, голубыми, как бирюза; с ее поднимающимися надо лбом мягкими завитками волос. У Селлы были выющиеся русые волосы, которые она укладывала в замысловатые прически, кажущиеся про-

стыми и сложными одновременно, из-за которых Делоре когда-то ей немного завидовала, ведь ее прямые волосы были слишком гладкими и выскальзывали из-под любых заколок.

– Кому как не тебе уметь не обращать внимания на подобные вещи. Ничего нового. И как им не наскучит?

Спокойный голос Селлы успокаивал больше, чем ее слова, хотя Делоре действительно не привыкать к обидам. Ее не любили в школе. «Крыса, крыса!» – слышала она со всех сторон. Однажды она спросила их, почему. «Потому что ты злобная и мрачная, как помойная крыса». Однако по факту она стала настолько злобной и мрачной после того, как они начали дразнить ее, а не до.

А потом в их школу пришла Селла. Она приехала из другого города, и ей следовало бы обзавестись подружкой поприличнее, если она хотела быстрее прижиться на новом месте. Но она выбрала Делоре. Сдружившись, они повсюду ходили вместе. Когда их спрашивали: «Вы что, все время вдвоем?», они отвечали, что они сиамские близнецы. Делоре перестали называть крысой, потому что каждый раз, услышав это, Селла поднимала руки и сгибала пальцы, выставляя свои длинные ногти, как когти. Прищурив глаза (усиливая свое сходство с разозленной кошкой), она говорила что-нибудь вроде: «Ну-ка иди сюда, милашка». Не рискнувших подойти она безжалостно высмеивала. Решившихся царапала до крови. Против нее они все были как глупые псы: они могли громко лаять, но ее неподтвержденные физической силой

отвага и нахальство их пугали.

Перед самым завершением школы, когда они уже точно знали, что Делоре уедет в Торикин, а Селла останется, их отношения резко похолодели, что оставило на сердце Делоре глубокий надкол. Казалось прежде, их дружба продлится вечно, но вот она почти уже закончилась. Делоре перебралась в столицу, Торикин, потом совсем в другую страну, и за десять с лишним лет они ни разу не позвонили друг другу. И все же, после смерти мужа и матери вернувшись в родной городок, в котором Селла оказалась единственной, кто рад ее видеть, Делоре обнаружила, что они по-прежнему близки, хотя и не настолько, как в прошлом. Какая-то тонкая стеклянная перегородка между ними, но, наверное, это только потому, что они выросли. Взрослые не способны быть так открыты и доверять так же беззаветно, как дети.

Делоре сцепила холодные пальцы. Повисло молчание, как будто она должна сказать что-то еще, пусть и сама не знает, что именно, и вдруг отчетливо услышалось тиканье часов где-то за стеллажами. Тогда Делоре просто встала и включила чайник.

Селла красила ногти и даже взгляд не поднимала на нее. Когда чайник, закипая, зашумел, Делоре вдруг произнесла:
– Мне кажется, со мной что-то происходит.

И стена тишины упала.

Селла стряхнула с себя трансовое состояние и посмотрела на Делоре с легким беспокойством.

– Что происходит?

– Не знаю. Просто... я как будто на грани чего-то... скверного. Знаешь, я накричала на Милли вчера. Она разлила молоко. Я ужасно рассердилась на нее. Казалось, я готова ее убить, – Делоре прижала к вискам ладони. – Я должна уехать.

– В Льед.

– Нет, – Делоре слабо улыбнулась. – Льед меня сейчас растопчет. Он не переносит унылых. Я хотела бы... но у меня нет сил. Пока останусь в Ровенне. Может быть, Торикин.

– А я не переносу Торикин, – сказала Селла таким тоном, будто сообщала что-то новое.

– А мне только Торикин и нравится в этой странной стране. Но прежде, чем перебираться туда насовсем, я должна найти там работу... жилье... Столько проблем. Я пока не готова их решать.

– Так оставайся здесь, и не будет никаких проблем.

– Здесь все настроены против меня, Селла. Это настолько очевидно, что мне плохо от этого, уже физически.

– Возможно, это всего лишь твое ощущение.

– Нет, Селла, так оно и есть. Мне даже пачку соли не могут дать, не скривив такую физиономию, будто я притащила какую-то немыслимую заразу в их магазин. Не то чтобы в детстве я была тут всеобщей любимицей, но никогда в этом городе ко мне не относились хуже, чем сейчас. Я ничего не сделала, чтобы заслужить это. Люди облили меня холодом сразу же по прибытию. Причем каждый. Как будто существует

некое соглашение – быть ко мне максимально враждебным.

– Ну, даже если бы и существовало, я бы не стала его под-
писывать, – рассмеялась Селла.

Делоре протянула ей руку.

– Да, ты бы не стала. Подруга... – Делоре произнесла это слово почти искренне. Подобных минут нежности было столько прежде... что не помешало Делоре и Селле забыть друг о друге на годы. И сейчас, даже когда пришло это теплое ощущение, внутри оставался недостижимый холод.

Скрипнула входная дверь, и Делоре надела на лицо непроницаемое выражение. Просто обычный день, спрячь свое беспокойство и проживи его до конца. После всего сказанного на Делоре напала неотвязная молчаливость. День тянулся медленно, в своей скучности такой же мутно-серый, как этот тусклый свет, просачивающийся в окна. Ее утреннее уныние, притаившись, иногда все же проявляло себя с пугающей ясностью. Измученная этим не-светом и не-мраком, Делоре сдвинула шторы и включила лампы. Сквозь фильтр желтого электрического освещения все должно было выглядеть повеселее, но не выглядело, и Делоре вдруг почувствовала себя такой же пыльной и ненужной, как книги на библиотечных полках.

Ровно в пять Делоре старательно-нежно попрощалась с Селлой, не менее старательно улыбнулась и ушла. На улице уже почти стемнело, накрапывал дождь, и намокшие волосы Делоре слиплись в прядки. Она не обращала на дождь ника-

кого внимания.

Делоре забрала Милли из сада (дочь встретила ее укоряющим взглядом и едва поздоровалась), и они заглянули в маленький магазинчик по пути домой. Делоре пошла бы в другой магазин, но дождь усилился, и, беспокоясь за склонную к простудам Милли, она хотела попасть домой побыстрее, а не петлять по темному городу.

Как всегда, там работала эта неприятная женщина с бесцветными волосами. Она заставила Делоре трижды повторить просьбу, нарочито тщательно пересчитывала деньги и после, отсчитав сдачу, еще несколько секунд рассматривала Делоре мрачным обвиняющим взглядом. «Ну просто смешно», – подумала Делоре. Как будто в этом есть заслуживающая чести смелость – выразить ей свою неприязнь.

– О боги, – не выдержала Делоре, настроение которой к тому моменту было совсем уже отвратное. – Дайте мне мое молоко, и я уйду.

Они пришли домой, съели что-то на ужин (через час Делоре уже не помнила, что). Потом Делоре попыталась посмотреть фильм, но была слишком усталой, чтобы следить за сюжетом. Тогда она выключила телевизор, уложила Милли спать (та капризничала, но меньше обычного) и легла сама. Мягкость подушки показалась ей единственным приятным ощущением за весь этот день.

Ночью ей приснилось, что она ночует у Селлы – такое пару раз бывало в школьные времена. Они лежат вместе на широ-

кой кровати родителей Селлы (а вот этого никогда не происходило), и Делоре рассказывает о чем-то, очень важном для нее. Она настолько взволнована, что смотрит в потолок, на стену справа от нее – лишь бы не смотреть на Селлу. А затем все-таки поворачивает голову и видит, что рядом с ней никого нет.

СБ. 11 дней до...

Как всегда в субботние дни, Делоре проснулась поздно. Некоторое время она лежала, не открывая глаза, ощущая слабость и призрачное эхо усталости, скопившейся за неделю. За окном шелестел дождь. В будни Делоре пряталась от воспоминаний за чередой мелких забот. Сейчас они нашли ее, сонную, теплую и бессильную, однако же – странно – почти не мучили. Душа Делоре обратилась в нечто вязкое: все эти мысли вонзались в нее, как лезвия, но порезы сразу затягивались – только секундная вспышка боли, которая забудется сразу, как угаснет. «Может быть, я даже излечусь от этой вечной тоски, – подумала Делоре, – когда-нибудь». Но и надежду в ее апатии она не могла чувствовать.

Она собрала силу воли и наконец поднялась с кровати. Просто день, такой обычный, что обычнее и быть не может, и в этом почти уникальный. И все же что-то странно изменилось. Тело словно не имело веса. Ей не хотелось одеваться, но она оделась, и мягкая ткань обволокла ее, как вторая кожа. Ей не хотелось умываться, но в прикосновении воды к лицу было что-то настолько приятное, что по позвоночнику Делоре пробежала дрожь.

– Доброе утро, – сказала Делоре заглянувшей в ванную Милли и, подняв свои темные волосы, закрепила их резинкой.

Ее лицо, отраженное зеркалом, было бледным, гладким и чистым, словно молоком умытым. Взгляд так спокоен и пуст. Как будто ничего плохого не было. Как будто она ничего не сделала. Но разве сделала?

Делоре побрела в кухню. Заглянула в холодильник. Ничего, кроме пачки молока. Делоре открыла ее, понюхала и поморщилась от ударившего в нос кислого запаха. Испортилось. Делоре купила его вчера. Как хранить это проклятое молоко, чтобы оно не портилось в первые же сутки?

Они позавтракали печеньем и кофе. Спустя час дождь все так же тоскливо плакал за окном, и оцепенение Делоре сменилось нарастающей тоской. Делоре не могла подавить это чувство и поэтому просто не обращала на него внимания. Воспоминания затянуло тонкой серой дымкой, но Делоре предпочла бы не видеть их совсем. Ослепнуть на сегодня или, может быть, навсегда. Получить душу холодную и сонную, как эта суббота.

(Это просто воспоминания; как они могут владеть тобой, когда они лишь призраки, а ты – жива? Ты должна быть сильнее их.)

Делоре встала, сложила грязную посуду в раковину, вытерла крошки со стола. По-прежнему немного странно совершать обычные будничные действия, даже после того, как жизнь утратила почти всю свою ценность. Однако нужно же что-то делать. Она сполоснула свою синюю чашку и поставила ее на полку кверху доньшком, затем вымыла маленькую

чашечку Милли и приступила к тарелкам. Закончив с посудой и вытирая руки полотенцем, Делоре подошла к окну и увидела, что дождь кончился.

– Я хочу гулять, – промяукала, как котенок, Милли.

– Сначала мы должны сходить в магазин.

«Обычная жизнь, – подумала Делоре, – с обычными мелочами». Нет причин полагать, что с ней, Делоре, происходит что-то странное.

(Я меняюсь, меняюсь! Или что-то, спавшее во мне, очнулось, окрасило своим черным цветом всю мою душу.)

Когда они вышли из дома, Делоре заметила нечто, чего не заметила вчера: красный фантик возле клумбы с мертвыми цветами. Она не подняла его, но взяла на заметку.

Опавшие листья, намокшие под дождем, потемнели и прилипли к асфальту. Делоре улавливала их запах – будоражащий и терпкий, отвлекающий от мрачных мыслей. Маленькая лапка Милли сжимала ее руку. Холодный взгляд Делоре поднялся к небу – две маленькие тучки. И затем сразу, будто вырезали кадры, небо сменил потолок магазина.

После пасмурной улицы свет в магазине показался слишком ярким. Дверь мягко захлопнулась за ними, преграждая путь осеннему холоду, и Делоре покрепче сжала руку Милли, чувствуя облепившие их взгляды – настороженные, злые. Непроницаемое лицо Делоре не выдало ее чувств. Да чем она провинилась перед жителями этого города? Делоре провела по щеке, убрала непослушную прядь за ухо, рассматри-

вая красно-белый клетчатый пол. «Ну же, успокойся, Делоре, смотри не слишком внимательно, но и не слишком безразлично – так, как нормальные люди смотрят», – подбодрила она себя и только затем подняла взгляд...

Покупателей в такое время оказалось раз, два – и обчёлся. Сосредоточенные на покупках, они не обращали на нее внимания. Паранойя... Делоре осторожно выдохнула, продвигаясь в глубь магазина. Милли едва перебирала ногами, скованная страхом, приступы которого одолевали ее все чаще в последнее время, стоило им выйти на люди. Дичает ребенок... видимо, как-то не так Делоре воспитывает ее. При Ноэле Милли была очень бойкой, а сейчас растеряла всю свою резвость.

Делоре взяла корзину для продуктов, переключив внимание с едва уловимых признаков враждебности горожан (есть все же что-то вызывающее в их подчеркнутом игнорировании) на товары на полках. Повариха из Делоре была так себе. Она могла сварить суп (особенно, если он был из тех, роанских, все ингредиенты к которым продаются в одном пакете – только брось в бульон), ну или кашу – все-таки, у нее маленькая дочь, должна уметь. Но на что-то посложнее она решалась нечасто.

Находясь среди изобилия продуктов, Делоре испытывала скорее растерянность, чем аппетит. За два месяца, прошедшие со смерти Ноэла, она сильно похудела, так как еда растеряла для нее всю привлекательность – ни запаха, ни вкуса,

как будто жуешь пластик. Делоре остановилась возле коробки с яблоками. В ее прошлой жизни все яблоки различались – их отличали цвет, размер, форма, запах, плотность кожуры, вес, твердость. Нынешняя же Делоре утратила способность разбираться в нюансах. В окружающей ее темноте оттенки терялись.

– Красные или зеленые? – спросила она.

– Красные, – решила Милли.

Делоре положила пакет с красными яблоками в корзину.

Женщина в длинном сером пальто отшатнулась, когда Делоре прошла мимо. «Убивающих флюидов от меня не исходит!» – мысленно огрызнулась Делоре. А жаль... Поскорее бы уйти отсюда. Желтый искусственный свет вызывал чувство усталости, и Делоре закуталась в собственную отчужденность, как в одеяло, спряталась ото всех. Вижу лишь то, что мне нужно; слышу лишь то, что хочу слышать. А слышать она не хотела ничего, и поэтому уши словно закрыло ватой.

Суп, последняя банка. Оранжевая этикетка с изображением улыбающихся макаронных звездочек. Когда Делоре потянулась к банке, ее пальцы соприкоснулись с чьими-то пальцами, устремившимися к тому же объекту. Словно маленький ожог. Делоре отдернула руку, и уголки рта незнакомца поползли вверх. Вероятно, его позабавила ее нервозность. Делоре сжала губы, когда против ее воли их взгляды встретились. Его глаза (светло-голубые, смотрящие сквозь толстые

стекла очков) так явно выразили улыбку, что даже подтверждения губ не требовалось.

– Забирайте, ладно, – холодно бросила Делоре и отошла, утянув за собой Милли.

Через десять шагов она все-таки оглянулась. Тот тип по-прежнему нагло пялился на нее. Он показался Делоре чрезмерно крупным и неуклюжим, и в ее душе шевельнулось презрение. Мешковато сидящая одежда и спутанные волосы уже говорили о многом – недотепа и неудачник. Она сама удивилась силе ее внезапного раздражения.

Конфеты... она скользнула по ним взглядом и почти сразу увидела нужные. Делоре подцепила пакет кончиками пальцев и ответила невысказанному вопросу дочери:

– Нет, Милли. Это не для тебя.

– Тогда зачем ты их покупаешь, мама?

– Чтобы угостить ими одного плохого человека, – Делоре улыбнулась.

Ей представился растаявший шоколад, размазывающийся по пальцам, и ее передернуло.

Минуту спустя она отсчитывала деньги, стоя у кассы, и, сбившись в третий раз, признала, что взволнована. Какая глупость.

– И еще это, – банка тихо стукнула о прилавок. Снова тот рыжий очкастый парень.

– Оставьте себе, – пробормотала Делоре, не глядя на него. С губ так и рвалась невыносимая грубость.

Он промолчал. Всей обращенной к нему правой стороной лица Делоре чувствовала, что ее пристально рассматривают. Да чего он в ней нашел интересного?

– Посчитайте, – сдалась она. Неважно; лишь бы уйти побыстрее. Она торопливо побросала продукты в пакет.

На улице Делоре обернулась, но тот парень не шел за ними. Делоре выдохнула, и Милли бросила на нее странный взгляд – настороженно, искоса. «Как давно мне не смотрели в глаза», – вдруг подумалось Делоре. Кажется, с самой смерти Ноэла. Все испуганно отводили взгляды, будто в ее зрачках свернулись змеи, готовые ужалить любого, кто их потревожит. И когда тип в магазине так и впился в нее, она даже не знала, как отреагировать...

Все же Делоре падала в беспокойство. Нет, медленно опускалась по спирали, виток за витком, слишком убаюканная скукой, чтобы замечать это. Время текло уже иначе, не как прежде, и жизнь Делоре преображалась в чью-то чужую, которая принесет ей что-то...

Дома Делоре разогрела суп. Но Милли не хотела суп, а хотела печенье. После смерти Ноэла Делоре начала терять контроль над дочерью: Милли отказывалась от еды, не соглашалась ложиться спать в десять вечера и в принципе слушать ничего не желала. Иногда Делоре казалось, что их отношения ухудшаются с каждым днем. Конечно, Делоре никогда не научится готовить так, как Ноэл, и у нее нет его интонаций – одновременно мягких и беспрекословных, которым Милли

не могла не подчиниться. Куда уж Делоре до Ноэла. Он был добрым и хорошим и всегда знал, что делать и что правильно. Но Ноэл мертв. А Делоре хмурая и вечно усталая особа, и ей проще отшлепать или поставить в угол, чем уговаривать, так что лучше тебе позабыть о твоих маленьких надоедливых капризах, Милли.

– Если ты... – начала Делоре с раздражением в голосе. А что ты сделаешь, Делоре? Придушишь ее? Нет уж, милая – родила ребенка, вот и мучайся с ним до конца своей жизни. Делоре усмехнулась. – Только не рассчитывай, что я пожалею тебя, когда у тебя зубы разболются от сладкого. Отправишься к врачу как миленькая.

– Ладно.

– Ладно, – Делоре пожала плечами, с легким недоумением разглядывая маленькую девочку напротив себя. Женщины должны любить своих детей, свою плоть от плоти, и Делоре, конечно, любила. Но иногда, вот сейчас, она этого совсем не чувствовала, как будто Милли значит для нее не больше, чем любой другой ребенок, увиденный впервые в жизни.

– Я пойду на улицу? – спросила Милли.

– Иди, только ненадолго. Пока снова дождь не начался.

День пасмурный и темный. Делоре нажала на выключатель, и свет лампы призрачно отразился на гладком оконном стекле. Она положила руку на стол (приятно гладкая поверхность, но несколько колючих крошек от печенья). Вот реальность, здесь, в этих вещах, в эту минуту, и ты в ней. Дер-

жись за ощущения. Все поблекло на секунду, затем цвета и яркость вернулись.

Делоре проводила Милли, но сама выходить не стала. Помыла посуду, протерла поверхности. Надо бы убраться в доме, но она не находила на это сил. Если бы она дала себе волю... если бы... но Делоре была заперта в свое здравомыслие.

Тихо-тихо... и только часы навязчиво тикают. Что там делает Милли?

(Девятая суббота без него.)

Если дочь выйдет за калитку, что запрещено, Делоре рассердится.

(Но я переживу; хотя бы потому, что деваться мне некуда.)

Стол под ладонью сместился, и Делоре отдернула руку. Показалось, только показалось. Делоре распрямила спину. Ее глаза распахнулись шире, когда пол колыхнулся под ногами. *Движение*; казалось, дом поплыл по волнам. Ее качнуло еще пару раз, и все успокоилось. Делоре стояла испуганная, дрожащая с головы до ног. Но ощущение движения не исчезло полностью, ее словно все еще уносило куда-то – медленный дрейф по спокойной воде. Да что с ней? Делоре положила холодные ладони на теплые щеки. Посмотрела сквозь пальцы: цвета изменены, едва уловимое мелькание. Все чувства обострились – кажется, ощущается даже прикосновение воздуха к коже. «Хватит, – мысленно попросила Делоре. –

Стоп».

– Ничего не происходит, – сказала она вслух – и почти поверила себе. Дрейф... и все же не больше, чем ощущение. Если бы она могла, она бы заплакала.

Делоре взяла с подоконника маленькую лейку для комнатных растений и наполнила ее водой. Цветок умирал... Он поник, поблек и вряд ли уже поднимется с земли. Не то чтобы Делоре это так уж огорчало, но все же в этой упорной гибели вопреки всем ее заботам было что-то раздражающее. Не нужно обращать внимания.

«Я была так счастлива, когда-то», – отчужденно подумала Делоре. Но все прошло, признай – все потеряно, Черная Вдова. От окна сквозило холодом. Делоре наклонилась к стеклу, положила на него ладони, осторожно прислонилась лбом. Было так приятно ощущать этот твердый холод, когда внутри нее все плавилось и болело...

Милли играла в саду перед домом. Сад... да так, пять яблонь. Теперь, когда некому стало им заниматься, он будет дряхлеть и зарастать. Делоре и Милли уедут... дом останется – пустой и пыльный. Никто не выглянет из этого окна в сад, где яблоки будут падать на землю. Никто не подберет их, и они сгниют впустую. «Вот так же и со мной, – думала Делоре. – Я упала совсем недавно, но уже начала гнить. Может, я просто была испорчена с самого начала?» Она закрыла глаза и открыла их. Слезы были бы уместны в этот пасмурный день, но уместность была недостаточной причиной для них

прийти.

Делоре не тешила себя надеждой, что в будущем все наладится, стоит только перетерпеть. Смерть Ноэла оставила пустоту в сердце, и не верилось, что эту зияющую дыру возможно заполнить когда-либо, чем-либо. «Ты смотришь на жизнь безрадостно, как старуха, для которой все в прошлом», – сказала ей Селла несколько дней назад. Мысли Делоре не отличались от ее рассуждений вслух. Она понимала, что ее слова звучат холодно, но ей и хотелось быть холодной и разумной. Она уже не считала, что счастье – это нечто обязательное в жизни. Можно существовать и без него, сколь угодно долго. В прошлом у нее было достаточно разноцветных и хрупких иллюзий, и она пока еще не простила себя за то, что верила в них. Обломки заблуждений все с острыми краями, и обращаться с ними нужно осторожно, как с разбитым стеклом: собрать и выбросить, все до одного, чтобы никто не поранился.

Наблюдая за Милли, Делоре в очередной раз отметила, насколько та похожа на отца. Волосы Милли русые, темнее, чем у Ноэла, но серые глаза точно такого же оттенка, как были у него. Черты лица... и какие-то жесты, которые вдруг напомнят о нем... Ничего, совсем ничего от матери, будто у них и нет общей крови.

Милли запрыгала, как воробей. Она играла с отстраненностью и замкнутой сосредоточенностью ребенка, привыкшего развлекаться одному. Может быть, Милли одинока

только потому, что Делоре рядом, просто поэтому... Пока Ноэл был жив, черная тень Делоре жалась к ее ногам, а сейчас распростерлась так далеко, как только смогла.

Ноэл...

Делоре попыталась найти в своей памяти тот момент, когда между ними возникла трещина, которая позже, расширяясь, разделила их навсегда. И не смогла. Прошлые дни ее жизни захлопнулись, как двери. Хотя какой смысл размышлять о том, что невозможно исправить. Это бессмысленно, как и сожаление, ни на час не оставляющее ее в покое. Что было – то было, что сделано – то сделано. Если повторять эти слова каждый день, однажды их смысл станет привычен настолько, что не сможешь не принять его.

Ты знала с той минуты, когда впервые легла с ним рядом, а, может, с той, как только его увидела: однажды тебе станет нестерпимо плохо, Делоре. Нет историй, которые не заканчиваются. Ты можешь держать душу подальше, отдавать лишь часть, не всю себя, но после того, как тебя отвергнут, ты все равно ощутишь ненужность каждой клеткой. А с твоей-то лишенной разума, ненасытной любовью – это смертный приговор.

Делоре положила ладонь на стекло и одновременно с противоположной стороны застучали капли. Она вышла на улицу и увела разочарованную Милли в дом.

После ужина Милли начала плакать, не объясняя причины, и Делоре не знала, как ее успокоить. Каждый раз, когда

она приближалась или говорила что-то, плач только усиливался. Осознав бесполезность своих попыток, Делоре устроилась в кресле, поджала ноги и так безмолвно сидела, впав в растерянное оцепенение, пока Милли не утихомирилась сама по себе.

Одно хорошо: растратив много сил на крик и много печали на слезы, дочь заснула мгновенно.

Делоре осталась в тишине. Она включила телевизор, но ощущение сдавленной тоски, комом собравшейся в груди, не исчезло. Она боялась одиночества, все-таки да, боялась. Это ненормально: быть предоставленной самой себе в субботний вечер, не способной придумать никакого развлечения, кроме как побродить по темному дому, где слово сказать никому.

(И даже мамина кошка убежала; глупое животное.)

В итоге Делоре решила отсидеться в ванной – помещении, где одиночество вполне нормально. К тому же шум воды отлично заглушает гулкость пустоты.

Пока старомодная, размещенная на высоких вычурных ножках, ванна наполнялась водой, Делоре ощутила первую пульсацию головной боли. Прислонившись животом к краю раковины, она рассматривала себя в запотевающем зеркале, иногда протирая его ладонью. Она старалась не замечать последних изменений в своей внешности, но когда замечала, они пугали ее. Она похудела, и черты ее лица стали резче, что совсем ей не шло. Плотно сжатые губы были такими блед-

ными, что захотелось немедленно пройтись по ним помадой. Но больше всего Делоре не понравился собственный взгляд: пустой, будто в ее голове нет ни единой мысли, усталый, хотя с чего бы ей так утомиться. Их цвет...

«Я уникальная, – усмехнулась Делоре. – Единственная в мире женщина с фиолетовыми глазами. Одинокая, как инопланетянка, упавшая на эту землю со сгнувшей планеты».

Воды уже набралось достаточно. Делоре стянула одежду, равнодушно бросая ее на пол. У нее не было никакого желания видеть свое жалкое тощее тело, покрытое мурашками от холода, и она отвернулась от зеркала. Все же странное состояние, как будто она пьяна немного. Боль в голове усилилась.

Делоре легла в ванну, и от слишком горячей воды защищало кожу. Она не двигалась, пока тело не привыкло. Да пусть хоть кипяток; внутри ее лава, но еще глубже лед, до которого никакое тепло не доберется.

(Как же я ненавижу субботы.)

Делоре провела руками по влажному от пара лицу, по волосам. Запрокинула голову.

(Ты говорил, что не бросишь меня. Обманищик.)

Она глубоко вздохнула, и внутри лениво шевельнулась боль.

(А я так любила тебя. Ты же понимал, что, любя тебя, я не смогу тебя не возненавидеть, да?)

Делоре попыталась выжать из своих сухих глаз хоть слезинку, но тщетно.

(Я надела темные очки на твои похороны – чтобы никто не увидел, что мои глаза сухи.)

Слезы есть – где-то их так много, что ей больно дышать из-за них. Но они не хотят быть пролитыми. Боль ходит по кругу... круг... круг... круг... я хочу заплакать... но как найти время, если ты вечно блуждаешь, завершая один круг и сразу начиная следующий. Закрывать глаза... только на секунду... золотистый свет и потом – темнота.

Сначала возникло жжение, затем запястья и грудь мучительно занули. Делоре попыталась открыть глаза, но веки были тяжелыми, точно из золота, и она только приподняла их немного, рассмотрев сквозь ресницы: черные змеи в воде... Она вскрикнула, хрипло и тихо, приподнимаясь. Не змеи, разводы крови, хлещущей из ее разверстых вен и изрезанной груди. Делоре вскочила, охваченная ужасом, и прохладные потоки устремились с ее тела к поверхности замутненной кровью воды и покрытому красными разводами кафельному полу.

И погасло. Все. Ничего. Нет боли; кровь разошлась в воде бесследно, как дым в воздухе. Делоре неровно задышала, растирая свои руки, ключицы. Нет порезов, только мокрая холодная кожа. Кончики пальцев сморщились от долгого пребывания в воде. Как она умудрилась заснуть? Сколько она проспала? Вода совсем остыла, и Делоре дрожала от холода.

Она неуклюже выбралась из ванны, закуталась в полотен-

це и вышла в темный коридор. В своей спальне она посмотрела на часы: половина второго. Почти три часа прошло... Ей стало совсем не по себе. Никогда прежде у нее не было такого, чтобы просто взять и отключиться... упасть в странный сон, который был реалистичен, как... как сама реальность.

Делоре легла в постель, но все возвращающийся образ кровавых разводов не позволял ей уснуть. Она переворачивалась с боку на бок, однако желанное забытие не приходило. Снова этот плиточный окровавленный пол и призрачное ощущение боли в изрезанной коже. Делоре прикасалась к себе, пытаясь убедить себя, что порезов нет, но видела красные сочащиеся кровью полосы так отчетливо, даже сквозь мрак, что не могла не верить в их настоящесть. Если бы у нее было кому позвонить, она позвонила бы. Но некому. И только почему-то вспоминался тот парень из магазина.

ВС. 10 дней до...

Делоре проснулась около одиннадцати, но встала не сразу. Вроде бы ничего не болело. Голову заполняли обрывки смутных снов, слишком невнятных, чтобы припомнить. Давно такого не было, чтобы сны две ночи подряд...

Раскрыв шкаф, Делоре вспомнила про одежду, оставленную в ванной комнате. Вчерашнее происшествие поблекло в памяти и больше не вызывало тревоги – подумаешь, задремала в ванной. Она схватила первые попавшиеся свитер и джинсы и оделась.

Милли отыскалась на полу в гостиной. Давно проснувшись, она сидела тихо, чтобы не разбудить мать, и что-то рисовала в разложенном перед ней альбоме.

– Милли, – позвала Делоре, но дочь не оглянулась. «Хватит сердиться, – сказала себе Делоре. – Тебе плохо, но и ей тоже, или даже еще хуже. Ей всего-то пять лет».

Делоре опустилась на четвереньки и тихо поползла по ковру, прогибая спину, как кошка. Она ткнулась носом в шею Милли.

– Мурррр.

Милли молчала. Продолжая мурлыкать, Делоре потерлась щекой о нежную щечку ребенка. То ли Милли смилостивилась, то ли ее просто щекотали волосы Делоре, но она рассмеелась. Давно Делоре не слышала этот смех. Она села, об-

вив Милли ногами, и сгребла ее в объятия. Волосы уже не щекотали, но Милли по-прежнему смеялась.

Делоре улыбнулась. Улыбка преобразила ее серьезное лицо, привыкшее к угрюмому выражению. Плотнo сомкнутые губы разжались, лоб разгладился, брови перестали хмуриться.

– Все хорошо? – спросила Делоре.

– Да! – бойко ответила Милли.

Делоре поцеловала ее. Ее дочь. Маленькая, хрупкая и теплая, как крольчонок. Какой смысл им воевать друг с другом, когда они одинаково брошены и одиноки.

Они позавтракали вполне мирно (никто не плакал, не отказывался есть и не швырял тарелку на пол, что тоже иногда бывает), и после Делоре разрешила Милли взять печенье. Пока Делоре мыла посуду, дочь прыгала рядом. «Да все будет нормально, – увещевала себя Делоре. – Нельзя даже сомневаться, что однажды, с какого-то дня, будет». Ощущение дрейфа исчезло. Ясное небо за окном, и голова не болит, и вообще вроде как не о чем особо беспокоиться, и только изможденный цветок на подоконнике немного портит общую картину.

– Издыхаешь? – спросила Делоре, но цветок, к счастью, ничего не ответил.

Единственный выживший. Мама бы расстроилась, узнав, что случилось с ее растениями. Первые несколько дней после похорон Делоре прожила будто в трансе, ей было ни до чего

и уж тем более не до цветов, а к тому моменту, как она спохватилась, спасти было почти что некого. Она поливала их прилежно, но они увядали и гибли, даже если у них уже было столько воды, что она не впитывалась в землю. Вот и этот – будто месяц не видел и капли. Делоре потрогала дряблые листья. Вот что с ним делать? Она совсем, совсем не разбиралась в цветах, они ей даже не нравились, но все же... все же как-то неприятно ощущать себя причиной чьей-то смерти, пусть даже всего-то бессловесных растений.

– Не хочешь прогуляться, Милли?

Милли хотела.

Делоре поленилась переодеться. Она попыталась подкраситься перед выходом на улицу, но пальцы почему-то были непослушными и негибкими, так что получалось так себе. Тогда Делоре смыла результаты своих неудачных попыток и впервые за десять лет вышла на улицу без макияжа. Да кому она нужна, красивая ли, страшная ли – никому. И сейчас подобные размышления ее почти веселили.

Небо решило, что хорошего помаленьку, и опять собирало тучи. Но солнца пока хватало, лучи струились в просвет между темными облаками, и так было, пожалуй, даже красивее. Когда Делоре поднимала голову, она видела яркие вспышки света среди ветвей высоких елей, выстроившихся вдоль дороги. Лужи, отражающие небо, поблескивали, как синее стекло.

После Льеда, по сравнению с которым и Торикин казал-

ся провинциальным, городок производил впечатление игрушечности: узкие улицы, низенькие дома, мелкие магазинчики. Можно пешком пересечь весь город всего-то часа за два. Хотя Делоре прожила здесь до семнадцати лет – большую часть ее жизни, ощущение узнавания возникало нечасто. Город забылся с легкостью, будто не реальный, а явившийся ей во сне, и, кажется, ничто не способно восстановить детские воспоминания о нем. Возвратившись полтора месяца назад, Делоре словно увидела его впервые. Ничем не примечательное местечко, разве что море рядом. Чисто, спокойно и красиво, но для Ровенны это норма. Совершенно нечего делать – как они с тоски не свихаются? Вероятно, убивают время в сплетнях... Делоре наморщила нос.

Милли отпустила ее руку, затем сжала снова.

– Я не слишком быстро иду? – спросила Делоре.

– Нет, мама.

Иногда Делоре думала о том, как много в Ровенне подобных городков, и почему-то ей становилось жутко. Странно. Вроде бы, чего в этом плохого? Но, вдыхая чистейший воздух, она чувствовала, что задыхается. Даже среди жарких потоков, в летние дни поднимающихся с раскаленного асфальта Льеда, ей дышалось лучше (все же она любит Роану, страну Ноэла, а в Ровенне она вечно чужая дочь). А здесь почти нет асфальта. И разноцветных мостовых, как в Торикине, тоже нет. Просто гладкая утоптанная земля.

Где-то в конце этой улицы вроде бы был магазин для садо-

водов... Делоре сомневалась в этом вплоть до той секунды, как заметила вывеску с нависающим над ней большим желтым гладиолусом, сделанным из пластика (может, это был не гладиолус; Делоре плохо разбиралась в цветах). Приблизившись, она присмотрелась к цветку. Вот уж чудо дизайнерской мысли. Выглядит дешево и провинциально.

Ее встретили привычно настороженными взглядами. Делоре почувствовала, как Милли напряглась, крепче стискивая руку матери. Пока Делоре объясняла, что ей нужно, девушки-продавщицы рассматривали ее такими круглыми испуганными глазами, будто напрашивались на грубость. Что, у Делоре две головы? Зеленые зубы, торчащие изо рта? Или она просто ест маленьких детей на завтрак? Что? Ну что не так? И к чему эти глупые переглядывания?

– Деньги не оравлены, – заверила Делоре – просто чтобы они не тревожились попусту. Стянув тонкую замшевую перчатку, она провела кончиками пальцев по купюре, которую только что положила на прилавок. – Видите? В этот раз все-таки нет.

Девушки покраснели. Делоре сердито сгребла сдачу и, выходя из магазина, хлопнула дверью. Хорошее настроение улетучивалось. Делоре посмотрела на Милли.

– Не кисни. Все в порядке.

(В этом городе хоть вообще не выходи из дома.)

Только Делоре так подумала, как появилась та старуха – возникла перед ними, будто из-под земли выскочив. Дело-

ре видела ее прежде. Мало вменяемая особа, если судить по манере одеваться. Один этот оранжевый шарф не по сезону – длинный, болтающийся, едва не метущий землю, – чего стоит.

Делоре едва коснулась взглядом злого сморщенного личика и брезгливо сжала губы, ускоряя шаг. Милли едва поспевала. А старуха вдруг развернулась и пошла следом. Делоре расслышала невнятное бормотание за спиной. Затем бормотание стало отчетливее (видимо, старуха спустила шарф со рта), и Делоре разобрала:

– Проклятая, проклятая...

Делоре подавила желание оглянуться. Нет уж, не дождешься, старая гадина.

– Проклятая! Порождение смерти и сама причиняющая смерть, – старуха повысила голос и зашагала с нестарческой быстротой, пока не приблизилась к Делоре вплотную.

Милли испугалась. И только поэтому Делоре остановилась и обернулась. Необходимо прервать это злобное пыхтение.

– Что за чушь вы несете?

Старуха отступила на один маленький шаг, исподлобья рассматривая Делоре.

– А то говорю, что перчатки не снимай. У тебя руки в крови.

Делоре будто ледяной водой плеснули в лицо. Конечно, от горожан в принципе хорошего не жди, но таких диких слу-

чаев еще не было.

– Отвяжись, – сказала Делоре (то есть не это слово, а другое, похуже, но близкое по смыслу) и сама удивилась собственной грубости. Отлично, Делоре, такой стиль речи очень подходит к этим линялым джинсам. Прямо-таки дворовая девушка. Да все равно...

Старуха замерла, хотя бормотать не перестала, но Делоре и Милли уже покинули пределы слышимости. Делоре была вне себя от злости, но это все же лучше, чем расстроиться. Она остановилась, чтобы успокоить дочь. Опустилась коленями на асфальт, прижала Милли к себе, обняла за плечи.

– Та старуха просто сумасшедшая, Милли. Забудь ее слова...

И тут ее кто-то окликнул по имени.

Делоре недоуменно оглянулась. Тот неуклюжий верзила из магазина... Он стоял под елью, руки в карманах, и невозможно рассматривал Делоре. Вероятно, ждал, когда она ответит, тем самым дав повод приблизиться. Он знает ее имя? Вряд ли. Ей только послышалось. Делоре взяла Милли за руку и молча потянула ее прочь. Какое мне дело до твоих окликов? Да кто ты такой вообще?

Они точно решили достать ее сегодня.

Захлопнув за собой дверь и заперев ее на ключ, Делоре глубоко вздохнула. Наконец-то дом. Убежище, где их всех нет.

– Сомневаюсь, что ты стоишь этих неприятностей, – про-

бормотала Делоре, поливая цветок прозрачной жидкостью из пузырька, приобретенного в магазине для садоводов. – Если это тебе не поможет, то, наверное, ничего уже не поможет.

Стекло взорвалось возле самого ее лица, и Делоре отпрыгнула, ударившись бедром об обеденный стол. Осколки рассыпались по полу. Пробивший оконное стекло камень пролетел через всю кухню, стукнул в дверь, оставив на ней вмятину, и грохнулся на пол.

Милли стояла неподвижная, широко раскрыв глаза от ужаса. Одновременно со вспышкой дикой злобы, пришедшей на смену удивлению и испугу, у Делоре мелькнула мысль, что Милли могло задеть камнем или осколками (о себе она в тот момент даже не вспомнила, но вспомнила минутой позже, что еще больше воспламенило ее ярость). Подскочив к дочери, она выволокла ее в коридор, подальше от зияющего пробоем окна, и внимательно осмотрела ее голову и тело. К счастью, Милли не пострадала, и Делоре вздохнула с облегчением.

– Милли, иди к себе в спальню, – сказала Делоре со всей возможной мягкостью, на секунду прижав дочь к себе.

Когда дочь скрылась в комнате, Делоре метнулась к входной двери, резко распахнула ее и выбежала в сад. И, конечно, никого не увидела. Она все же пробежала по тропинке и выскочила за калитку. Безлюдно. Смылся. И только фантик на земле. Обжирющийся конфетами гаденыш умотал прежде, чем она сломала ему шею. Досадно, не правда ли?

– Я еще поймаю тебя! – пригрозила Делоре, хотя слушать ее было некому. Она бы заорала в голос, но ее остановило понимание, что даже крик едва ли достигнет ушей того, кому он предназначен. Следовательно, ее срыв будет не только глупым, но еще и совершенно бессмысленным. – Ну, давай же, разозли меня... и тогда...

А что тогда?

(И тогда я так нафарширую тебя твоими любимыми конфетами, что ты еще неделю будешь ими блевать.)

Внутри Делоре все клекотало. Когда пожарище гнева немного унялось, на нее повеяло холодом. Она стоит на осенней улице в легких джинсах, тонком свитере и носках в бело-зеленую полоску. М-да. Делоре побрела к дому, поджигая пальцы. «Шуточки; да-а, очень смешно», – думала она, запирая калитку. Она поднялась на крыльцо, бросив полный тоски взгляд на разбитое окно, закрыла дверь (два оборота, и потом еще подергала дверную ручку, убеждаясь, что заперто), стянула грязные носки. Ощущение домашнего покоя окончательно разрушено, очень жаль.

– Я прогнала его, Милли! – крикнула она.

Из комнаты Милли не доносилось ни звука. Делоре открыла дверь и заглянула внутрь. Милли сжалась в комочек под одеялом. Ну ладно, хотя бы не слушать ее плач.

Делоре прошла в кухню. Что теперь делать с разбитым окном, она понятия не имела. Камень обернут бумагой... записка. Ну конечно, просто кинуть камень в окно – этого мало

для счастья, нужно еще и словами потравить. Горло Делоре стиснуло от такой лютой злобы, что будь здесь ее обидчик, опасения за его жизнь были бы вполне уместны.

Не тревожась о собственных босых ступнях, Делоре прошла среди осколков и, присев на корточки, подняла камень. Она развернула бумагу. Буквы, накарябанные красным фломастером: «УБЕЙ СЕБЯ, ВЕДЬМА!»

– Разумеется, – произнесла Делоре тонким голоском мультипликационного персонажа. – Прямо сейчас. Как вам будет угодно.

Листок с настойчивым суицидальным призывом Делоре сожгла над раковиной. В своем стремлении уничтожить записку полностью она позволила огню подобраться слишком близко и обожгла кончики пальцев. После она долго и тщательно мыла руки. По поводу камня она сначала задумалась, а потом сказала себе, что это бред, и просто выбросила его в мусорку. Ну что она должна сделать? Зарыть булыжник в землю и, стоя над ним, трижды проклясть его отправителя?

Она собрала крупные осколки, убрала пылесосом мелкие и ушла из кухни, плотно закрыв за собой дверь.

В гостиной Делоре села в кресло возле телефона, потянулась к трубке и тут сообразила, что понятия не имеет, где раздобыть номер стекольщика. В принципе, можно расспросить соседей, но они такие мрачные, едва здороваются с ней, и Делоре не хотелось к ним обращаться. Еще можно спросить Селлу, но... Делоре на удивление хорошо помнила теле-

фонный номер родительского дома Селлы, вот только Селла теперь жила с мужем, в другом месте. Делоре даже приблизительно не знала, где именно.

Она провела ладонями по своим прохладным гладким волосам и сгорбилась. Тишина... Комната заполнена серым полумраком – маленькие тучи давно слились в одну большую, на все небо, надежно скрыв мир от солнца. Потеряв свою иллюзорную безопасность, дом ощущался как-то... мерзопакостно, как будто чужая злоба, проникшая в него, испачкала его собой. Главным образом, кухню, но в итоге заражено все пространство. Ничто не осталось прежним. Вот сейчас ее пугают эти широкие окна, хотя за ними никого, только деревья.

Делоре сдвинула шторы и вернулась в кресло. Она должна пойти к Милли или прогуляться-таки до соседей, и вообще – время обеденное. То есть она в любом случае должна подняться и заняться чем-нибудь вместо того, чтобы апатично сидеть в полумраке, делая очевидным тот факт, что эта история с камнем, брошенным в кухонное окно, окончательно выбила ее из душевного равновесия. Был бы Ноэл жив, он бы знал, как все исправить... Всегда знал. Хотя, если бы Ноэл был жив, Делоре не находилась бы здесь и всего этого вообще бы не происходило.

И мама...

Глаза жгло, но слез не было. Проклятье, почему она не может заплакать, когда ей так хочется? Делоре надавила на

веки пальцами, и в бархатной темноте засияли белые пятна. Она судорожно выдохнула, и ей стало стыдно за собственное отчаянье.

Иногда, в какие-то минуты, вот как сейчас, к Делоре приходило понимание, насколько ужасно, не представляемо кошмарно она одинока. Как будто ее окружает ледяной купол – ни к кому не прикоснуться, ни до кого не докричатся, хоть горло сорви. Ее муж мертв, родители мертвы, друзей нет и не будет. Селла? Но почему Селла ни разу за шесть недель не пригласила Делоре в гости и с туманной вежливостью отказывалась, когда Делоре звала ее к себе?

Пальцы Делоре снова скользнули в пряди темных волос, спутывая их. Всего-то пару месяцев назад мать сидела в этом самом кресле, разговаривая по телефону с ней, Делоре. Это оказалось их последней беседой. Делоре ощутила слабый укол совести: в безграничном отчаянье, принесенном смертью Ноэла, тоска по матери растворилась бесследно. Делоре даже не участвовала в организации похорон, все сделали горожане, а ей только и осталось что приехать прогуляться вслед за гробом до могилы, будто она и не дочь вовсе, а какая-то дальняя родственница, о которой обычно и не вспоминают. Делоре все еще сердилась за это: кто дал им право делать что-то без ее ведома, почему они даже не потрудились известить ее вовремя?

Впрочем, о гибели Ноэла она тоже не сразу решила рассказать матери – прошло уже четыре дня. Делоре вспомни-

ла, как дрожали ее пальцы, пока она набирала номер. Она боялась закричать, говоря о случившемся, но не боялась заплакать, потому что слезы уже тогда были заперты в ней.

– Как ты могла? – сурово осведомилась мать, когда больше всего Делоре нуждалась в том, чтобы ее пожалели. – Он любил тебя так, как только возможно тебя любить. Он был лучшим в твоей жизни, твоим подарком богов. Что ты с ним сделала?

– Я?! – выдавила Делоре. Во рту у нее стало сухо и горько, глаза на мгновение ослепли. – Я не знаю, о чем ты говоришь, мама.

– Ты все знаешь, – возразила ее мать. – Не заставляй меня произнести это вслух.

Молчание растянулось по длинному проводу между ними, и в эту паузу все решилось. Само собой, так просто. Вода устремилась по наклону, теперь ее ничто не удержит...

– Мама... я попытаюсь простить тебя за то, что ты мне сказала... я постараюсь... но если у меня не получится... то это конец. Все. Ты понимаешь? – медленно выговорила Делоре.

Долгое молчание в трубке. Потом мать заплакала. Делоре представила ее себе: полноватая седая женщина, сидящая в кресле возле низенького журнального столика. Мать Делоре была простым человеком, с заурядными интересами и четко сформулированными представлениями о жизни. Для нее все делилось на черное и белое, тогда как для Делоре сливалось

в серую муть. «Тебе стыдно за то, что ты сказала мне, – подумала Делоре. – Лучше жалею об этом. Но даже если ты будешь сожалеть изо всех сил, я не уверена, что еще возможно что-то изменить. Я на все решилась. Ты так ранила меня этими словами, что я уже не смогу простить тебя, мама».

– Я знаю, что ты убеждена в обратном, Делоре... – начала ее мать. Ее голос звучал сдавленно, но может, так только казалось из-за искажений на линии.

(Ты НИЧЕГО не знаешь обо мне.)

– ... но я всегда любила тебя. Это правда, Делоре. Всегда.

(Ты НИКОГДА не любила меня.)

– И папа любил тебя.

(Ну уж он-то ТОЧНО НЕТ. Признайся – вам иногда, или даже часто, хотелось, чтобы меня не было. Лучше остаться бездетными, чем получить такую дочь. Не отрицай. Я постоянно чувствовала ваше сожаление, весь наш дом был отравлен сожалением, и ваши горькие мысли жгли меня, как крапива.)

– Мы твоя семья, и мы останемся твоей семьей, что бы ни случилось.

(Вы никогда не были мне семьей. Вы все меня отвергли. Я сама по себе.)

– Какой бы...

Делоре заметила нерешительность матери.

– ...какой бы ты ни была, ты моя дочь.

А какая я, мама? Делоре стояла, прижимаясь спиной к

холодной стене позади нее, и молча слушала далекие всхлипывания. Ей казалось, что эта женщина незнакома ей, но и она сама для себя незнакомка. Сердце ощущалось как маленькая, крошечная льдинка, не оттаяв и после того, как Делоре положила трубку. И сутки спустя. И еще сутки спустя. По ночам Делоре просыпалась оттого, что этот ледяной холод жег ее изнутри. А на третий день холод внезапно исчез, и на Делоре навалилось безразличное спокойствие... затишье перед бурей.

Сознание Делоре вернулось в настоящее. Когда она с усилием уладила свои руки, на голове было уже гнездо вместо прически. «Меня преследует смерть, – устало подумала она. – Вгрызается в меня глубже и глубже. Пока однажды от меня совсем ничего не останется».

Все, хватит уныния. Это уж слишком даже для тебя, Делоре.

В кухне она взяла хлеб, масло, сыр, посуду. В разбитое окно вливалась осень, и Делоре задрожала от холода. Начинило темнеть; значит, в своей тоске она проплавала долго. Подготовив все необходимое, Делоре выцапала Милли из-под одеяла и отвела ее в гостиную.

– Мы будем ужинать здесь. Возле телевизора. Посмотрим мультики. Тебе так нравится, Милли? – Делоре села на пол.

– Нравится, – безрадостно согласилась Милли. – Когда мы вернемся домой, мама?

Положив на колени разделочную доску, Делоре сосредото-

точно намазывала масло на хлеб.

– Скоро, Милли.

– Это плохой город, – Милли скривила губы, но не заплакала.

– Может быть, – уклончиво пробормотала Делоре. Она потянулась к телевизору и включила его. Давящую тишину разрушила веселенькая мелодия анимационной заставки, и жесткий ком в груди размягчился. – Мы свободные птицы, нас ничто не держит, – она протянула Милли бутерброд. – Мы не задержимся тут надолго.

– Честно-честно? – по-роански спросила Милли.

– Честно, – ответила Делоре по-ровеннски.

ПН. 9 дней до...

Делоре разбудила пронзительная трель будильника. Очередной понедельник... она со вздохом подняла голову с подушки. Одеваясь, она вспоминала свой сон. Ей снилось, что она мужчина. Ну мужчина и мужчина, ничего особенного в этом сне не было. Только почему-то припомнилось как нечто важное, что, даже при другом теле, ее глаза были по-прежнему фиолетового цвета.

Все как обычно: Делоре накормила Милли завтраком, отвела ее в садик и пошла на работу. Утро выдалось серенькое, мутное, и даже лимонно-желтые листья, усеявшие землю под ногами, казались потускневшими.

Едва Делоре шагнула на порог, как Селла разрушила сонливость утра, сообщив:

- Знаешь, о тебе выспрашивает какой-то тип.
- Какой еще тип? – подчеркнуто равнодушно осведомилась Делоре, хотя у нее мороз прошел по коже.
- Такой большой, в очках. Торикинец. Ну, может, и не торикинец, но приехал из Торикина.
- Я его видела.
- Вот оно что, – оживилась Селла. – И как он тебе?
- Мне? – удивилась Делоре. – Никак. А что он спрашивает?
- Да вроде того, какое у тебя обычно настроение и как ты

вообще живешь. Как к тебе относятся. Есть ли у тебя друзья. Какую-то ерунду, в общем, – Селла исчезла под столом, втыкая в удлинитель шнур от электрического чайника. – Похоже, ты ему понравилась.

– Глупости какие, – сказала Делоре. – Я никому не могу понравиться.

На это Селла ничего не сказала, и Делоре ощутила неприятный укол, будто своим молчанием Селла согласилась с ее утверждением.

– Селла...

– Да, – Селла достала из ящика стола две чашки.

– Мне нужно вызвать стекольщика.

– А что у тебя случилось?

– Окно разбилось.

– Как это ты его?

– Да вот так, – уклончиво ответила Делоре.

– Я не знаю... я у мужа спрошу.

– Хорошо.

Делоре прислонилась к краю стола и ссутулилась. Селла обеспокоенно посмотрела на нее.

– У тебя ничего плохого не произошло? Выглядишь подавленной.

– Все в порядке.

– Ну... – Селла пожала плечами. – Не хочешь, не говори.

– Было бы что рассказать, я бы рассказала, – зачем-то соврала Делоре и расправила складку на своей длинной черной

юбке.

– Там новые книги привезли. Два ящика. Нужно будет разобрать их сегодня.

– Угу. Вот скукотища.

Разбирать книги действительно занудно: каждую нужно пронумеровать, зарегистрировать в каталоге, наклеить кармашек для бланка... Но сегодня Делоре было приятно это монотонное занятие. Она подняла со дна коробки справочник по анатомии, и под ним обнаружилась еще одна книга, на обложке которой было нарисовано море после шторма – умиротворенное, усталое, темно-синее. Автор решил соригинальничать, и вместо названия красовались несколько непонятных символов.

– И как мне занести ее в списки? – растерялась Делоре.

– Просто перерисуй.

Делоре перерисовала название, записала имя автора, год издания, издательство, дату поступления в библиотеку. Открыла книгу на первой главе, тридцать секунд читала, а потом ее взгляд стал острым-острым.

– Такое чувство, что некоторые писатели пишут лишь для того, чтобы портить людям настроение, – сказала она, вписывая книгу на полку с мелодрамами.

Делоре села в кресло, и Селла протянула ей чашку с чаем. Делоре взяла чашку и поставила на стол справа от себя, обхватила ледяными пальцами горячий фарфор. Такое приятное щекочущее ощущение согревания... Опять тоска? Нет,

вроде бы. Пока все держится в рамках.

Стекольщик пришел в семь вечера. Он был мрачным, грубым на вид человеком и смотрел на Делоре с холодным пренебрежением, что заставляло ее отвечать ему тем же. Она едва ли две фразы произнесла, он так вообще только кивал, и Делоре услышала его хриплый голос лишь когда он уведомил, сколько она должна заплатить ему. Впрочем, работу он сделал хорошо и быстро, так что плевать на его манеры.

После его ухода Делоре протерла пол (стекельщик не удостоился снять уличную обувь), приготовила простенький ужин и помыла посуду. Когда в дверь позвонили, Делоре и Милли играли на ковре в гостиной. Свет был выключен, комнату освещал только экран телевизора. Делоре замерла, сжимая в кулаке игральные кубики (был как раз ее ход) и прислушиваясь.

– Кто-то пришел, – пропищала Милли, и они посмотрели друг на друга, как две преступницы, скрывающиеся от полиции.

– Мы никого не ждем, – возразила Делоре.

Звонок повторился. Длинная трель в тишине. Делоре бросила кубики. Четыре и три.

– Семь, – и по глянцевому полю передвинула свою фигурку на семь кружочков.

Снова звонок.

– Как невежливо, – пробормотала Делоре, передавая кубики Милли. – Запомни, так делать нельзя. Навязчивость –

дурное качество.

Милли бросила кубики.

– Вот что у меня.

– Сосчитай, сколько всего.

– Раз-два-три-четыре-пять-шесть. Шесть.

– Хорошо. Ходи.

Напряжение все еще не оставляло Делоре, хотя звонки прекратились. Она легла на бок и подперла голову ладонью.

Спустя два часа она лежала теперь уже в постели и думала, как хорошо, что понедельник завершился, не успев причинить вреда.

Делоре щелкнула по выключателю, закрыла глаза, и в бархатной темноте под веками вспыхнули белые буковки... Единожды увиденный, текст книги накрепко застрял в ее памяти.

«Оставь меня грустной, надломленной, жалкой. Там, где я лежу. Тебе кажется, я просто умру без тебя. Но так только тебе кажется. Меня заметет песок... с приливом меня захлестнут волны. Я буду лежать неподвижно, не дыша, как мертвая, ожидая момента, когда мое тело перестанет болеть, когда силы восстановятся. Однажды я привыкну к твоему отсутствию, как прежде привыкла к присутствию. Здесь лишь вопрос привычки, не так ли?»

Когда ты вернешься подобрать меня, ты обнаружишь, что подбирать тебе уже некого. Я никогда не вернусь к тебе. Ты пожалеешь... но ты не найдешь меня.

Прощай».

Что здесь – усталость, сила? Или просто безразличие? В любом случае Делоре никогда не смогла бы так сказать... ей бы просто не хватило смелости, ведь она точно знала, что за ней не вернуться.

ВТ. 8 дней до...

Делоре проснулась с ощущением тревоги. Сон еще висел над ее головой серым облаком, но быстро таял, и после его исчезновения Делоре уже не смогла вспомнить, о чем он был. Она вылезла из-под одеяла и задрожала – за ночь резко похолодало, и комната остыла. Пора принести с чердака обогреватели, хватит, уже давно не лето.

Зеркало отразило ее, неодетую, белую. Контрастируя с кожей, волосы казались темнее. Пряди тянулись до груди, касаясь сосков, напрягшихся от холода. На минуту собственное отражение захватило все внимание Делоре, и она смотрела на себя будто впервые, как на другую женщину, не понимая, какое чувство сильнее – влечение или отторжение. Фиолетовые глаза смотрели спокойно и холодно. В этой неподвижной женщине в зеркале была какая-то тайна... которую Делоре не могла разгадать... и это создавало ощущение, что она чужая... сама себе... иногда... немного. Кто ты, скажи мне, кто? Все, что я знаю о тебе, – что ты мне неизвестна. И внутри беспокойство... как будто собственное отражение способно причинить ей вред.

Делоре отошла от зеркала и начала одеваться. Ей ничего не пришлось покупать специально для похорон, потому что и так почти вся ее одежда была черной. Она любила этот цвет (и еще темно-зеленый). Одевшись, она продолжала дрожать,

не согреваясь.

По дому гулял сквозняк. Он просачивался из-под двери кухни. Странно, ведь окно же починили. Делоре распахнула дверь, и на нее хлынул поток холода. Она застыла, всматриваясь в полумрак (еще не совсем рассвело), а холод вонзился в ее кожу, пронзал, как тысячи тончайших игл. Делоре провела пальцами по стене, нащупала выключатель и нажала на него. Свет мгновенно заполнил маленькую кухню; холод исчез. «Непонятно...» – подумала Делоре, и ее качнуло. Дрейф. Она чувствовала его снова. Ее маленькая жизнь подчинилась чему-то большему, уносящему ее с легкостью, как река подхватывает упавший лист.

По дороге в сад Милли опять раскапризничалась. Вскоре терпение Делоре лопнуло, и она сердито приказала дочери замолчать. Вспышка гнева сменилась уже хорошо знакомым ощущением унылой опустошенности. Раньше она не срывалась на Милли так часто... но раньше и Милли не позволяла себе закатывать истерики посреди улицы.

Деревянные фигуры во дворе садика всегда вызывали у Делоре неприязнь, а сегодня показались особенно мерзкими. Боги... проходя мимо, она старалась не смотреть на них, потому что горло сразу сжималось от отвращения. Насмотрелась в свое время, довольно. Деревянные уроды, покрытые дешевой краской, вот кто они для нее, и ничего больше, что бы ни внушал ей когда-то папочка и прочие мракобесы. Вот к чему эти идолы на территории детского сада? Забивают

детский разум фанатизмом. Ей следует подойти к руководству и высказаться... но только не сегодня, когда ее переполняет тревога. Она ощущала себя кошкой, скребущей когтями входную дверь, прося выпустить ее наружу. То же нетерпеливое желание выбраться... скрыться ото всех в зеленых джунглях. Двигаться свободно... вне дома, стены и потолок которого давят на тебя... вне этого холодного страха, который сковывает, как лед.

Делоре шла на работу быстрее обычного, но все же недостаточно быстро. Ей хотелось мчаться сломя голову. Когда она бегала в последний раз? Не вспомнить.

Рабочий день выдался на редкость занудным. Время тянулось еле-еле, а движения Делоре были резкими и суетливыми. Все валилось из рук.

– Да что с тобой? – спросила Селла.

Если бы Делоре сама знала ответ на этот вопрос... Она взяла Селлу за руку, рассматривая часы, висящие у той на запястье (у Делоре никогда не было часов). Как же долго до пяти.

Делать было совершенно нечего, и в половине пятого Делоре не выдержала. Заявив, что у нее болит голова (пусть это и прозвучало неубедительно), она оделась и ушла. Ей хотелось прогуляться, прежде чем идти за Милли, и она кружила, удлиняя путь. В какой-то момент она заметила боковым зрением того типа из магазина, про которого Селла сказала, что он торикинец, но среди ее спутанных мыслей размышле-

ниям о его подозрительной навязчивости не нашлось места, и Делоре просто убыстрила шаг, отдаляясь. Преследовал он ее сейчас или нет, ей было настолько безразлично, что она не стала оборачиваться. Все, чего она хотела, – потратить эту ненужную энергию, от которой вскипела и быстро-быстро побежала по венам ее обычно заторможенная, холодная кровь.

Делоре свернула в парк и стремительно зашагала по аллее, вдоль пустующих лавочек – кому захочется сидеть здесь в промозглый осенний день. И тут торикинец окликнул ее:

– Делоре!

Делоре не собиралась останавливаться, даже не оглянулась. Он нагнал ее в два счета и пошел рядом, сунув руки в карманы широкой куртки.

– Вы разузнали, как меня зовут, – угрюмо констатировала Делоре, не глядя на него. – С чего такой интерес?

Он мягко улыбнулся, поглядывая на нее. Его взгляд щекотал ее щеку, как солнечный зайчик, и Делоре все же неохотно повернула голову.

У него были выпуклые глаза сильно близорукого человека, растрепанные волосы спадают на лицо. Делоре снова подумала, что он ей очень, ну просто очень не нравится. Ее привлекали хорошо одетые, собранные, серьезные мужчины, каким был Ноэл, а этот производил впечатление разгильдяя, не заботящегося о мнении окружающих. Его расслабленная манера держаться действовала ей на нервы.

«Наверняка холостяк, – решила Делоре. – Кому такое сокровище нужно». Она представила, как с утра он разыскивает свои носки, устраивает разгром в кухне, готовя себе завтрак, и уходит, оставив кровать незаправленной, – и наморщила нос. А вообще... пора прекратить это... нечего вообще о нем думать.

– А вы считаете, что не заслуживаете интереса? – спросил торикинец.

– Не большего, чем любой обычный человек, – Делоре пожала плечами. Может, просто взять да и послать его подальше?

– Ну-у, вас сложно назвать обычной, – протянул торикинец, и Делоре внезапно разозлилась.

– Чего вы пристали ко мне?!

Он слегка удивился ее вспышке.

– Ничего. Просто поговорить.

– Я имею полное право не разговаривать с вами, если мне этого не хочется.

– Конечно, – согласился он примирительно. – Но, пожалуйста, уделите мне время. Вы, конечно, со мной не согласитесь, но я именно тот человек, которому вы можете довериться.

«С чего бы?» – фыркнула мысленно Делоре, но вслух ничего не сказала.

Минуту они шли молча, и Делоре вдруг подумала – а почему бы и не поговорить? Он хоть и большой, как шкаф, но

кажется простодушным. Чем навредит ей минута-другая пу-
стопорожней болтовни?

– Если вы спросите, я отвечу, – буркнула она, и торикинец растерялся от неожиданности. Что, не ожидал, что будет так легко?

– Вы замужем?

Делоре насмешливо поджала губы.

– Вам прекрасно известен ответ на этот вопрос.

– Ну да, – признался он.

Долгая пауза.

– А что случилось с вашим мужем?

«Если он мечтает получить по носу, то движется в пра-
вильном направлении», – мрачно отметила Делоре.

– Несчастный случай, о чем, я уверена, вам также пре-
красно известно.

– Мне просто хотелось услышать, что об этом скажете вы.
Знаете, – начал он, и осторожная вкрадчивость в его голосе
царапнула Делоре, как наждачная бумага, – в этом городе о
вас ходят своеобразные слухи...

– И, как последняя сплетница, вы собрали их все, – сладко
проговорила Делоре, и на ее губах появилась едкая усмешка.

– Собирать не запрещается, распространять – грех. И по-
том, у меня свои цели.

Если торикинец рассчитывал, что Делоре начнет выяс-
нять, какие именно, он был разочарован. Она просто молча-
ла, угрюмо глядя на него. В отличие от их первой встречи,

когда его подбородок покрывала рыжеватая щетина, сегодня он был гладко выбрит. Как мило. Делоре заподозрила, что торикинец ошивался где-то возле здания библиотеки, ожидая, когда она выйдет на улицу. Странно, что она его не заметила.

– Вас считают ведьмой, – пояснил он. – Не в том смысле, что вы занимаетесь ворожбой и варите в котле мышей и жаб. А потому, что вы способны... вызывать некоторые события. Можете наслать на человека болезнь, просто посмотрев на него. Так здесь говорят.

– Люди в этом городишке суеверные. От них еще и не такой бред услышишь, – Делоре безразлично пожала плечами.

– Среди прочего они предполагают, что...

– Что – что? – спросила Делоре, когда поняла, что он ждет уточнений. – Договаривайте. У меня вполне устойчивая психика, – ой ли, Делоре, так ли ты сама в этом уверена? – Я вряд ли рухну на асфальт в истерическом припадке.

– Высказываются предположения, что это вы убили вашего мужа.

– Вот как, – Делоре саркастично округлила глаза. – Тогда я выбрала несколько сложно организуемый способ убийства. Мне все равно, как, по их мнению, он умер. Я не думаю, что... – Делоре замолчала.

– Не думаете?

– Чем вам не понравилась моя фраза?

– Она звучит так, как будто вам самой не совсем ясно, что

с ним случилось.

– Пожалуй, – кивнула Делоре. – А знаете что?

– Что?

– Отстаньте от меня.

Он застыл, а Делоре развернулась и пошла обратно ко входу в парк, злая на весь белый свет и одного омерзительного типа в частности.

Спустя минуту настырный торикинец догнал ее. Делоре впервые видела человека, в котором так спокойно уживались застенчивость и наглость.

– Я не хотел вас обидеть.

– А вы думаете, вам удастся меня обидеть? – осведомилась Делоре с ледяной усмешкой.

– Это совсем не сложно, – ответил он, но как-то так беззлобно, что Делоре даже не смогла нагрубить ему в ответ, хотя ей очень хотелось – дай только повод.

В этом разговоре он не сообщил ей ничего из того, чего она не знала прежде (разве что подтвердил ее худшие догадки), и явно не заслуживал участи быть казенным, как принесший дурную весть гонец. Но в нем самом было нечто такое, отчего Делоре хотелось уколоть его, да побольнее.

– У вас уникальный цвет глаз. Вам, наверное, уже тысячу раз говорили об этом.

– Впервые слышу, – процедила Делоре таким тоном, будто прощает ему нанесенное по глупости оскорбление.

– Как это ни печально, во многом их отношение к вам

определено цветом ваших глаз.

– Я не понимаю, о чем вы.

– А вы не слышали о?..

– Меня раздражает ваша уклончивость.

– Эту историю о человеке с фиолетовыми глазами, одержимым злом.

– Нет.

– Странно. Ее часто вспоминают.

– Мне нет дела до детских страшилок.

– Они верят, что его фиолетовые глаза свели его с ума.

– И сейчас, со мной, эта история повторяется?

– Ну... они так считают.

Делоре остановилась и с ухмылкой уставилась на торикинца. Он ответил ей простодушным взглядом.

– Мне глубоко безразлично, как они считают и что они думают, – произнесла Делоре, разделяя слова. – Я не верю в суеверия и презираю тех, кто верит. Я не нахожу в себе никакого желания стоять здесь с вами и, делая серьезное лицо, обсуждать какую-то немислимую ерунду.

Она вышла из парка и направилась к садику. Торикинец молчал и ступал абсолютно беззвучно, но Делоре не сомневалась, что он следует за ней, как тень. И действительно, когда она яростно развернулась (вспорхнули ее волосы и полы пальто), он обнаружился в двух шагах от нее.

– Припомните, Делоре, – сказал он. – Разве в вашей жизни не происходят странности, которым не удастся найти рации-

ональное объяснение? И не только в данный период. Всегда. С самого детства.

– Все в порядке с моей жизнью, но вот с вами очевидно что-то не так, – огрызнулась Делоре, продолжая свой путь. Ее колотило от злости, и она спрятала в карманы дрожащие руки.

– Может быть, – легко согласился торикинец. – Лучше для вас, если все так, как вы говорите. Но вы же знаете, что нет.

– Много вы знаете о том, что я знаю, – отрезала Делоре. – Я вас вижу третий раз в жизни, так же, как и вы меня.

– Извините, я не представился, – спохватился он. – А вы не стали спрашивать мое имя.

– Может, это потому, что оно несколько меня не интересует? – предположила Делоре.

– Меня зовут Томуш, – невозмутимо продолжил торикинец.

– Не обещаю запомнить, – пробормотала Делоре. – Хватит. Ни слова больше.

И он отпустил ее, оставшись стоять на усыпанном листьями и хвоей тротуаре. «Позже ты еще пожалеешь о своей несдержанности, Делоре», – пронеслось у нее в голове. И все же беспокойство, терзающее ее изнутри, унялось немного. Начинало темнеть, и, окруженная сумерками, Делоре ощущала себя как будто бы не собой, а кем-то другим. Ей незнакома эта темноволосая женщина, угрюмая и измученная, растворяющаяся в темноте.

Милли ждала ее на лавочке в раздевалке – бледная, с липкими от слез щеками. На расспросы, что случилось, она не отвечала, лишь повторяла, что хочет домой, хватала Делоре за руку и прижималась лицом к ее бедру. Делоре поспешила увести своего расстроенного ребенка. Пока они шли по улице, Делоре то и дело слышала, как Милли шмыгает носом.

Дома Милли продолжила отмалчиваться. В Делоре все горело от нетерпения узнать о произошедшем (она придумшит этих маленьких гаденышей, всех, если они посмели хоть пальцем тронуть ее дочь), но она не позволяла себе учинить допрос. Достаточно слез на сегодня.

После ужина, когда они сидели вместе в кресле, как в гнезде, и читали книжку, Милли вдруг спросила:

– Ты же никогда не умрешь, мама?

Делоре неохотно оторвала взгляд от страницы. Не то чтобы ее так заинтересовал текст, но с пытливым взглядом Милли ей встречаться не хотелось. Ну зачем задавать подобные вопросы сейчас, когда впервые за этот мутный промозглый день тепло и хорошо?

– Все когда-нибудь умирают, Милли, – осторожно произнесла она, и губы Милли скривились. Делоре обвила ее рукой. Каждый ребенок мечтает услышать, что его мать обладает способностью жить вечно. Делоре, когда была маленькой, тоже верила в эту фантастическую идею? Нет, она всегда отчетливо понимала, что однажды будет вынуждена пережить эту утрату, и на самом деле смерть матери ворвалась

в ее жизнь даже позже, чем она предполагала. – Но я обещаю тебе, что оставлю тебя очень нескоро. Только когда ты вырастешь и не будешь нуждаться во мне.

– Ты всегда будешь нужна мне, мама.

Делоре улыбнулась бессильно и мягко, прикасаясь губами к лицу дочери. Она еще слышала эхо собственных слов и отчего-то болезненно ощущала их лживость. Говорить так... это как обещать кому-то быть с ним и в то же время не знать, где ты окажешься завтра. Может быть, на изнанке мира.

Прижимаясь к ней, Милли закрыла глаза:

– Никогда не убивай себя.

Зрачки Делоре мгновенно сузились. Вот оно что.

– Нет, Милли. Никогда, – пообещала она.

Хотя голос Делоре прозвучал отчужденно и холодно, Милли такой ответ понравился. Ей не хотелось слушать, чем завершится скучная история, которую они начали читать; хотелось просто сидеть вот так, прижимаясь к матери, и верить, что она рядом навсегда.

Делоре закрыла книгу. Та соскользнула с коленей и упала на пол, мягко стукнув о ковер. Состояние Делоре можно было охарактеризовать как тихое бешенство. Этот город, кажется, решил уничтожить ее – и ее дочь заодно. Какая нелепость. Когда Милли посматривала на нее, Делоре улыбалась, но стоило серым глазам дочери закрыться, как рот Делоре превращался в тонкую прямую линию. Ее бледные губы совсем побелели, а в фиолетовом тумане ее глаз блуждали чер-

ные тени. Назад, вперед и кругом.

СР. 7 дней до...

– Можно я не пойду в садик?

– Я ухожу на работу, Милли. Некому будет приглядеть за тобой.

– Но я могу побыть одна. Я буду сидеть тихо, как мышка. Честно-честно.

– Нет, – сказала Делоре – мягко, но решительно, и застегнула молнию на куртке Милли. Милли надулась, но она была слишком расстроена из-за необходимости идти в сад, чтобы у нее были силы обижаться на мать всерьез. – Это просто темный период, Милли. Надо только пережить его. Скоро мы уедем отсюда, и, может быть, нам станет лучше.

– Нам уже не будет хорошо, без папы, – выпалила вдруг Милли.

Делоре побледнела. Затем изобразила улыбку, но так и не нашла слов возражения.

На улице было холодно и влажно. Ночью прошел дождь, которого Делоре не слышала, запутавшись в своих тревожных снах. Теперь сны снились ей каждую ночь. Вчера вечером, когда прояснился инцидент в детском саду, она была полна решимости и настроена на серьезный разговор, но сейчас ее охватили сомнения. Чего, собственно, она надеется добиться? Людей не переделать, их взгляды не изменить. Возможно, проблема решится сама собой, когда они пере-

едут в другой город, но что-то подсказывало, что нет. Делоре была уверена, что нет. Люди всегда будут атаковать ее, а заодно и ее дочь. Именно поэтому, пока Ноэл был жив и финансово обеспечивал семью, избавляя Делоре от необходимости работать, она предпочитала держать Милли дома, вдали от обид и тревог детского сада.

Делоре посомневалась секунду, стоя возле двери в кабинет директрисы, а затем напонила себе: как бы то ни было, а надо вступить за дочь. Глубоко вдохнув, она постучалась.

– Войдите, – донеслось из-за двери.

– Здравствуйте, – пробормотала Делоре, проскальзывая в кабинет.

– Здравствуйте, – поприветствовали ее в ответ.

Делоре узнала Никаэлу сразу. Ей было достаточно этого голоса: мягкого, бархатистого, когда-то казавшегося ей таким успокаивающим – давным-давно, когда она была ребенком, не старше Милли, и еще не умела распознавать ложь. Сейчас же голос Никаэлы вызывал лишь раздражение. Женщина, которая наблюдала ее одиночество (с сочувствием на лице и безразличием в сердце), годы спустя стала свидетелем одиночества ее дочери... При Делоре Никаэла была обычной воспитательницей. И вот теперь директриса. Делоре смотрела на нее с легким удивлением и почти со страхом, будто перед ней возник призрак. Никаэла, вероятно, испытывала схожие чувства.

– Садитесь, Делоре.

Делоре неохотно заняла место напротив. Рассматривая лицо директрисы, она подумала, что возраст, конечно, не красит, но даже в сорок пять – пятьдесят лет (сколько?) Никаэла сохраняла шарм. Она пополнила и начала носить очки, но ее прическа (длинные, завитые, тщательно уложенные волосы) осталась неизменной. Разве что блестящие светлые пряди сменили золотистый оттенок на серебристый. Делоре нервно сжала колени, ощущая себя беззащитной перед этой женщиной, слишком хорошо осведомленной о печальных обстоятельствах ее, Делоре, детства. Во рту было сухо, язык прилип к нёбу, и Делоре вдруг обнаружила, что не может вымолвить ни слова.

– Я догадываюсь, о чем вы хотите поговорить со мной, – сказала Никаэла после долгой паузы. – Меня уведомили о вчерашнем происшествии. Хотя моей непосредственной вины здесь нет, я приношу вам свои извинения, Делоре. Я сделала выговор воспитательнице за то, что она недосмотрела и тем самым дала детям возможность наговорить лишнего вашей дочери. В дальнейшем я не допущу подобного.

– Надеюсь, – когда встревоженный и одновременно холодный взгляд темных глаз Делоре коснулся лица директрисы, та вздрогнула, и в Делоре пробудилась застарелая обида. Страшно? Страшно. Как и прежде, я пугаю вас, Никаэла. – «Наговорили лишнего» – смягченная формулировка. Милли очень испугалась.

– Дети жестоки, – пожалала плечами Никаэла – как будто

это все оправдывало.

– О, это мне известно, – не удержалась Делоре.

Да уж, касательно милых деток у Делоре не было никаких иллюзий. Странные существа, склонные к агрессии ничуть не меньше, чем взрослые, а может даже больше. Делоре не любила детей, кроме одного ребенка – своей дочери, чего ей было более чем достаточно.

– Делоре, мне хочется быть с вами откровенной...

Неужели? С каких пор?

– Так что позвольте сказать вам прямо: не в ваших возможностях изменить что-либо в отношениях вашей дочери с другими детьми. Все, что вы можете сделать и что должны сделать – это научить Миллину принимать ее изолированность как данность. Не смотрите на меня так яростно, Делоре. Я всего лишь говорю вам правду.

Глаза Делоре широко раскрылись.

– Если вы... – начала она.

– Я знаю свои обязанности, и мое сердце не изо льда, Делоре. Я не позволю детям унижать вашу дочь. Но я не могу заставить их играть с нею.

– То есть вы намерены оставить все как есть? – ледяным тоном осведомилась Делоре.

Никаэла развела руками.

– Мы ничего не можем сделать.

– Вот как. Однако же у меня есть подозрение, что сложившаяся ситуация – это как раз результат ваших действий, –

процедила Делоре.

Никаэла изогнула четко очерченную бровь.

– Что вы хотите этим сказать?

Голос Делоре был полон гнева:

– А то, что дети повторяют за взрослыми.

Никаэла сняла очки и, прищурившись, посмотрела на Делоре.

– Серьезное обвинение, Делоре. И несправедливое. Могу вас заверить, что сама идея, что кто-то – я или воспитатели – специально настраивает детей против вашей дочери, абсолютно абсурдна.

– А если не специально – то это уже не считается? Кроме того, у этих детей есть родители, за которых вы отвечать не можете.

– Вот именно – я не отвечаю за них. Делоре, вы решили предъявить все претензии к нашему городу лично мне? Я понимаю, что вас раздражает обида, но...

Делоре посмотрела в лицо Никаэлы – еще спокойное, но уже с проступающим на нем негодованием. Да, сейчас будто бы весь город воплотился для нее в одной Никаэле, обычно безмятежно-спокойной, всегда немного сонной на вид, сквозь бесчувствие которой Делоре пробивалась три года детства и так и не смогла его преодолеть: упругое, словно резина, оно натягивалось под ее напором, но не рвалось. Некоторое время Делоре считала свою безответную симпатию к воспитательнице взаимной... До того летнего утра, когда,

рассеянно улыбаясь, Никаэла произнесла: «Я устала от тебя. Избавлюсь при первой же возможности». Просто мысль, которая не должна была быть озвучена, но выскользнула. Возможно, Делоре следовало просто прикинуться глухой.

– Раз уж сегодня *вас* раздражает искренность, ответьте мне на один вопрос, Никаэла: вся эта враждебность ко мне связана с тем, что у меня фиолетовые глаза?

Никаэла замерла, положив руки перед собой, ладонями вниз. На мизинце тускло блестело серебряное колечко.

– Почему вы молчите? Вы знаете ответ. Я попала в точку? Все ваши... причины – это глупое суеверие? Да или нет? Да – или нет?

Аккуратно сжав дужки указательными и большими пальцами, Никаэла подняла висящие на серебристой цепочке очки и водрузила их на нос. Когда ее голос зазвучал, Делоре поразились произошедшей в нем перемене. Он был так холоден, что мог заморозить.

– Не притворяйтесь жертвой, Делоре. Уж кем, а жертвой вас точно не назвать. Скорее наоборот. Солнца ваша дочь не ощущает не потому, что мы ей не позволяем, а потому, что на нее падает ваша черная тень. Признайте это. Я полагаю, разговор можно считать законченным?

– Нет, почему же, – Делоре вымучила усмешку. – Он только-только стал интересным.

– Хорошо, как скажете, – высокомерно отозвалась Никаэла, всем своим видом выражая: да пропади ты пропадом.

– Скажите, вы все в этом городе стоворились? – спросила Делоре. – Мне просто интересно. Не думайте, что я буду кричать или ругаться. Всего лишь пытаюсь прояснить: почему, стоило мне здесь объявиться, как каждый поспешил выразить мне свою неприязнь, в том числе и люди, которых я знать не знаю.

Директриса сцепила пальцы и хрустнула суставами. Звук был настолько неприятен, что Делоре поморщилась.

– Вам не приходило в голову, что причины следует прежде всего искать в себе, Делоре? Или вы продолжаете с тупым упрямством сохранять уверенность, что все заблуждаются насчет вас, все, только вы одна и правы?

– Кто может знать меня лучше, чем я сама, – возразила Делоре и почувствовала, что оправдывается. Она стиснула свою сумку и встала.

– Вы не знаете себя, Делоре, – улыбнулась Никаэла, и стекла ее очков сверкнули, скрывая глаза. – А от вас такой злобой веет, что и дикий зверь отпрыгнет. И холод – смертельный. По сравнению с вами, Делоре, эта промозглая осень ощущается как лето. И люди это чувствуют. Вот объяснение, и нет здесь никакого заговора, хотя для вас удобнее считать именно так, снимая вину с себя.

Делоре проиграла, но она не собиралась сдаваться так просто.

– Эти фигуры во дворе... страшные твари... отвратительно, просто тошнотворно. Чего вы пытаетесь этим добиться?

– Дети должны знать, как выглядят национальные божества.

– Идолопоклонничество... мерзость, – Делоре запнулась после последнего слова, а затем застучала зубами. Не поворачиваясь спиной к Никаэлу, она попятилась к двери, слепо нащупала дверную ручку и нажала на нее. Бесполезно.

– Ваш отец приучал вас относиться к божествам с любовью и почитанием. Если бы вы прислушались к его словам, он, как и ваш муж, был бы жив, Делоре.

Делоре отвернулась, надавила на ручку сильнее и та, наконец, подалась. Как ошпаренная, Делоре выскочила в коридор и хлопнула дверью, отделяя от себя улыбочку директрисы, нацеленную на нее, как дуло. Она потеряла контроль; но, может, у нее и не было шансов, когда она увидела, кто перед ней. В горле было много-много слез, но из глаз, к счастью, не упало и слезинки. Она любила эту женщину, была обманута ею и получила свой первый горький урок. Никто, никто в целом мире не относился к тебе по-настоящему хорошо, Делоре. Просто некоторые весьма убедительно притворялись.

Делоре сбежала по лестнице. Возле шкафчика с нарисованным на дверце лисенком стоял мальчик. Он поднял на Делоре пусто-любопытствующий взгляд и сказал:

– Ведьма.

Делоре резко вскинула руку и согнула пальцы, будто держала в них шар.

– Ангина, – сказала она и запустила воображаемый шар

в мальчика.

Он заревел в ту же секунду. «Сумасшедший дом какой-то», – подумала Делоре, зажимая уши и выбегая на улицу. Она торопливо шла по тротуару, и навстречу ей еще попадались припозднившиеся в сад мамыши, волокущие нерасторопных отпрысков. Как все-таки хорошо, что Делоре потеряла способность плакать; вот уж сейчас слезы были бы совсем ни к чему.

Она пришла на работу с двадцатиминутным опозданием, но с такой сияющей улыбкой, какой у нее за всю ее жизнь никто не видел. Если они думают, что могут расстроить ее, – они просто идиоты. Никто не способен огорчить Делоре. Делоре неуязвима и всемогуща! Она сама устанавливает себе настроение, какое хочет. Сегодня – радостное! А Милли через год в школу, где ее все реже будут травить словами и все чаще – действиями... Проклятье.

Селла посмотрела на нее странно и только сказала:

– У тебя волосы растрепаны.

– Селла, налей мне чаю, пожалуйста.

Делоре достала из своей сумочки зеркало. Охватившее ее оживание, наполнившее тело дрожью и хаотичной энергией, должно было придать цвета ее щекам, но лицо, отраженное зеркалом, выглядело страшно бледным. Зрачки, окруженные колечками фиолетовых радужек, словно черные затягивающие дыры. Делоре стало жутко смотреть на себя, она быстро провела расческой по волосам и убрала зеркало.

Селла заварила ей чай, и через две минуты Делоре суетливым неосторожным движением сбила чашку на пол. Пока она, присев на корточки, собирала осколки, случилось еще одно событие, призванное испоганить этот и без того на редкость паршивый день – пришел торикинец.

Делоре помнила его имя, но из вредности притворилась, что забыла. «Сегодня он одет еще хуже, чем в прошлый раз», – отметила она со злорадством. Интересно, он вообще знает, что одежду нужно гладить? Хотя бы иногда? Хотя бы некоторую? Большой и неуклюжий, он подошел к Делоре, склонился над ней, чем дополнительно взвинтил ее нервы, и спросил:

– Скажите, у вас есть книга «Суеверия – это бред»?

– Такой нет, – грубовато ответила Делоре, подбирая последний осколок и поднимаясь.

В момент, когда она выпрямилась, торикинец шагнул ей навстречу. Обнаружив себя в опасной близости к его широкому телу, Делоре отшатнулась, как будто испугалась обжечься. Торикинец послал ей умильную улыбку. При ее невысоком росте смотреть на него снизу вверх было неприятно, и Делоре отступила еще на пару шагов. Стоя с разбитой чашкой в руках, иногда опуская взгляд на лужу разлитого чая, она вдруг растерялась.

– А что насчет книги «Портить кому-то жизнь из-за своих ограниченности и скудоумия – настоящий сволочизм»?

– Кажется, нет, – неуверенно пробормотала Делоре, уро-

нив осколок. – Не могу припомнить.

– Возможно, я немного ошибся в названии, – предположил торикинец.

– Спросите вот у нее, – подцепив Селлу за локоть, проворчала Делоре и поспешила испариться.

Вне поля зрения торикинца, стоя возле корзины для бумаг, Делоре накрыла пальцами щеки – вот теперь ее лицо горело. Она выждала немного, а затем, выпрямив спину и тщательно контролируя свои движения, прошла к своему столу.

– Приходится брать что есть, – вздохнул торикинец, шагнул к ней.

Делоре очень серьезно посмотрела в его голубые глаза. В них прыгали иронические огоньки, и в то же время... что-то еще. Делоре перевела взгляд на длинные ящички с бланками.

– Вы зарегистрированы у нас? – официальным тоном осведомилась она, хотя и так знала, что нет. – Зарегистрированы? – она снова посмотрела на него – только секунда, и ее взгляд ускользнул, несмотря на попытку торикинца задержать его.

– Нет.

– Нужно зарегистрироваться. Вот здесь... – она протянула бланк, – ...укажите ваше первое и второе имя, адрес фактического пребывания, адрес постоянного места жительства и...

– Нет, это долго, – перебил ее торикинец. – Мне нужно

идти. Придется вам читать эту книгу самой, – он улыбнулся Делоре на прощание и стремительно удалился.

Селла проводила его ошарашенным взглядом.

– Он странный, – заявила она. Потом указала на Делоре пальцем: – И ты тоже странная.

Делоре посмотрела на оставленную книгу. Темно-зеленая обложка с заглавием: «Легенды, мифы и суеверия Ровенны». Потянувшись к книге, Делоре раскрыла ее наугад и увидела на картинке нечто змееподобное, с торчащими из его длинного тела перышками. Ее зрачки задвигались, выхватывая случайные строчки.

– Что, так интересно?

– Не особо, – сказала Делоре, продолжая читать. – Сегодня среда?

– Да.

– Тут написано, что среда – день самоубийц. Не зря я чувствую в себе готовность, – тон Делоре звучал насмешливо. – Я же до сих пор не суициднулась только потому, что не смогла найти для этого времени и достаточно острого ножа, – она фыркнула. – А еще здесь говорится, что... – ей вдруг припомнилось что-то, и она начала смеяться. Делоре смеялась, смеялась, смеялась и не могла остановиться, только положила ладонь на разболевшийся от смеха живот. Она не смеялась уже очень давно.

– Ну-ка хватит, – встревоженно потребовала Селла. – Может, тебе просто во-о-от такая смешинка в рот влетела, а все

равно мне как-то не по себе.

Делоре надеялась, что у нее хотя бы от смеха слезы на глазах выступят. Но нет.

– Глупости все это, – объявила она, захлопывая книгу.

Ровно в пять Делоре ушла.

– Все в порядке? – спросила она в саду у воспитательницы

Милли.

– Да.

– Хорошо.

И все же надо уезжать. Быстрее.

После ужина Делоре почувствовала, что она просто как выжатый лимон. У нее едва хватило сил помыть посуду (две тарелки). Она очень утомилась, пока донесла до мусорного ведра коробку от пирога, и ей потребовалось посидеть и собраться с силами, прежде чем потащиться в ванную комнату (по коридору в немыслимую даль). Она едва не захлебнулась, настойчиво вырубаясь в ванне, и уснула сразу, как рухнула в постель. Во сне ей казалось, что у нее не хватает сил лежать. А Милли долго смотрела телевизор и отправилась спать на час позже положенного времени.

ЧТ. 6 дней до...

Этой ночью Делоре приснился эротический сон. Ничего особенного, просто они с Ноэлом лежали на диване в гостиной их квартиры в Льеде и гладили друг друга сквозь одежду. Возбуждение было настолько явственным и сильным, что Делоре проснулась. Все ее тело горело, пульсация внутри ощущалась болезненно. Она раздвинула ноги и потрогала себя там, и вдруг на нее нахлынула такая тоска, что она едва не взвыла в голос. Жар сменился ознобом, капли пота остыли, и Делоре закуталась в одеяло, дрожа. Боль возникла в груди и затем растеклась по всему телу. Делоре лежала оглушенная, уничтоженная происходящим, едва понимая, кто она и где, и судорожно вдыхала раскрытым ртом воздух, которого ей все равно было мало.

К утру боль не исчезла. Она походила на то жгучее невыносимое ощущение, которое возникает, если взять целую горсть ледяных кубиков и долго сжимать их в пальцах. Делоре достала с верхней полки шкафа синюю косметичку, в которой хранила лекарства, и села на кровать. Положила косметичку на колени, раскрыла. Обезболивающее, снова обезболивающее, обезболивающее – какое из них способно помочь? Она едва дышала, опасаясь движением ребер усилить эту боль, так невыносимо мучительно горящую внутри. Делоре разорвала упаковку (пальцы слегка дрожали), достала

три таблетки и положила их в рот. Язык онемел от горечи, но она не спешила взять с прикроватного столика стакан с водой. В этом неприятном вкусе было что-то успокаивающее: маленькая плата за освобождение, только действуйте, пожалуйста.

Обезболивающее. Если вдуматься, какое приятное слово. Обезболивающее... Забирающее боль, вымывающее ее из тебя, пока ты не станешь прозрачно-чистой. И все – нет агонии больше, только эта щекочущая не-боль, которую усталое тело встречает с недоверчивым облегчением.

Горький вкус растворился в слюне. После него вода показалась ей сладкой. Делоре и сама не заметила, как, разорвав в ключья всю пачку, сложила башенку из белых таблеток, шатко стоящую на ее колене. Делоре нравились таблетки. Ее маленькие друзья. Им не всегда удавалось спасти ее, но они хотя бы пытались. «Уходи, уходи, за что ты отравляешь мне жизнь, я же ничего не сделала!» – заскулила она мысленно. И боль чуть приутихла, хотя лекарство еще не успело подействовать.

Делоре посидела некоторое время. В голове было мутно. В животе пульсировало жжение, как будто она наглоталась обрезков жесткой проволоки. Двигаясь как сомнамбула, она оделась, умылась, разбудила Милли. Дом был особенно тих в это утро, затаившиеся в углах тени – чернее, а свет, которым Делоре попыталась прогнать их, – тусклым. Когда Делоре взглянула на темень за окном, у нее возникло ощущение,

что сейчас глухая ночь и до утра еще несколько часов.

Они шли в садик медленнее обычного, и Милли ни о чем не спрашивала у своей молчаливой матери, потому что ответ был ей известен: маме больно. Такое не впервые и не редкость. «Хотя в этот раз, пожалуй, сильнее обычного», – отметила Делоре. Пока терпимо, но позже боль усилится. Когда Делоре думала о том, насколько, ей становилось страшно.

Чуть позже, покинув территорию сада, она понуро брела по тротуару, уже в одиночестве, в своей боли как в коконе, отдельные нити которого тянутся прямо сквозь нее, и ей представлялось, как она шагает по больничным коридорам, из одного в другой – из бледно-голубого в темно-зеленый, а затем в снежно-белый. Как много времени, проведенного в больницах, потраченного впустую, потому что ни одно обследование не смогло обнаружить причину ее недомоганий. Здесь нет болезни, здесь просто боль, обитающая в ней, как призраки в домах с дурным прошлым. Такая же необъяснимая, как призраки.

Делоре не сказала ни слова, но Селла догадалась сама.

– Опять.

– Да, – Делоре сидела в кресле, ссутулившись.

– Ты очень бледная. И все же это ненормально, Делоре.

Не может же такое происходить без причины.

– Я не знаю. Эти боли начались очень давно. В последнее время приступы участились.

Делоре вдруг заморгала и скривила губы. Затем закры-

ла лицо руками. Съжившись вот так, маленькая, в темной одежде, она походила на испуганного зверька или птицу. Отчаянье, исходящее от нее, было настолько осязаемым, что Селла бы не удивилась, если бы оно вдруг стало видимым. Как бы оно выглядело? Как черная грязь, сочащаяся из пор кожи Делоре? Селла подошла и дотронулась до плеча Делоре кончиками ногтей.

– Ты приняла обезболивающее?

– Да, – хрипло ответила Делоре. – Не помогло.

Кто-то вошел – шаги и тишина. Делоре почувствовала, что человек рассматривает ее, но ей было все равно. Пусть любуется ее муками, если они ему по вкусу. Она дышала в ладони: вдох – выдох, вдох – выдох. Ее дрожащие пальцы увлажнились, холодный пот стекал по спине. Боль оставила свое притворное спокойствие и металась внутри, как бешеная крыса в клетке. Делоре не выдержала и застонала.

– Отправляйся-ка ты домой, – решила Селла. – Какая работа, когда ты едва жива. Я справлюсь одна, – и сердито, пришедшему: – Чего вылупились? Очень интересно?

– Наверное, мне действительно лучше идти, – пробормотала Делоре.

Но Селла разговаривала с посетителем и не слушала ее. Делоре тихо оделась и вышла.

Она плохо помнила, как добралась до дома. Ее сознание было мутным и каким-то... мерцающим: некоторые секунды ускользали, замещаясь черными провалами. Она уже не

могла сказать, где именно у нее болит. Кажется, все, даже зубы и ногти. У себя в спальне Делоре поставила будильник на 16:45, проглотила две таблетки снотворного и разделась. Было очень холодно, точно в доме распахнуты настежь все окна и двери. Она забралась под одеяло, но, ледяное, оно ничуть не помогало согреться. С ней что-то не так... Или со всем и всеми что-то не так?

Делоре закрыла глаза и вдруг услышала свой же голос, произнесший: «*Время истекает*». Затем раздался короткий дребезжащий звук, и Делоре оказалась в вязкой темноте, которая подхватила ее и потащила, как река, сначала медленно, затем ускоряясь. Делоре не могла сопротивляться этому течению. Звенящие сигналы звучали все громче. Ей стало очень страшно. Рот раскрылся в попытке закричать, и в него хлынула чернота... Делоре захлебнулась, закашлялась... и проснулась.

В комнате было темно. Будильник надрывался. Она слышала его приглушенно из-за намотавшегося на голову одеяла. Потянувшись к кнопке, Делоре случайно столкнула будильник на пол. Стук удара отозвался движением боли во всем ее теле, батарейка выскочила и укатилась под кровать, но хотя бы гнусное верещание прекратилось.

«Уже, – подумала Делоре, откидывая одеяло. – Нужно спешить, Милли ждет».

Однако она пока не находила сил подняться и идти. Ее фиолетовые глаза, потемневшие до черноты и лишенные

блеска, смотрели устало, не моргая. «*Милли*». Какой же мерзкий сон. «*Милли ждет*». И почему «время истекает»? Кто, как не она, должен знать. Но не знает. Делоре устала от снов, их слишком много, и они реалистичны до отвращения. Она слышала, что столь же яркие сновидения снятся солдатам в передышках между боями – психика, взвинченная пребыванием в опасности, не может уgomониться и во сне. Спустя пять минут Делоре встала, оделась и вышла, не посмотрев на себя в зеркало. Даже если ее растрепанные волосы походили на копну сена, ей было все равно.

Делоре вышла на крыльцо и заперла дверь на ключ. Развернувшись, она увидела торикинца, возвышающегося над низким забором.

– Здравствуйте, – сказал он.

Делоре прошла по дорожке, открыла калитку, вышла и только тогда произнесла вместо приветствия:

– Мне все еще непонятно, чего вы хотите от меня.

– Мне самому уже не вполне понятно, – улыбнулся он.

Делоре шла прочь от него.

– Я заходил в библиотеку, – в два шага нагнал ее торикинец. – Но вас там не было. Мне сказали, что вы заболели и ушли домой. Я подумал, вы в любом случае пойдете забирать дочку из детского сада, и поэтому пришел.

Делоре задумчиво посмотрела на него. Ты знаешь, где я работаю, где я живу и в какое время иду за дочерью. Что еще ты знаешь обо мне? И зачем тебе это?

Видимо, он расценил ее взгляд как осуждение, потому что пробормотал неожиданно виноватым тоном:

– Просто... проводить вас. Это даже не имеет отношения к работе.

Не будь ей так плохо, она бы забросала его вопросами, как его работа связана с ней, Делоре, но в ее жалком полуживом состоянии ей владело глубокое безразличие. Да даже если он убийца, нанятый злобными горожанами, и пришел, чтобы разнести ее голову выстрелом в упор, ее это не заботило. И она сказала только:

– Нет никакой необходимости провожать меня.

– Ну... вы плохо себя чувствуете. Так что лучше все же проводить.

Один фонарь не горел. Они пересекали полосу темноты, когда торикинец сказал:

– А вы мне нравитесь. Я не думаю, что вы плохой человек. Несмотря ни на что, – и смутился.

Они приблизились к следующему фонарю, и Делоре бросила короткий цепкий взгляд на торикинца, лицо которого казалось мелово-белым в этом свете. В прошлый раз он не был таким скованным. Что-то изменилось?

– Зато я не нравлюсь *им*, – напомнила Делоре. – Может быть, они и правы насчет меня.

Боль внутри пошевелилась и снова улеглась; пальцы Делоре, спрятанные в карманах, сжались в кулаки и разжались.

– Они видят, как это проявляет себя внешне. Но они не

знают, как это ощущается внутри.

– А вы знаете? – насмешливо осведомилась Делоре.

– Мне известно, что вы испытываете. Я могу, если очень постараюсь, представить... но что мои представления по сравнению с реальным, ежедневным страданием.

Зубы Делоре сверкнули в прозрачной темноте.

– Страдание? У меня нет его. У меня ничего нет, никого. И ваша симпатия мне даром не нужна. Я даже не понимаю, зачем я вообще с вами разговариваю.

– Может, потому что вам хочется? – тихо предположил он, и после Делоре не сказала ни слова.

Что он возомнил о себе? В сумрачной душе Делоре тускло вспыхнуло раздражение. Как он смеет разговаривать с ней этим сочувственным тоном? Он только незнакомец, так пусть не разыгрывает из себя ее друга навек. Чужак, как и все ей – чужаки. Ей не нравилась его неуклюжая походка, его мятая одежда, его нестриженные волосы, которые он не в состоянии привести в порядок (хотя сейчас кто бы говорил о прическе; сама-то...), его небрежность в целом. Неудачник. Даже его внимательность к ней казалась Делоре подтверждением его ничтожности: ты готов приглядывать за каждой, которая кажется достаточно жалкой для того, чтобы счесть ее доступной? Рядом с лощеным Ноэлом он выглядел бы просто ничтожеством.

Торикинец не пытался продолжить разговор. Делоре выгорала с каждой минутой и вскоре вдруг обнаружила, что,

как ни удивительно, а молчание между ними получается вполне мирным. И ее раздражение погасло. «Не думай ни о чем, – приказала себе Делоре. – Пусть все идет как идет». Боль внутри как будто бы уменьшилась. Они приблизились к детскому саду, и Делоре прошла в ворота, мимо фигур богов, загадочных и жутких в свете фонарей. Торикинец остался ждать снаружи.

Увидев незнакомого мужчину, Милли замерла, и глаза ее округлились от страха. Торикинец наклонился и протянул ей руку.

– Томуш.

Секунд пять Милли преодолевала застенчивость. Потом робко подала ручонку.

– Миллина, – официально представилась она, и торикинец рассмеялся. Милли все еще смотрела на него широко распахнутыми глазами. Должно быть, он казался ей просто огромным.

Торикинец сказал что-то еще, и Милли ответила уже посмелее.

Пока они шли домой, Делоре молчала, будто воды в рот набрала, а эти двое трещали, как белки. Делоре отстраненно наблюдала за ними. Голоса таяли в осеннем вечере. Только теперь Делоре осознала по-настоящему, что Милли тоже не хватает Ноэла. Настолько, что она рада даже подобию замены. Делоре окружило тепло, внутри разлился странный покой. «Когда мы идем рядом, вот так, втроем – мужчина,

женщина и ребенок, мы действительно похожи на семью», – признала она.

На минуту она позволила своему оголодавшему телу жадно впитывать это ощущение пусть фальшивого, но все-таки единства. А затем напустилась на себя: «Нет, я совсем больна, только болезнью можно оправдать всю ту чушь, что лезет мне в голову». Затем ее гнев уже привычно переключился на торикинца: с чего он решил, что ему позволено разговаривать с ее дочерью; кто он такой, чтобы вот так запросто идти рядом с ними; он в тысячу раз хуже Ноэла. Он не может понравиться ни одной женщине, тем более ей, Делоре.

Они подошли к дому. Нахальный торикинец проследовал за ними, во двор, до самого крыльца. Делоре отперла дверь и, отступив, легко подтолкнула Милли в спину. Дочь шмыгнула в дом. Делоре прикрыла дверь и оглянулась.

– До свидания, – ее голос был вежлив и холоден. – Наверное, я должна сказать вам спасибо, – должна, но не скажет.

Торикинец стоял на нижней ступеньке крыльца, и их лица были почти вровень, но Делоре не могла рассмотреть его хорошо, потому что, уходя, не позаботилась включить свет на крыльце. И все же их взгляды как-то отыскивали друг друга в темноте. Он хотел сказать ей что-то; это молчание было пропитано ожиданием той секунды, когда он решится. Или... в общем, Делоре бы не удивилась, если бы он попытался ее поцеловать. Хотя, разумеется, ей совсем не хотелось, чтобы он начал приставать. Абсолютно. Она даже и думать о таком

бы не стала.

– Делоре, – наконец выговорил он, – я постараюсь что-нибудь придумать. Я очень, очень хочу помочь вам.

– Я не понимаю, о чем вы, – возразила Делоре, но как-то формально и неубедительно.

– Все вы понимаете. И, пожалуйста...

Их взгляды расцепились – торикинец уставился себе под ноги.

– Пожалуйста – что? – сухо осведомилась Делоре. – Говорите быстрее. Я замерзла и хочу в дом.

– Не причиняйте себе вреда. Что бы ни случилось.

– А что может случиться? – безразлично спросила Делоре.

– Я не знаю... но что-то должно, я чувствую. Если вы ощущаете или ощутите что-то странное в себе, просто скажите мне. Обещаете, что скажете? Я ваш друг.

«С чего я должна раздавать вам обещания? Кто вы такой? А друзей у меня нет и не надо. Не возьму даже по ровену за дюжину», – хотела сказать Делоре.

Шероховатые пальцы торикинца коснулись ее руки, распространяя под кожей жжение.

– Я обещаю, – сказала Делоре неожиданно для себя самой. Получилось немного хрипло.

– Спасибо.

Он подержал ее руку еще несколько секунд, согревая, потом отпустил и медленно исчез в темноте. Делоре услышала, как тихонько стукнула калитка, и только тогда вспомнила:

ей же холодно. Она вошла в дом, заперла дверь. Расстегнула молнию на ботинке, сняла его, затем второй. Ступни, освобожденные от стискивающей обуви, приятно заныли.

– Ты не позвала его на ужин? – удивилась Милли.

– Нет.

– Жалко. А завтра?

Разумеется, и завтра тоже не позовет.

– Посмотрим, – Делоре стянула пальто и повесила его в шкаф. Стоя меж распахнутых дверей, она вдруг замерла. Затем положила ладонь на грудь, провела до живота. Боль почти исчезла.

ПТ. 5 дней до...

Диинь-динь! Будильник терзал ее нещадно. Делоре выключила его и бессильно свесила руку с кровати, прислушиваясь к своим ощущениям. В целом было как-то непонятно и нехорошо, но боль ушла. Невероятно... обычно она предпочитала задержаться подольше. Пряди волос, протянувшись через лицо, щекотали кожу; несколько волосинок во рту – неприятное ощущение.

Делоре с сожалением отбросила одеяло, села на краю кровати и сгорбилась, запустив пальцы в волосы. С каждым утром вставать все сложнее... усталость накапливается, ощущается как тяжесть. Бледные коленки Делоре синеватые от холода. Она провела по ним ладонями (кожа холодная и гладкая, как пластик), вздохнула и встала. Оделась – темно-зеленый свитер и черные брюки, которые когда-то облегли ее бедра плотно, как вторая кожа, а сейчас сидели свободно. За ночь все тепло ушло из ее тела и растаяло в прохладном воздухе. Зато не больно... хорошо.

Чистя зубы в ванной и позже – красясь перед зеркалом в спальне, Делоре рассматривала себя, отраженную серебристым стеклом. Собственный взгляд притягивал ее. Редкий цвет, он сказал... Делоре знала лишь одного человека с фиолетовыми глазами. Себя. Ей припомнилось, что в подростковые годы оттенок ее глаз был ближе к карему, чем к фио-

летовому. Меняется... И сейчас... Как будто бы потемнели. Словно море перед штормом...

Комнату заполнял синий полумрак. «Словно вода», – подумала Делоре. И снова возникло то странное чувство... как будто ее окружает *ничто*, пока неподвижное, но готовое помчаться вперед, и этому движению Делоре не сможет противиться... Глупо, Делоре, глупо. Какие еще предчувствия? Наверное, вот так и сходят с ума: ты чувствуешь, как твой разум слабеет, стискиваемый со всех сторон чем-то неведомым и страшным. Он уже не способен контролировать твоё тело, и теперь твои ноги идут туда, куда им хочется, а не куда ты им приказываешь. Идут к краю крыши... Твои глаза – словно окна, и ты беспомощно наблюдаешь сквозь них, как...

Вид из глаз: пучки травы на крыше. Прежде ей не приходило в голову, что на крыше может расти трава. Она проводит по щекам и видит слезы, смочившие кончики пальцев. Затем опускает взгляд. Черные пыльные туфельки, ремешок на одной порван. Один шаг, второй шаг, вперед, не назад, потому что с той стороны крыши она рухнет прямоком на школьный двор. Нет уж, она не собирается валяться, будто дохлая кошка, там, где ее увидят все одноклассники, гурьбой вывалившись во двор во время большой перемены.

И вот он пустырь. Земля и трава – недостаточно жесткая, ненадежная поверхность. Однако вдоль здания школы проходит бетонная полоса, и есть шанс попасть на нее. Чье-то разбитое зеркало. Его бросили с крыши? За-

чем? Кто-то ненавидел свое, может быть, некрасивое лицо так же сильно, как она ненавидит свою мрачную физиономию? Осколки вспыхивают, как бриллианты. Нет, ярче – блеск бриллиантов она видела только на фотографиях, а это сверкание здесь, в реальности, которую она намерена превратить в сон. На шаг ближе... не так уж высоко... два этажа – этого явно мало. Но когда в грозу гнездо сдуло с крыши, бедные птенчики все убились... Еще шаг. До чего же приятно покачиваться на краю – как будто ты лента, подчиняющаяся ветру. Ветер толкает ее в спину, и серая полоса бетона за секунду становится ближе... в лицо будто кислотой плеснули... огненная боль...

Делоре дернулась, схватилась за лицо, и... все пропало. Кончики пальцев скользнули по щекам... руки опустились. Делоре рассеянно улыбнулась, несмотря на утрату последней уверенности. Вспышка воспоминаний... яркая, как галлюцинация. Вот только Делоре никогда не видела стремительно приближающуюся бетонную полосу в реальности. Ей же только *хотелось* спрыгнуть с крыши. Желание совершить действие и само действие – это совсем не одно и то же. По сравнению со вторым первое настолько незначительно, что на него можно и вовсе не обращать внимания. Делоре вышла из спальни, оставив неприятную тему для размышлений позади.

Вроде бы рациональность одолела беспричинный страх, но тут Делоре обнаружила себя стоящей в дверном проеме.

«Не стой в дверном проеме – несчастье протиснется мимо», – сотню раз говорила ей мать. Делоре поморщилась и шагнула в комнату.

– Милли, просыпайся, – ее лишенный теплоты голос звучал ровно – как всегда, как должен звучать. – Сегодня будний день. Помнишь?

«Да просто живи как-нибудь», – думала Делоре полчаса спустя, шагая по тротуару.

День был прозрачный и зеленоватый, будто солнце светило сквозь огромный кленовый лист. Милли в кои-то веки шагала размеренно и молча, даже не пытаясь высвободить свою ручонку из хватки Делоре. На прощание они просто молча кивнули друг другу и ушли каждая в свою сторону.

«Какая разница, что с тобой происходит. Никто не знает об этом, так просто притворись, что ничего и нет. Какая разница, что ты чувствуешь, если тебе давно уже всё безразлично. Правда-правда – всё», – сказала себе Делоре на библиотечном крыльце. Очередной рабочий день. Окупись в него, отвлекись на дела.

Но сосредоточиться на делах не удавалось, и часы тянулись медленно, нудно... Ее скучающие мысли всё забредали куда-то... хотя она предпочла бы держать их поближе. Та книга не давала ей покоя. Притягивала, как влечет то, что запретили строго-настрого.

(Я только раз заглянула в тебя, но ты уже заразила мой мозг спорами невежественности и суеверия. И эти споры

проросли.)

– Ну уж нет, – сказала Делоре, искоса посматривая на книгу.

– Что «ну уж нет»? – спросила Селла из-за стеллажей, но тут входная дверь приоткрылась, мальчишеский голос позвал: «Мама!» – и отвлек Делоре от ее намерения.

«Странный ребенок», – подумала Делоре, когда Селла вышла из зала. В его явном стремлении не попадаться Делоре на глаза было что-то настораживающее. «Не попадаться на глаза...» Делоре хихикнула, но затем неприятные, беспокойные мысли потянулись в ее голове, путаясь друг с другом, как нитки распускающихся клубков, которыми играет кошка. Раз – удар мягкой лапой – и синяя нить извивается на полу. Два – теперь покажем и когти – и синюю пересекла красная.

Хватит.

Но игра только начинается... скоро будут узлы и петли... Серое, мохнатое, ушастое, хвостатое, движущееся как маленький ураган существо разрушит последние надежды хоть что-то распутать.

Хватит... нужно сохранять самоконтроль. С каких пор ее мысли получили такую власть?

Прикрыв дверь, Селла разговаривала с сыном. Потом Селла вернулась в зал, долго искала что-то среди стеллажей и подошла уже со стопкой книг в руках. Водрузив стопку на стол, она начала заполнять бланк. Все как положено.

– Ему задали доклад по географии... Так, надо еще в журналах посмотреть...

– Он как будто прячется от меня, – сказала Делоре. – Он что, такой застенчивый?

Селла приподняла взгляд и сразу снова опустила.

– Да нет, – и секундой позже: – Ну да. Не обращай внимания.

Делоре пожала плечами. Селла умчалась с книгами.

Только вот та, зеленая, еще здесь. Делоре зажмурилась (мягкие лапки, но в нежных подушечках острые когти), и ее пальцы провели по холодной гладкой обложке. «Ладно», – решила она и усмехнулась сама себе. Раскрыв книгу, она вчиталась в оглавление. Как же много суеверий... среди них легко потеряться...

Полосатые кошки (лучше не надо о кошках);

Пятница (да здесь найдется любой день недели; о среде она уже читала);

Соленые ливни;

Красное море;

Предрассветные стуки (что, простите?);

Маленькие кусающие и душащие существа (без комментариев);

Фиолетовые глаза.

И внутри стало холодно, как будто ее живот распороли и начинили ледяными кубиками. Сто тридцать вторая страница...

Селла вот-вот вернется в зал. Делоре наморщила лоб. Глупо. С каких пор ты веришь в подобную чушь? Как только появится Селла, ты закроешь эту сочащуюся тупизной книжонку и поспешно спрячешь то виноватое выражение, которое на твоём лице сейчас. Так пусть Селла придет... но Селла задерживалась, выговаривая сыну за какой-то проступок. Сто тридцать вторая страница... текст ниже, сначала картинка. Охваченный огнем дом, деревянный, двухэтажный. Окна разбиты, осколки стекла разбросаны по земле. Из оконных проемов валит дым, обозначенный миллионом мелких штрихов. Все тонет в черном... кажется, в запечатленном на картинке сумрачном миреке светлых дней не бывает вовсе... даже огонь такой черный, каким становится то, к чему он прикасается... Делоре прикусила губу. Мерзость, мерзость. Отвратная картинка.

«Фиолетовый, – прочитала она, опустив взгляд на текст. – Цвет зимней ночи, тайны и безумия». Безумия... Делоре изобразила усмешку, но получилось как-то жалко. Само безумие смотрит из твоих глаз, Делоре, как тебе это? Промелькнула Селла со стопкой журналов в руках. Делоре положила книгу на стол и села. И что тревожит ее? Только буквы, складывающиеся в слова, не имеющие особого смысла и уж тем более не содержащие даже и крупницы правды... Делоре читала. Ее зрачки двигались вдоль строк. Прочитанное могло бы впечатлить ее больше... но не впечатлило. И только холодок внутри. Все нормально, все нормально, а это – чушь.

Когда Селла подошла, Делоре неподвижно сидела за столом, зеленая книга – закрытая – перед ней. Селла ничего не сказала и хотела уже скрыться за стеллажами, где от нечего делать подравнивала книжные ряды, но Делоре попросила ее:

– Убери это, – и протянула ей зеленую книгу.

Глаза Селлы, обведенные серебристо-голубыми тенями, округлились.

– Ты что-то прочитала? У тебя странное выражение лица.

– Да, одну веселую историю.

Селла не собиралась выяснять, какую, но Делоре все равно уточнила:

– О человеке с фиолетовыми глазами.

Селла задумалась на секунду.

– Вот как, – осторожно произнесла она. – И что же?

Никаких уточняющих вопросов. «Селла знала», – поняла Делоре. О да, все в городе знали.

– Ты в это веришь?

– Нет, – быстро ответила Селла. Ответ отрицательный.

Интонация – утвердительная.

«Опять несовпадение, – усмехнулась Делоре. – Или это просто неискренность?»

– Считаю, он был сумасшедшим. Впал в психоз или типа того, – пояснила Селла, но затем добавила, противореча своему недавнему отрицанию: – А может, он действительно был проклят...

– Может?

– Я не уверена. И все же... проклятия существуют.

– Я не верю в проклятия.

– Ну конечно, ты столько лет прожила в Роане, – протянула Селла, как будто это разом объясняло весь скепсис Делоре. – Я к тому, что пусть даже у тебя фиолетовые глаза, Делоре, это вовсе не означает, что в один прекрасный день тебе вдруг вздумается убить всю свою семью, как он сделал.

– Остаток моей семьи, ты хотела сказать? – Делоре безмятежно улыбнулась, но ее взгляд был колючим и холодным, как осколки льда. – Никого почти и не осталось.

Селла поежилась.

– Наверное, – сказала она – вероятно потому, что не смогла придумать ничего лучше. – Но что заставит тебя так поступить?

– Не знаю.

Селла посмотрела на обложку книги и сдвинула брови.

– Там сказано, что это случилось осенью, – продолжила Делоре. – Но не говорится, в каком году и где именно.

– Не хотели очернять репутацию города.

– Видимо.

– Какая тебе разница, когда и где, если дело давнее?

– Никакой.

Делоре подперла голову рукой и придала своему лицу выражение апатии.

В окно вдруг заглянуло давно не появлявшееся солнце, и

Делоре увидела в потоке света вращающиеся пылинки. Так же в ее голове вращались мысли – множество их, легких, неуловимых. О чем я буду думать завтра? Что придумаю? Как буду объяснять себя, себе?

В день, когда тот человек сошел с ума, солнце светило ярко или же пряталось за облаками? А может, лил дождь? Было тепло или холодно? Убить свою семью... Делоре не могла и представить, как кто-то способен совершить такое. И как рука поднялась? Она перевела взгляд на часы – без пятнадцати час. Скоро потянутся школьники, и у нее не останется времени на безделье, как и на обдумывание всяких жутких вещей. Хорошо.

Когда она посмотрела на часы в следующий раз (поток школьников наконец-то иссяк), стрелки уже добрались до половины пятого. Селла выглянула в окно и сказала:

– А твой друг уже здесь. Верный, как песик.

– Этот идиот мне не друг, – грубо возразила Делоре, и Селла оглянулась на нее, изумленная.

– С чего такая злоба?

Старательно сконструированные спокойствие и сосредоточенность рушились. Этот... этот... *торикинец*. Зачем он пришел опять? Что ему нужно от нее?

– Ладно, – сказала Делоре. – Пусть ждет. Ждет, пока ему не осточертеет. Жаль, что погода хорошая. Ливень был бы уместен. А я задержусь.

– Зачем? Делать нечего.

– Протру полки, – Делоре поджала губы.

– Это можно сделать в понедельник. Все равно за выходные снова запылятся.

– Мне почему-то хочется заняться этим именно сегодня.

– Ты что, прячешься от него?

– Это он должен от меня прятаться, – отрезала Делоре, да так, что сразу стало ясно – разговор о проклятом торикинце закончен.

Селла пожалала плечами. В пять часов она ушла, оставив Делоре ключи, которые обычно забирала с собой. Проводив ее, Делоре заперла двери изнутри. Наконец-то одна. Солнечный свет давно померк. Делоре включила лампы, удивившись, что так долго проблуждала во мраке, даже не замечая этого. Она села на край стола и задумалась, сжимая и разжимая пальцы (лак на ногтях облез; она совсем не следит за собой в последнее время). Фиолетовые глаза... проклятие... безумие... убийства. Глупости. Нечего думать об этом. Какое ей дело, где это произошло? Наверняка история вымышленная, как и все остальное в книге.

Делоре осторожно выглянула из-за шторы. Торикинец ждал, сунув руки в карманы, и от нечего делать раскачивался на пятках. Пять часов двадцать минут. Она заставляет ждать не только торикинца, но и дочь, а вот это уже скверно. Может, выйти и объяснить ему, что давно пора отвалить и оставить ее, Делоре, в покое? Это было бы уж точно умнее, чем сидеть здесь и бояться его неизвестно почему.

В половине шестого Делоре приказала себе перестать дурить и начала одеваться, с легким недоумением обнаружив, что пальцы дрожат. Ее знобило, но при этом подмышки намокли от пота. Ну что такое? Застегнув последнюю пуговицу пальто, Делоре обратила нерешительный взгляд на дверь. Дождался все-таки, стоя вот так, как будто говоря всем своим скучающим видом: ты не сможешь прятаться от меня вечно.

Делоре выключила свет. Снова подсмотрев в щелочку между шторами, отметила, что торикинец приблизился шага на три.

– Уходи, – вдруг прохныкала она. – Уходи, зачем я тебе? Я плохая. Я как кислота, Ноэл сказал, как яд.

Она подошла к входной двери, прижалась к ней ухом и прислушалась – тишина снаружи. *Пожалей его.* Но он сам начал все это! Ее рука скользнула в карман за ключами...

Когда в дверь постучали, Делоре дернулась, будто от звука выстрела. Истончились нервы, милая? Она попятилась, беспомощно понимая, что прогнать его не сможет. Ей просто не позволит что-то... вежливость, или нерешительность, или, может быть, душераздирающее одиночество, которое, в чем ей не хотелось признаваться, она чувствовала. Среди этих привычных, обычных вещей... среди обычных людей... это странное чувство – совершенно иррациональное, преобладающее ее настолько, что в нормальном мире ей уже нет места.

Когда противоречия свились в такой клубок, что их стало невозможно распутать, Делоре ничего не осталось, как только разрешить сомнения в бегстве. Она вернулась в зал и прошла мимо стеллажей. Глупо, конечно, даже по-детски...

Это маленькое окошко, в самом углу, раскрывали редко. Оно отказывалось поддаваться, но, так как это было единственное окно с той стороны здания, где торикинец не мог ее увидеть, Делоре упорствовала, в итоге добившись своего. А вот как запереть окно за собой? Ну ладно... пока она просто прикроет створку, а завтра утром придет и запрет окно, чтобы библиотека не стояла открытая все выходные. Конечно, крайне сомнительно, что библиотеке угрожает что-то в этом тишайшем городке, даже если бы Делоре оставила ее с распахнутой настежь дверью, но совесть-то нечиста...

Делоре замешкалась, остро ощущая нелепость собственного поведения, потом расстегнула нижние пуговицы пальто и, поднявшись на цыпочки, села на высокий подоконник. Потоки холодного ветра, поступающие с улицы, пошевелили прядь волос, протянувшуюся по щеке. Делоре подняла ноги и перекинула их через подоконник (ну просто как в школе, сбегая от злобных одноклассников, а ведь ей двадцать восемь, нет, даже двадцать девять лет). Она спрыгнула и едва не подвернула ногу, когда каблук провалился в мягкую разрыхленную землю. И зачем эта клумба под самым окном! Останутся следы... хотя кто различит их под стеблями мертвых цветов.

Делоре проверила ключи в кармане – не выпали ли, застегнула пальто, плотно притворила за собой окно и прошла сквозь маленький садик, ощущая себя неуверенной и неуклюжей. Калитки с этой стороны не было, но Делоре просто перешагнула низенький заборчик. Библиотека осталась позади, чернела, как скала, а с противоположной стороны здания все еще дожидался скучающий торикинец. Делоре глубоко вдохнула, как будто распались стискивающие грудь цепи, и широко, радостно улыбнулась. От чистого холодного воздуха, после библиотечных затхлости и вечного запаха пыли, слегка закружилась голова. Делоре сама бы не объяснила, какие именно чувства подтолкнули ее к побегу. Ладно, неважно. Милли заждалась. Наверное, всех детей уже разобрали родители, и дочь сидит там одна, обиженно надув губы.

После ясного дня настал удивительно темный вечер... Делоре задрала голову: ни единой звезды в небе. Собирался дождь... Приступ необъяснимой эйфории резко прервался, сменившись столь же необъяснимой, но более привычной тоской. И почему-то стало стыдно... Да что с тобой, Делоре? И эти мысли, которые ты слышишь в своей голове... тихий шепот. Неужели тебя так напугала глупая история из книжки? Нет, разумеется, нет.

Почти бегом Делоре достигла конца аллеи, затем свернула и поднялась на квартал выше. Вылетев на мощный плиткой тротуар, тянущийся вдоль темного парка, она застыла. Фо-

нари не горели. Ни один. Десять – пятнадцать, и все мертвы. Обычно этот участок пути был прекрасно освещен, но сейчас здесь царила крошечная тьма, как будто это место преобразилось в кошмарном сне. «Не иди», – подсказало ей что-то (интуиция, или осторожность, или же здравый смысл, предположивший: что-то здесь затевается). Но она не послушалась. Вот еще – предчувствие опасности. Достаточно страшилок на сегодня. Когда же до вас дойдет – я в них не верю!

Стекло под ее подошвами хрустело, как будто она шла по вафлям. Вот что с фонарями – разбиты. «Зачем?» – подумала Делоре и, услышав свой голос, поняла, что получилось вслух. Что-то пролетело возле ее носа, она отшатнулась, а потом ее ударило в плечо. Боли она не почувствовала, только сердце сначала сжалось, а потом запрыгало как мячик-попрыгун, ударяясь о ребра. Она вслушалась, пытаясь сквозь сердечный ритм различить звуки, которые выдадут ее врага: его шаги, дыхание. Его мысли.

– Кто ты? – глупый вопрос. Неужели она всерьез рассчитывает, что ей ответят?

Теплые выдохи, тающие в холодной тьме. Следующий камень стукнул по груди, но лацкан пальто смягчил удар. Прикрываясь, Делоре обхватила себя руками. Ей хотелось бежать прочь, поддавшись дикому страху, который, как пружина, разжимался в ней... и одновременно – в злом упорстве не двигаться с места. Хотелось гнать прочь от себя это злое существо, или же, поймав его, притиснуть к себе с такой

силой, чтоб переломались все его проклятые кости. Кажется, она видит кого-то... смутно... Может быть, ей только кажется, что она различает силуэт, но, по логике, если атакующий способен ее как-то рассмотреть, значит, и она тоже...

Секунды три ни один из них не двинулся (Делоре уловила его дыхание, насыщенное азартом и возбуждением, а затем различила шуршание трущихся друг о друга камней, заполняющих его карманы). Затем ее беспричинный враг бросил еще один камень, но не попал.

– Хватит, – попросила Делоре, подняв ладони в жесте одновременно примирительном и обороняющемся.

Ее ударило в спину – вот уж откуда не ожидала. «Их несколько», – потрясенно поняла Делоре. Абсурдная ситуация...

– Послушайте, это просто глупо, – камень ударил ее по пальцам. – Перестаньте! – вскрикнула она.

Один из них рассмеялся. Что-то в его шелестящем, равнодушном смехе напомнило ей о рассыпанных по асфальту осколках. Едва различимый силуэт растворился в темноте, отдаляясь, затем с его стороны полетел камень. Делоре попыталась, но, вспомнив о втором атакующем, шагнула вперед. Всмотрелась в темноту, но тщетно. Опять камень – к счастью, пролетевший мимо, чуть задев рукав. И когда эти двое остановятся? Когда у них кончатся камни? Когда у них иссякнет злость? А когда их злость иссякнет? Вдруг ее очень много?

– Оставьте меня в покое, – пробормотала Делоре и все-таки побежала. Что ей, сражаться с ними, с этими детьми? Дети... Да, она узнала гнусный восторг нападения, который испытывают лишь стайные животные и дети... Злобные мерзкие дети, которым отлично удаются отвратительные поступки... По ее спине заколотили камни, один ударил по затылку. Даже в таких условиях ее враги были весьма метки... Какая веселая игра... Они эдак прикончат ее среди темноты.

Делоре вдруг всхлипнула. Она все еще пыталась внушить себе, что происходящее несерьезно, какие бы страшные мысли ни возникали в ее голове, но на нее навалился панический ужас, как будто они действительно ее убивали.

– Отстаньте!

Очередной камень. Ноги точно окаменели... Делоре не хватало сил передвигать их. Она остановилась и закрыла голову руками, пытаясь уберечь ее от ударов. Где-то впереди был свет, но до этого мрака он не мог дотянуться. Делоре всегда боялась темноты... в детстве она считала, что в ночи бродят чудовища, готовые схватить ее в любой момент. А сейчас выяснилось, что ее страхи были правдой... вот они, *чудовища*.

Тихий смешок.

– Ведьма! – голос искажен, как будто рот говорящего полон мраморных шариков (возможно, так оно и есть).

– Ведьма? – повторила Делоре с саркастичной усмешкой. – Ах вот оно что. Снова эта ерунда. Так не лучше ли

вам отвязаться от меня, пока я не заколдовала вас насмерть?

Молчание. Делоре удивляло, как их злобные взгляды не оставляют на ней ожоги. Между нападающими и жертвой протянулись нити страха, связавшие их души... и тогда Делоре...

(Странное ощущение; как будто, пока они стоят неподвижно, не разрывая тонкие нити, она сможет что-то сделать с ними... вытянуть души из их тел, как сок через трубочку. И Делоре потянула.)

Один из них дернулся. *«Теперь я знаю твой вкус, мой конфетный мальчик»*, – злорадно подумала Делоре, узнав его. Она услышала тихий вскрик, и затем силуэты запрыгали сквозь темноту, отдаляясь.

Делоре осталась одна, тяжело дышащая, разъяренная, потрясенная. Минуту она восстанавливала дыхание. Затем продолжила путь. Под ноги ей попался камень, и она злобно пнула его. Сзади по шее стекало что-то теплое... Она потрогала, приподняв волосы: кровь. Гаденыши; если бы удалось схватить, тогда...

С лицом Делоре повезло: оно было красивым (хотя лучше бы еще немного покрасивее), но, главное, умело сохранять выражение бесчувственного спокойствия, что бы ни творилось за гладким лбом. Делоре остановила кровь, прижимая к ранке носовой платок; дошла до садика; невозмутимо поздоровалась с воспитательницей и холодно кивнула встретившейся в коридоре Никаэле. Директриса тоже не снизошла до

полноценного приветствия, лишь наклонила голову в ответ.

И лишь когда Делоре вышла из ярко освещенного здания, удерживая холодную лапку обиженной Милли, волна страха поднялась к самому горлу. Делоре с легким сожалением вспомнила о торикинце. Ей следовало согласиться на его сопровождение – будь при ней такой здоровяк, маленькие паршивцы не решились бы напасть. Может, он потому и преследовал ее с таким упорством, что пытался предотвратить подобные инциденты?

Кто же он все-таки такой?

Делоре что-то подсказывало, что, решишь она расспросить торикинца, правдивый ответ все равно не получит. Но ей и не хотелось его расспрашивать, ни даже просто приближаться к нему. Какая разница, кто он. Вскоре она будет далеко от него и этого города. Впрочем, она пока не знала, где будет. Точно не в Льеде. Она не готова вернуться туда. Мир большой, и нечего ей отчаиваться, где-то она найдет себе место.

Погода резко переменилась, и, как только они дошли до дома и поднялись на крыльцо, хлынул дождь. Повезло, что не застал в пути. Делоре представила себя и дочь, бредущих под холодными струями, и поежилась. Ладно, пора оставить темноту снаружи. Она закрыла дверь и пять минут спустя подошла убедиться, что действительно не забыла запереть ее. Приходится признать – нервы сдают. Но на то есть причины. Ссадина под волосами заныла. Ублюдки, в асфальт бы вас вколотила.

Делоре взяла из аптечки йод, заперлась от Милли (ставить дочь в известность о произошедшем не хотелось) и обработала ранку на затылке. К тому времени успела образоваться крупная шишка. Опасное расположение. Окажись удар чуть сильнее – и Милли могла бы лишиться еще одного близкого человека. Делоре оттянула свитер и посмотрела на плечо – красное пятно, которое позже посинеет. Игры стали серьезнее... настолько, что перестали быть играми.

На ужин она приготовила омлет с укропом (сухим, уже нарезанным, из маминых заготовок на зиму) – не слишком подходящее для вечера блюдо, но ладно. Пока она стряпала, Милли сидела за кухонным столом и угрюмо молчала.

– Не дуйся, – попросила Делоре, одно за другим надкалывая яйца ножом.

– Я не дуюсь.

– Тогда отчего такие мрачные бровки?

– Почему мы не уезжаем? – спросила Милли.

Делоре задумалась на секунду – в самом деле, почему? Для начала она могла бы купить торикинскую газету и посмотреть объявления о работе и сдаче жилья.

– Не все так просто, малышка, – уклончиво пробормотала она и отвернулась, чтобы достать из стенного шкафчика миксер. «Где-то у мамы хранилась бутылка вина для торжественных случаев», – припомнилось ей. Может, выпить бокальчик? Расслабляет. А то до сих пор тревожно.

– Что-то случилось, мама?

– Нет, ничего, – Делоре включила шумный миксер.

За вечер Милли таки оттаяла. Перед сном Делоре почитала ей книжку. Мать и дочь, пригревшиеся под стареньким одеялом. Какая уютная картина. Хотя бы внешне нормальная.

Уложив Милли, Делоре отыскала бутылку вина (и даже две) – в большом шкафу в коридоре, на самой верхней полке. Красное. Свой успокаивающий бокал она выпила, лежа в ванне. Вода согрела ее снаружи, вино – крепкое и терпкое – изнутри. Стало почти хорошо...

Той ночью она уснула практически мгновенно... и увидела сон, вероятно, спровоцированный ее вечерними переживаниями. События прошлого, которым сон вернул давно забытые подробности... как пациент, ввергнутый в гипнотическое состояние, она вспомнила даже то, что желала навсегда забыть...

Ей восемнадцать, ее страх перед миром очень велик. Всегда напряженная и осторожная, Делоре двигается неуклюже и скованно. Она сутулится, стоит ей перестать следить за собой. Ее улыбка выглядит искусственной, из глаз, редко отвечающих прямым взглядом, не исчезает выражение недоверия.

Она учится на первом курсе торикинского университета. Социологический факультет – не то чтобы Делоре привле-

кает вся эта нудятина, она просто не знала, куда ей податься. Вместе с остальными студентами она прибыла в Льеж, на трехдневный семинар...

Вечерами, в свободное время, все разбегаются парочками и группками кто куда; Делоре гуляет по улицам в одиночестве. Льеж кажется ей огромным монстром из белого камня. Каждый раз, пересекая очередное широкое шоссе, она чувствует себя маленькой, как мышь, и такой же, как мышь, невзрачной. Она боится заблудиться, так как плохо знает романский и слишком стеснительна, чтобы в случае чего обратиться за помощью к прохожим. Она боится, что ее платье выглядит дешевым и мятым. Она боится увидеть презрение во взглядах идущих навстречу людей. Она боится споткнуться и упасть и боится, что кого-то рассмешит ее растерянность.

Однако, несмотря на весь ее ужас, Льеж ей нравится. Эти широкие улицы... и высокие здания... и нескончаемые потоки машин... В последний вечер в Льеже она блуждает по улицам дольше обычного. Не хочется возвращаться в Ровенну – назад в клетку. Грустно до слез. Она никому не нужна, ей никто не нужен, и она почти счастлива, потому что... ну, хоть так.

А потом кто-то хватает ее за руку...

Делоре оборачивается, внутренне леденея, и получает удар по лицу. Уличное освещение гаснет... или же это у нее темнеет в глазах. Ее волокут куда-то, больно стискивая пред-

плечье, затем с силой толкают к стене. Спиной и затылком Делоре ощущает холодную каменную поверхность позади... и еще она чувствует, как этот отвратительный человек грубо дотрагивается до нее. Словно в страшном сне; она даже не пытается сопротивляться, хочется просто сжаться от ужаса и ждать, когда кошмар закончится (*проснись-проснись, это не может быть правдой*). Сердце отчаянно колотится, как будто всерьез вознамерилось выбить ребра и выпасть на асфальт. Делоре смотрит в лицо обидчика, но оно слишком близко, чтобы рассмотреть: все расплывается, ни глаз, ни носа, ни рта, просто синевато-белое пятно.

И здесь тонкая граница, отмеченная тончайшей стеной, прозрачной, как изо льда, за которой страх вдруг сменяется гневом. Вероятно, это происходит в момент, когда нападающий ударяет ее снова, отчего в темноте перед Делоре вспыхивают белые цветы. «Ну, давай же, поменяемся, – думает она. – Я была жертвой, ты – хищником. А теперь наоборот. Ты не обрадуешься такой смене ролей... но кто тебя спрашивает, когда всё по справедливости».

Ее захлестывают смелость, ярость, радость и этот голод, восхитительно болезненный и – за секунду до его утоления – нестерпимо приятный. Разжимая губы с фальшивой покорностью, она прекрасно понимает, что произойдет. Секунду спустя уже она, превратившись в агрессора, насильно целует его, вонзая свой язык в его разбухший, наполненный слюной рот. Никогда прежде она не испытывала чего-то столь воз-

буждающего и одновременно столь отвратного. Ощущение как когда кусаешь губы, высасывая из них кровь, вот только в тысячу раз интенсивнее.

Она податливо прижимается к нему, будто не к насильнику, а к любовнику, и чувствует жжение искорок желания, рассеянных по всему ее телу, а затем – первые судороги нападающего. Он пытается вырваться, но опутавшие его руки цепкие, как колючая проволока. Делоре слышит свой смешок. Влажные губы и подбородок мужчины склизко поблескивают в свете фонаря, в вытарашенных темных глазах белыми точками – ужас.

Он глухо вскрикивает, и после этого Делоре отпускает его. Он падает на колени и затем резко сгибается, как будто кто-то невидимый нанес ему жестокий удар. Скрюченные пальцы погружаются в живот в тщетной надежде вырвать боль и отбросить ее прочь.

«Я же жертва, – вспоминает Делоре. – Я должна быть испуганной». Медленно, боком, она скользит вдоль стены, все еще не способная отвести взгляд фиолетовых глаз от корчащегося в муках обидчика. Его изломанные движения для нее прекраснее любого танца.

Достаточно; лучше бежать, если хочешь следовать роли. Одна туфелька слетает с ноги, но это неважно. Прихрамывая, Делоре выглядит хорошо, ну прямо как настоящая жертва нападения.

Покидая переулок, она все же оглядывается. Человек ле-

жит неподвижно. «Умер?» – думает Делоре. И в животе становится щекотно, приятно, тепло...

Шелковое покрывало внешней благопристойности на секунду соскальзывает, открывая заостренные ржавые детали ее истинных желаний. Делоре *хотела*, чтобы на нее напали. Она ждала этого момента, она была согласна стать жертвой, лишь бы получить врага и обрушить на него всю ярость, теснящуюся в темноте ее черного, как уголь, сердца. Он напал на тебя, и этим дал тебе право напасть в ответ. Делай с ним что угодно, а потом скажешь: «Но я защищалась, я спасала свою жизнь, у меня не было выбора». Боль так легко превращается в гнев... гнев в злобу, а злоба в агрессию – и как просто получить избавление от своего страдания, разрушив что-то... получить сладкую *не-боль*, притягательную, как пьяное забытьё...

Делоре широко улыбается. На губах кровь. Его? Ее? Без разницы.

Делоре, реальная, двадцатидевятилетняя Делоре, проснулась и перевернулась на спину, жадно хватая ртом воздух. Сон завершился, но поток воспоминаний было уже не остановить...

В тот же вечер она встретила Ноэла...

После нападения она медленно брела по улице, мимо фонарей, свет которых висел желтыми шарами среди черного

кольшущегося мрака. Справа, по широкому, как река, шоссе, проносились сверкающие автомобили, такие роскошные, каких она никогда не видела в ее тихой провинциальной стране, казавшейся в тот момент недостижимо далекой...

Делоре дрожала, но ни горечи, ни страха, ни сожаления не испытывала. Никаких неприятных чувств. Поскольку она была боса на одну ногу, ее левое плечо при ходьбе опускалось, тогда как правое устремлялось вверх. Делоре остановилась и сбросила туфлю.

Крошечная красная туфелька (неужели у нее действительно такие маленькие ступни?) лежала на черном асфальте с жалобным видом, будто просила не оставлять ее. Лучше, конечно, вернуться за второй, но Делоре не хотелось идти назад, пусть даже тот человек больше не представлял опасности. Она боялась разрушить это волшебное чувство – как будто она свободна впервые в жизни, как будто задышала в первый раз... Как будто, после всех прожитых лет, сказанных слов, продуманных мыслей, наконец-то она – это она, такая, как есть. На этот вечер она получила освобождение. Но если она увидит тело... труп, распростертый на асфальте... Отвращение и вина могут прогнать ее радость, и она не хотела знать их.

Делоре дотронулась до своих распухших губ кончиками пальцев, обнаружив сочащиеся кровью мокрые неровности укуса. Но, возможно, она укусила себя сама. Она ни с кем не целовалась раньше... и сейчас все еще была оглушена откры-

тием, как легко это получилось: само собой, инстинктивно. Отчего-то до этого ей казалось, что поцелуй – это нечто замысловатое и сложное, с первой попытки она не справится.

С одной незнакомой улицы она сворачивала на другую... Делоре понятия не имела, как теперь возвращаться к гостинице, а, впрочем, и не стремилась туда, просто гуляя без цели. «*Я так счастлива*, – потрясенно осознала она в какой-то момент. – *ТАК*». И заплакала.

Все расплывалось, свет фонарей и фар раздваивался, троллся, и вскоре всю темноту заполонили огни. Делоре пошатнулась, чувствуя слабость в ногах, и села на бордюр (под босыми ступнями мелкие песчинки, один крошечный камушек). Мимо проезжали машины, казавшиеся ей похожими на черные глыбы. Они были в одном с ней мире и в то же время совсем в другом.

«Я убила человека? – спросила себя Делоре. – Нет, конечно, нет. Невозможно убить кого-то силой мысли». Должно быть, у него прихватило сердце или случился инсульт. Делоре не имела к этому отношения. Слезы ползли по ее лицу, как теплые змейки. Какая же она маленькая – только часть чего-то большего, некоего тайного плана, который совсем не понимает. Она всхлипнула, обвивая руками колени...

Делоре заметила остановившуюся возле машину лишь после того, как ее окликнули:

– С вами все в порядке?

Еще секунду назад она могла бы дать четкий ответ на этот

вопрос – да, все в порядке, впервые за долгое время, может быть, впервые в жизни действительно все хорошо. Но этот прохладный голос привел ее в смятение, перевернул в ней все вверх тормашками. Как будто бы она уже слышала его раньше... вероятно, в своих самых лучших снах.

Несколько долгих, тихих секунд, когда она смотрела на гладкий асфальт, не решаясь поднять взгляд, отпечатались в ее разуме, остались в нем навсегда, как царапины на камне. Они были наполнены ожиданием чего-то... счастья? Имеет ли она право хотя бы только на ожидание? А затем на нее нахлынул страх перед чем-то в ней, сейчас сжавшимся в ее сердце, но готовым развернуться, заполнить всю ее и пространство вокруг, разлиться, как океан... В тот момент она понимала, кто она, о да, знала все о своих преступлениях.

Она закрыла глаза... подняла голову... медленно открыла глаза. Он был сияющий и бледный. В то время Ноэл гладко зачесывал свои светло-русые волосы. На тот момент он еще не добился многого, но его взгляд был уже полон самоуверенности: я все знаю, я все умею, я все решу за тебя. И его странная улыбка, оставляющая губы сжатыми, глаза холодными... улыбка внутри.

Делоре подумала: «Это он – моя судьба? Тот, кто спасет меня?» Может ли ее сумрачная жизнь преобразиться, наполниться светом, хотя бы тем, что исходит от него? Разве она, Делоре, обязана быть одинокой, унылой, печальной? Разве она хуже других? Слишком мало хорошего... слишком мно-

го плохого... есть в этом мире справедливость? Или нет?

Ноэл позаботился о ней. Успокоил ее (он так и не понял, что потрясенный вид Делоре связан с ним самим, а не с нападением), предложил подвезти до гостиницы. Он отлично говорил по-ровенски (только угловатый роанский акцент и излишняя правильность речи выдавали в нем иностранца), и по дороге задавал Делоре вопросы, много вопросов, выслушивая ее ответы со всей внимательностью.

Делоре чувствовала, что нравится ему, и ей было странно и страшно... Она была недоверчива, как ребенок, которому никогда ничего не дарили, а затем вдруг вручили огромную коробку с пушистым бантом. Ребенок развязывает бант, но почти и не хочет видеть, что внутри, так как слишком боится, что коробка окажется пустой. Разве Делоре заслуживала внимания *такого* мужчины? Она не могла найти объяснения его *немыслимой* доброте.

Но она и не могла посмотреть на себя со стороны, тем более очищенным от собственного неприятия взглядом. Ей и в голову не приходило, что она красивая. Что ее волосы блестят, словно шелковые нити. Что к ее гладкой щеке хочется прикоснуться. Что в ее неуклюжести и робости есть что-то милое, как у маленького олененка. И что ее глаза – испуганный, наивный взгляд снизу вверх – так глубоки. Затягивают в фиолетовую глуть.

Утром Ноэл позвонил ей в гостиницу. Делоре как раз собирала вещи, готовясь к вылету. Ноэл хотел проводить ее до

аэропорта, но был слишком занят на работе. Пять последующих дней, уже в Торикине, тоска грызла Делоре немилосердно, а потом Ноэл снова связался с ней (она упоминала в разговоре с ним, где учится, но как Ноэлу удалось разузнать телефонный номер студенческого общежития?). Вскоре он приехал к ней в Торикин, исхитрившись отыскать на это время в своем плотном расписании.

На второй встрече в Торикине они решили, что станут парой (вернее, Ноэл так решил, а Делоре, онемевшая от счастья, покорно кивнула). Она долго не могла поверить в то, что он выбрал ее. Смотрела на него и думала: «Этого не может быть». Они же словно с разных планет. Его – та, что ближе к солнцу. Делоре же жила, окруженная вечным холодом. Нет, невозможно поверить. Она отдала Ноэлу всю себя, подарила, как вещь. Он был волен выбросить ее в любой момент, но оставлял при себе. Делоре часто плакала в то время – потому что была слишком счастлива и не могла не плакать, вымещая все эти эмоции; потому что знала, что ее счастье может закончиться, а как жить после?

Иногда, просыпаясь по утрам, она лежала тихо-тихо, замороженная страхом, что на столике возле кровати не окажется колечка, подаренного Ноэлом, а его номер исчез из ее записной книжки. Что он по-прежнему в ее мечтах, и никогда – в реальности. У нее не было человека ближе его. И не было никого дальше. Она никогда не понимала его полностью. А он понимал – он много раз говорил ей, что понимает.

Они встречались наездами, пока Делоре не закончила университет. Иногда Делоре задумывалась о том, как проводит вечера взрослый, успешно строящий карьеру, привлекательный мужчина, не имеющий возможности видеть свою девушку чаще, чем раз в несколько месяцев. Впрочем, вслух она никогда не ставила верность Ноэла под сомнение. А вдруг это спровоцирует его признаться? Нет уж, лучше ничего не знать. Получив диплом, в тот же день Делоре вылетела в Роану и поселилась у Ноэла. Через месяц он сделал ей предложение.

Спустя несколько лет брака она рассказала мужу о чувствах, которые пережила при нападении. Рассказывала она спокойно и даже безразлично. Он сказал ей: «Ты не злая, Делоре, нет. Но ты самый ожесточенный человек из всех, кого я знаю». И она подумала, что он прав...

Перевернувшись на спину, Делоре смотрела в темноту так долго, что у нее возникло ощущение слепоты. Разумеется, Ноэл не смог ее спасти, и никто бы не смог. Делоре больше не верила в судьбу. Ничего не предопределено, никто друг для друга не создан... Все встречи – лишь результат бессмысленной случайности. Заметят ли люди друг в друге нечто, что станет причиной их желания быть вместе, или нет – это также воля случая. А дальше... они вместе до тех пор, пока жизненные обстоятельства не разлучат их. Все просто и бессмысленно. Но почему осознание этого факта причиняет ей такую сильную боль?

Лучше спи, надо отдохнуть. Завтра суббота – тяжелый день. Так спи же. И неважно, что ты представляешь собой, Делоре. Когда ты лежишь под одеялом, закрыв глаза, свернувшись клубочком, внешне ты ничем не отличаешься от обычной женщины. Все в порядке, пока тебе удастся лгать.

СБ. 4 дня до...

Делоре не нравились субботы. «На самом деле я ненавижу субботы, – подумала она, лежа в сонном оцепенении. – Так же сильно, как любила раньше».

Ноги холодные, словно лягушачьи лапки; она втянула их под одеяло. Пора вставать, а сил нет. Ну, перестань, Делоре, ты уже давно должна... а что она должна? Привыкнуть? А к голоду или боли тоже можно привыкнуть?

Да, привыкнуть до смерти.

Если бы у нее были слезы, она бы плакала каждое субботнее утро, как героиня какого-нибудь сопливого романа. Не то чтобы по субботам тоска усиливается... но она всегда внутри, сжатая туго-туго (некая жуткая противоположность тому радостному ожиданию, которое она испытывала перед выходными в прошлом), а в субботу получает свободу, и Делоре ощущает ее повсюду в себе. Кажется, даже в кончиках ногтей. По будням Ноэл был перегружен работой. Вечерами он все еще не мог оставить мысли о делах, и, кажется, Делоре совсем не было места в его голове. Но после молчаливого усталого пятничного вечера обязательно наступало ясное утро выходного дня, когда Ноэл целиком принадлежал ей.

Где ты сейчас, Ноэл? Неужели ты умер совсем, исчез бесследно? Иногда мне кажется, что ты просто ушел куда-то, как раньше уходил на работу. Только в другое изме-

рение.

Она спряталась лицом в подушку. Не нужно, стоп, достаточно. Суббота – всего лишь день. Так выберись из кровати и переползи в воскресенье как-нибудь.

«Все будет хорошо», – монотонно твердила она себе, одеваясь, при том, что знала наверняка – не будет. И почему-то казалось, что ковер в комнате мокрый, словно из-под пола, просачиваясь в щели меж половиц, поднимается холодная вода.

– Телефон звонил, – сообщила ей Милли деловито.

– С утра полагается здороваться.

– Привет, мам.

– Привет.

В кухне Делоре распахнула холодильник, подыскивая, что съедится на завтрак. Роскошь выбора – одно тухлое яйцо, коробка молока (опять прокисло, фу), рис, который лень варить (что вообще делает в холодильнике пачка риса?), крошечный двухнедельный кусочек сыра, который никто не захотел доест, и два яблока. Что выберем? Конечно, яблоки. Умница, Делоре, и хозяйка ты отличная.

– Так что с телефоном?

– Тот дядя звонил.

– Даже так, – пробормотала Делоре. Если он продолжит настырничать, глядишь, однажды она к нему и привыкнет.

– Ты спала. Он сказал не будить тебя.

– Что еще он сказал?

– Цифры.

Делоре выгнула бровь.

– Я записала, – важно сообщила Милли и с топотом умчалась. Вернувшись, протянула Делоре листок.

Две цифры. Понятно...

– Нам все равно следовало пройтись, – сказала Делоре Милли и сунула руку в карман джинсов, нащупывая ключи от библиотеки.

Дождь оставил на улицах огромные лужи. «Как красиво в них отражается небо, – подумалось Делоре. – Впрочем, все равно».

– Когда мы уедем? – спросила Милли.

– Когда все высохнет. Иначе мы утонем в пути, – на полном серьезе ответила Делоре, и Милли посмотрела на нее с недоумением. – Впрочем, если дожди продолжатся, мы сможем уплыть на корабле.

– Откуда возьмется корабль? – разумно усомнилась Милли.

– Море же рядом. Там, где есть море, всегда есть корабли. Уплывем в открытое море, а, Милли?

Милли растерянно нахмурилась.

– Мне не нравится море.

– А мне нравится. Нет, я его ненавижу.

Они зашли в магазинчик, и Делоре накупила всяких сладостей, чего никогда прежде не делала. Она была строгой матерью и считала, что ребенка баловать – только портить

(ну разве что совсем изредка и понемногу). Может быть, она хотела, чтобы мрачное личико Милли повеселело, а может – чтобы Милли прекратила задавать вопросы, приклеив язык к леденцу, который Делоре выдала ей прямо у кассы. Леденец был зелено-розовый. «Более омерзительное сочетание цветов и вообразить сложно», – мысленно скривилась Делоре и вдруг лучезарно улыбнулась.

По утрам в выходные дни улицы этого города восхитительно безлюдны. Вероятно, это единственная причина, по которой им удалось дойти до библиотеки без злобных комментариев, обычно произносимых громким свистящим шепотом. «Все время шепчутся-шепчутся-шепчутся», – подумала Делоре (паранойя, уже точно), и ее наполнила диковатая злость, которую она попыталась растратить в быстром пружинящем шаге, но Милли, конечно, начала отставать и хныкать (леденец не улучшил ее настроение, но все же сделал ее удобно молчаливой).

Периодически разогнавшейся Делоре приходилось останавливаться и ждать. В эти секунды она предпочла бы, чтобы Милли не было совсем – в смысле чтобы дочь осталась дома. Это было бы чудесно: просто бежать по этим улицам со всей возможной быстротой, выбиваясь из сил и пугая редких прохожих – как настоящая сумасшедшая.

В библиотеке Делоре оставила Милли с пакетом сладостей – крошить на стол и разбрасывать фантики от конфет. Все что угодно, дочь, мне все равно.

Окно было прикрыто так плотно, что Селла вряд ли бы заметила, что оно не заперто. Разумеется, никакой вороватый любитель книг не пробрался в библиотеку за ночь. Делоре повернула ручку, и вместе со щелчком замка пришло воспоминание о звуке, с которым камень ударяется об асфальт. На ее фальшиво-бесстрастном лице не мелькнуло и тени эмоций. Она постояла, задумчиво глядя в окно и ничего за ним не видя. Ее мысли перетекали одна в другую, постепенно меняя оттенки.

Цифры... Неужели ее бредовая догадка верна? Но зачем он подсказал ей дату? Что вообще ему известно? И при чем здесь она, Делоре? Впрочем, эти цифры могут означать что угодно другое. Ну или быть абсолютной бессмыслицей. Станный тип, очень странный. Ладно, достаточно сомнительный. Легко проверить... Это не может быть правдой, но... но... а даже если и правда – это же ничего не значит, верно?

– Милли, – сказала она громко, чтобы дочь услышала. – У мамы есть одно дело. Подожди меня немного.

– Какое дело, мама? – откликнулась Милли из-за стеллажей.

– Неважно. Ничего не трогай, – Делоре достала из кармана ключи – который из них от подвала? Вот этот, самый маленький?

Ключ легко повернулся в замочной скважине. Делоре посмотрела в темноту – немного испуганно, ведь теперь она снова верила в чудовищ, поджидающих во мраке – и, прове-

дя по стене ладонью, нащупала выключатель (наверное, сейчас его правильнее будет назвать «выключатель»).

На потолке замигала, разгораясь, лампа дневного света, высветив девять ступенек, выкрашенных красной краской. До чего же неприятный выбор цвета, как будто кто-то поскользнулся здесь и размозжил себе голову. «Почему я так уверена, что тот инцидент произошел именно в этом городе? – думала Делоре, осторожно спускаясь. – Почему? Может потому, что я родилась здесь?» И ее обжигало изнутри то жадное, безразличное к последствиям любопытство, которое часто ведет людей к смерти.

Подвал – не самое подходящее место для архива, но другого в маленьком здании библиотеки просто не нашлось. Здесь тоже были стеллажи, но не такие, как наверху, а с ящиками и ячейками. Делоре слегка растерялась. Если за пятнадцать минут она не найдет то, что хочет найти, она просто развернется и сбежит. Она обошла стеллажи, читая надписи на табличках, прикрепленных сбоку. Вот и тот, где собраны выпуски местной газеты «Нёрлиус». Нёрлиус... что или кто это вообще? Какой-то местный божок? Делоре не знала и знать не хотела. Она быстро просмотрела стопки. Самый ранний выпуск в наличии датировался всего-то пятнадцатью годами ранее. Мало.

Не теряя надежды, она прошла к застекленной витрине возле противоположной стены. В витрине, надежно защищенные стеклом от пыли и влаги, хранились более старые эк-

земляры печатной прессы. Вот и годовичные подшивки «Нёрлиуса»... Делоре приподняла стекло, извлекая тяжелые подшивки одну за другой и непочтительно складывая их на пол. И... пролет. Были подшивки за предыдущие и последующие года, но нужный ей год словно выпал из истории города. Нахмурившись, Делоре сжала пальцы в кулаки и положила их на стекло. Едва ли они решились уничтожить данные о том периоде, пусть даже и столь неудачном для города. Просто убрали с глаз долой.

Ножки низенького столика в углу закрывала длинная скатерть. Делоре приподняла скатерть и там нашла его – превращенный в едкую типографскую краску и впитавшийся в бумагу год, промозглой осенью которого один человек сошел с ума, – если только Делоре расшифровала цифры торикинца правильно. Присев на шаткий стул и положив подшивку на колени, Делоре принялась листать ветхие пожелтевшие страницы – только бы нужные ей оказались на месте... Газета выходила трижды в неделю – в понедельник, среду и пятницу. Нашла... в одном из пятничных выпусков... хотя все случилось в среду, разумеется, в среду, в позднее время, когда свежие номера (тираж – 5000 экз.) «Нёрлиуса» уже разошлись по рукам. Делоре не сомневалась – уже утром в четверг город стоял на ушах, обмениваясь противоречивыми слухами, выдаваемыми за информацию из первых рук...

Это была ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое октября... забавное совпадение. Делоре сжала губы. Секун-

ду спустя уголки ее рта приподнялись в подобии улыбки, и, когда губы разжались, показались стиснутые зубы...

Убив жену и троих детей, он поджег дом и, пока деревянные стены, влажные после очередного затяжного дождя, медленно разгорались, перерезал себе вены в ванной комнате. В газете не упоминали, что его сгубило – едва ли кровопотеря, скорее уж дым или огонь. Или же его придавил обрушившийся потолок? Или его сердце разорвалось, не выдержав ужаса содеянного? Впрочем, последний вариант романтичен сверх меры, а романтические истории никогда ее не привлекали.

Черно-белая фотография убийцы... не красавец, но и на чудовище не похож. Человек как человек. Впалые щеки, усталый взгляд (эти глаза видели, как лезвие топора раскалывает черепа его детей; *фиолетовые* глаза, ей об этом известно). Делоре смотрела в них, не отрываясь. Какие странные ощущения... как будто этот взъерошенный угрюмец, чье имя («Карнелиуш Нилус») не затерялось в песках истории лишь благодаря злобному сумасшествию его носителя, как-то близок ей... словно соседский мальчик, с которым дружили в детстве, а потом на долгое время разлучились. Делоре должна была ощутить отвращение, осуждение – то, что нормальные люди почувствуют. Но не эту тоску... К чему его оправдывать, когда любой скажет, что его поступок абсолютно непростителен. После того, что он сотворил со своей семьей, фраза «но они никогда его не понимали» звучит

просто нелепо.

Его жена погибла первой, едва ли успев осознать, что происходит. Младшая дочь также скончалась мгновенно. Затем настал черед старшей...

(Она успевает сесть в постели и закричать. Лезвие топора задевает стену, оставляя в ней глубокую борозду.)

В газете не приводились детали убийств. Но Делоре вдруг отчетливо увидела борозду на окровавленной стене – как кадр из какого-то мерзкого фильма. Конечно, это только ее домыслы, которые лишь случайным образом могут совпасть с реальными обстоятельствами.

Четырехлетний сын попытался сбежать, но отец настиг его возле входной двери.

(Маленькие пальцы, влажные от выступивших капелек холодного пота, судорожно стискивают дверную ручку, пытаясь повернуть ее. Но у малыша нет ни единого шанса – чтобы открыть дверь, требуется ключ.)

Все изложение кошмарного события, приведшего к смерти пяти человек, уместилось в одном небольшом абзаце. Это не Роана, где каждое жестокое убийство с восторгом смакуется прессой. И все же сквозь скупой текст проглядывало потрясение. Преступление для маленького ровеннского городка просто невысказанное. Делоре читала между строк: *«Какой стыд. Как такое мог совершить один из нас? Как мог он бросить тень на репутацию нашего города? Мы должны молчать об этом. Нет, разумеется, мы не можем полно-*

стью проигнорировать это событие... но не ждите от нас порочащих подробностей».

Могло ли что-то быть сделано, чтобы предотвратить этот акт ужасной жесткости? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, репортеры расспрашивали горожан. Замечал ли кто-то признаки нарастающего безумия Нилуса? Нет, разве что явный избыток мрачности. Он был молчун. Из тех людей, что себе на уме. Но агрессии не проявлял. Впрочем, нормальным он точно не был – ну как иначе среди его мыслей затесались бы такие идеи?

«Далее на стр. 7». Делоре перелистнула несколько страниц. На седьмой было продолжение интервью с местными жителями и еще одна фотография... Делоре смотрела на нее долго, тупо, бесчувственно. Значит, вот как. Что она должна думать об этом? Ничего.

Спустя несколько минут она поднялась наверх.

– Мы уходим, Милли.

Стараясь не думать о прочитанном, она молча наблюдала, как Милли складывает свои приторно-сладкие сокровища, рассыпанные по столу, в пакет.

«Совпадение, – твердила она себе всю дорогу до магазина и потом по пути домой. – Разве это обязательно должно что-то значить? Вовсе нет». Ручки пакета с продуктами врезались в пальцы. Она подняла голову и посмотрела на серые тучи. И все-таки... когда совпадений становится слишком много, их уже нельзя не замечать. То дерево на фотогра-

фии... сколько можно притворяться, что она не узнала его?

То самое дерево, что растет возле ее дома. Оно не полностью попало в кадр... но фрагмента причудливо искривленного ствола ей хватило для опознания. Делоре встала примерно там, где когда-то стоял фотограф. На фотографии дерево было еще живым... сейчас оно мертвое и высохшее. Но это не меняет сути дела: дом убийцы когда-то находился здесь...

Проклятье, это дерево следовало срубить еще десять лет назад! Делоре приблизилась к нему и сердито надломилась сухую ветку.

– А папа говорил, что ломать ветки – нехорошо, – сказала Милли.

– Иди в дом! – сердито приказала Делоре.

В дом... самый обычный дом. Выкрашен темно-зеленой краской, одноэтажный, с тесноватыми комнатами. Располагающийся точнехонько там, где когда-то один псих порубил всю свою семью... но в целом ничего такого, что выделяло бы его среди остальных жилых зданий в городе. У Делоре внезапно разболелась голова – именно что внезапно, боли не было, а в следующий момент возникла, и сразу сильная. Ну, жил тут этот псих... и что? У него были фиолетовые глаза... ну и? Он... что, что, что?! Какое это имеет отношение к ней, Делоре? Уж она-то точно не сумасшедшая, и никогда такой не станет. Может, это даже другое дерево. Похожее. Если существует одно уродливое кривое дерево, значит, может су-

ществовать и другое! Аргументы звучали разумно, и Делоре почти успокоилась. Ну или ей так показалось.

Она вошла в дом, в кухне разобрала пакет с продуктами. Что-то убрала в холодильник, что-то в шкафчики, а Милли в это время сидела на табуретке, грызла леденец (уже другой, желто-синий) и неотрывно наблюдала за ней.

– Мама, ты слишком быстрая, – сказала она.

– Что? – нахмурившись, переспросила Делоре и, неудачно развернувшись, задела стоящий на плите чайник. Он упал с жутким грохотом, разливая воду.

Наклонившись, чтобы поднять чайник, Делоре увидела в его сияющем металлическом боку искаженное отражение собственного лица. Щеки такие красные, будто она включила духовку и сунула в нее голову. Шокированная своим внешним видом, Делоре поставила чайник на плиту. Он звякнул, и она вдруг осознала, что ее движения резкие, стремительные. Снова это желание бежать изо всех сил, будто она спасает свою жизнь, преследуемая волчьей стаей.

Она принесла тряпку и вытерла лужу. Вышла, чтобы положить тряпку на место, вернулась. Леденец Милли лежал на столе. Самой Милли в кухне уже не было. Ушмыгнула. С лица Делоре не сходило мрачное выражение. Как нелепо – внутри кипящее беспокойство, а ведь для него нет ни одной разумной причины. В голове вскинулась боль, и на секунду для Делоре все побагровело. Она обхватила лоб ладонями; кухня качнулась, как большой плот, но как только багровый

свет померк, все вернулось к нормальности. Вот она – Делоре, вот ее кухня, все как обычно, ничего странного, по-прежнему пасмурная серость за окном, а на подоконнике, в глиняном горшке, упавший на землю цветок, о котором Делоре ни разу не вспоминала с... какой был день тогда? Неважно. Цветок все равно не выжил. Как подло с его стороны...

– Вот как, – сказала ему Делоре со смертельной обидой в голосе. В этот раз ее уже не обеспокоило, что она разговаривает с цветком; она может начать разговаривать с подоконником, ее и это не насторожит.

Она взяла горшок с цветком и, удерживая его в вытянутых руках, вышла в коридор, отворив дверь ногой. Возле входной двери ей все же пришлось поставить цветок на пол, чтобы повернуть ключ в замке. «Так бы и пнула тебя», – подумала она, снова поднимая цветок.

Выйдя из дома, Делоре прошла в сад. Вид у нее был угрюмый, но вполне себе торжественный. Она сама весьма смутно представляла, что собирается делать. Минут пять она слонялась, выглядывая подходящее место. Вон тот клочок земли возле куста шиповника кажется подходящим. Лицо Милли мелькнуло за окном и скрылось.

– Где этот проклятый мамин ящик? – спросила Делоре вслух, только затем заметив его возле стены. В него мать складывала разные садовые принадлежности. Обычно к этому времени ящик уже убрали на чердак, но мать умерла, а Делоре не позаботилась об этом. – Иди и оденься, – не обо-

рачиваясь, приказала она дочери, ощутив сверлящий спину взгляд. – А то простудишься.

– Ты тоже не оделась, – возразила Милли.

– Взрослые не простужаются, – Делоре достала из ящика маленькую красную лопатку.

– Неправда.

– С чего это ты так осмелела, чтобы обвинять меня во лжи?

– С того, что ты стала странная, мама.

– Вот уж нет, – вяло возразила Делоре и посмотрела на цветок. Вместе или без? Хотя зачем ей горшок без цветка? Так что вместе.

Она вонзила лопатку в стылую землю и начала рыть маленькую ямку. Казалось, увядший, пожелтевший цветок с нетерпением ждет момента, когда черная земля скроет его от света этого усталого мира. Делоре была ужасно зла на него. Земля так и летела. Вскоре яма стала достаточно глубокой, и Делоре поставила на дно горшок с цветком.

– Ну прощай, – сказала она – просто чтобы заполнить неприятную паузу. Молчание наблюдающей это нелепое действие Милли нервировало ее много больше, чем если бы дочь засыпала ее вопросами.

Когда бледные листья исчезли под слоем земли, Делоре стало легче. Нужно ли бросать на могилу цветка цветы? Впрочем, он в любом случае не заслужил почестей. Гнусный суицидальный цветок, никакой силы воли, всю его жизнь

только и мечтал сдохнуть!

– Закопан? – осведомилась Милли.

– Закопан, – устало подтвердила Делоре.

– А зачем? – Милли посмотрела на нее.

Делоре провела по лицу, убирая упавшие на лицо волосы, и на ее щеках остались темные полосы грязи.

– Твоя мамочка жить не может без похорон.

– То есть он умер?

– Да.

– У него есть душа?

Делоре задумалась.

– Сомневаюсь. Если и была, то она высохла и умерла вместе с ним.

– Когда я была у бабушки, она сказала, что иногда души мертвых возвращаются и тревожат совесть живых, – сообщила Милли. Было заметно, что она очень гордится тем, что смогла запомнить такую длинную и сложную фразу.

– У мертвых нет душ! А у меня нет совести! – вскрикнула Делоре, и Милли так и побелела. Крик Делоре она слышала редко, все больше холодный, требовательный тон.

Делоре стало стыдно.

– Пойдем, – сказала она мягко. Не извинение, конечно, но намек, что хотелось бы извиниться.

У крыльца Делоре глянула на почтовый ящик и почувствовала (именно почувствовала, но на фоне прочих сегодняшних событий это было не так уж и странно), что там ее

ждет письмо. Даже два. Или полтора, если учесть, что одно из них и не письмо вовсе, а просто сложенный вчетверо лист бумаги без конверта. Делоре развернула его и фыркнула.

«УБЕЙ СЕБЯ!»

– Что там? – спросила Милли.

– Ничего. Кто-то хулиганит – подложил пустой лист, – Делоре скомкала листок и сунула в карман джинсов.

«Смешно; как приносить одну и ту же газету в третий раз, – подумала она, сардонически улыбаясь. – Аргументируйте, придурки. Может, вам и удастся меня убедить. Но сомневаюсь».

Письмо в маленьком синем конверте было от торикинца. Делоре секунду вглядывалась в его имя, накарябанное печатными буквами на конверте, после чего с широкой улыбкой разорвала конверт в клочья. Очень интересно, что он хотел ей сообщить? Как жалко – такие крошечные обрывки, не прочесть. Клочки разлетелись, как сорванные ветром лепестки.

– Папа говорил, что нельзя мусорить, – сказала Милли.

– Папа вообще много чего говорил. Но это не означало, что ему стоит верить, – возразила Делоре и задрожала, внезапно ощутив пронизывающий холод. – Идем в дом.

В голове ворочалась боль. Одно утешало: этот день завершится в любом случае, не требуя для этого каких-либо действий от нее.

Последующие часы походили на блуждание в тумане.

Боль усилилась, отчего Делоре чувствовала себя совершенно отупевшей, вымотанной, будто не спала двое суток. В горьком вкусе обезболивающего было что-то отрезвляющее, и Делоре медленно перекаtywала таблетки языком, не запивая их водой. Но таблетки не действовали ни на головную боль, ни тем более на ту, что ледяным комом застыла в груди.

В комнатах было холодно. Делоре попыталась почитать книжку, закутавшись в плед, но не смогла сосредоточиться на тексте. С тех пор, как умер Ноэл, она не прочла до конца ни одной книги (не считая тех, что читала дочери, но и их просто проговаривала на автомате, не концентрируясь на содержании), не досмотрела ни одного фильма. Никогда не ощущала покоя. Может быть, ее импульсивное поведение, тревога, эти жуткие навязчивые идеи, иногда тускло поблескивающие среди темноты ее сознания, выдавая себя, – все это вполне нормально в данной ситуации? Ладно, не унывай, Черная Вдова. Чернее быть уже не может.

И все-таки несколько часов спустя она подумал, стоя среди клубов пара, поднимающихся над наполненной чуть ли не кипятком ванной: *«Будь ты проклят, Ноэл, за все это. Вот так вот, ты думаешь, лучше для нас? Если бы меня вытошнило всеми твоими словами – и правдивыми, и лживыми, вывернуло бы наизнанку так, чтобы внутри точно ничего не осталось, может, мне стало бы лучше? Я бы хотела забыть даже твое имя».*

Горячая вода не смогла растопить лед внутри ее холодного

тела.

В постели, уже пребывая на тонкой грани между сном и явью, Делоре ощутила чье-то присутствие. Она почувствовала взгляд на своем лице – так явственно, будто к ней прикоснулись. Делоре не испугалась, нет. Она сразу узнала его.

Она села, завернувшись в одеяло, удобно скрестила ноги и всмотрелась в темноту, пытаясь рассмотреть его – безуспешно. Протянувшаяся между ними нить его взгляда подсказала, что он где-то в левом углу комнаты, может быть, стоит, прижимаясь спиной к стене. Делоре понятия не имела, как ей следует разговаривать с ним, поэтому просто сказала:

– Привет.

Он молчал. Делоре слышала его дыхание, глубокое и частое. Она тоже вдохнула и положила ладони на накрытые одеялом колени.

– Зачем ты убил их? – спросила она без тени смущения. Он такой же инопланетянин, как она. Их только двое в этом чужом мире; Нилус уже потерян, и вот теперь – неизбежно – ее очередь.

– Они не отпускали меня, – у него оказался низкий голос, звучащий неясно и глухо, будто сквозь слои ткани. Кроме голоса, Делоре различила шуршащие фоновые звуки, которые должны были напугать ее своей потусторонностью, но не напугали. – Когда я понял, что они никогда не отпустят меня, я убил их, чтобы сбежать.

– А меня бросили, – безразлично сообщила Делоре – она

не могла позволить себе эмоциональность, когда Нилус говорил так спокойно, пусть даже ей было нестерпимо больно произнести эти слова.

– Каждый вечер она визжала: «Не бросай меня, не бросай, и как же наши дети, останься с нами!» Словно вонзала длинные осколки в мои уши.

– Я тоже просила его не уходить от меня, – задумчиво продолжила Делоре. – Во всех ли женщинах есть эта глупая привязчивость?

– Я пытался, трижды. Но она всегда угадывала, что я вознамерился сделать. Она приходила и начинала стучать кулаками в дверь, вопить, вопить и снова вопить, и я думал, что раньше меня прикончат ее крики. Она не могла и представить, каково мне жить с тем, что происходит со мной, как это – когда все в тебе разрывается на мелкие кровоточащие кусочки. Боль внутри, мрак снаружи – больше для меня уже ничего не существовало.

– Поначалу он был добрым, терпеливым, нежным. А затем... с каждым годом его чувства ко мне остывали на градус-два. Совсем ледяными наши отношения не стали, но в них едва ли осталось тепло. Иногда Ноэл ночевал на работе, объясняя это тем, что у него много дел... Сейчас мне даже думается, что те ночи он проводил вовсе не в офисе, но я скорее стремлюсь очернить его, нежели действительно подозреваю в измене.

– В любом случае они не могли помочь мне.

– Он тоже не мог помочь мне. Но мне хотелось, чтобы он просто был рядом. Я была глупая... Это я должна была бросить его, не наоборот. Возможно, тогда я бы не отомстила ему столь жестоко.

Дыхание Нилуса в темноте. И шелест. Будто тысячи мелких камней катятся с насыпи. Он стал ближе на шаг, или ей только кажется?

– Они говорят, что я ведьма, – после секундного сомнения решила признаться Делоре. – Они меня ненавидят.

– Когда я шел по улице, они отшатывались от меня, будто видели на моем лице проявления какой-то ужасной болезни.

– Меланхолия – это тоже болезнь, – улыбнулась Делоре. – Убивает медленно, но верно. И она заразна.

– А отчаянье?

– Отравляет всех, до кого ты только дотянешься, – длинная прохладная прядь упала ей на лицо. Делоре заправила ее за ухо. – Ты был сумасшедший?

– Нет, я был ошибкой – одной из множества ошибок их безупречных богов. Ты знаешь, фиолетовых глаз ведь не бывает. У моих родителей были серые глаза. Какая-то генетическая мутация придала моим радужкам этот странный, противоестественный цвет. И видимо, в генах моей души тоже произошел сбой. Мне говорили, что я должен обратиться к богам. Но я ненавидел богов, ведь даже они не могли помочь мне. Я остался один на один со своими проблемами.

– Мой отец тоже считал, что боги спасут меня. Он вбивал

эту чушь в мою несчастную голову изо дня в день.

– Пока ты не убила его.

– Я не убила его. Меня даже не было там, где он умер. Это просто несчастный случай. Как и с Ноэлом.

Он приближался к ней, она чувствовала. И ждала взволнованно, нетерпеливо.

– Убийца узнает убийцу. У нас особенный запах.

О да, она улавливала: запах гниения, крови. Ей с болезненной силой захотелось, чтобы он дотронулся до нее. Ее ступни вдруг нависли над пустотой, и Делоре осознала, что сползла к самому краю кровати. Из темноты веяло холодом.

– Я не убийца, нет-нет, – возразила она, но вяло, не пытаюсь переубедить его. Ее глаза закрылись, хотя и прежде ничего не видели в темноте этой чернейшей ночи.

Делоре протянула руки к Нилусу, и одновременно он приблизился к ней. Ее ладони прижались к его груди. Он был холодным, жестким, как доска, скользким от крови, смрад которой защекотал ноздри. Делоре приподнялась на колени и придвинулась ближе, прижимаясь к Нилусу. А где же отвращение, страх? Даже если она и чувствует их сейчас, как же они приятны... Лучший момент в ее жизни... безболезненное оцепенение... слепота и слияние с тем, кто знает ее *суть*, ее мрачную тайну... кто не станет винить ее за то, что вся она – злость. Делоре провела по его шее языком, одурманенная невыносимым восторгом принятия. Шероховатая кожа, горечь и солоноватость чужой крови... под ее веками

вспыхивали и гасли белые точки.

– Убегай, – предупредил Нилус.

Ей не хотелось слышать. Ей хотелось проглотить его, разжевать, оставить в себе.

– Убегай, здесь вода!

Она попыталась обнять его, удержать, но он отдалялся, и шорох камней, катящихся под уклон, стихал. В первую секунду тишины обожгло язык, во вторую – боль заполнила рот и потоком устремилась вниз, в грудь, в живот. Вскрикнув и зажав рот ладонями, Делоре покачнулась на краю кровати и, потеряв равновесие, упала в воду. Вода была ледяная, плотная, быстро поднималась, заполняя комнату.

Если бы она попыталась кому-то рассказать о своих ощущениях, она бы не сумела. Среди черной воды, окружившей ее, слов не существовало. Она поднялась, почувствовала, как с нее обрушиваются холодные потоки, обвиваются вокруг ее ног, и услышала всхлипы, которые не сразу признала за свои. Хриплые, тоскливые звуки. Боль усилилась, и Делоре представились холодно поблескивающие металлические нити, пропарывающие ее тело насквозь. Душа билась, как в клетке, хотела вырваться из плоти, пребывание в которой стало невыносимым. Делоре зажала рот руками и закричала. В этот момент ей хотелось, чтобы ее просто убили, оборвав все страдания разом и навсегда.

И вдруг резко схлынуло. Вода моментально впиталась в пол, оставив после себя лишь ощущение сырости. Делоре

смогла подняться, в косметичке с лекарствами ощупью нашла обезболивающее и проглотила сразу несколько таблеток. Сидя на краю кровати, она приподняла пятки и опустила их. Пол, холод которого ощущается сквозь сухой ворс ковра. Откуда бы взяться воде? Приснилось.

Вскоре ей стало чуть лучше. Она скрестила руки и сторбилась, покачиваясь вперед-назад. Мысли в голове ползли тяжело, вяло. Все люди разделились для нее на два типа. Есть те, которые кричали в темноте, зажимая себе рот, чтобы никто не услышал, как им плохо. Есть те, которые не кричали. И вторым никогда не понять первых. Так есть ли смысл пытаться что-то объяснить?

Ее жизнь уже никогда не станет прежней. Не вернется к норме. Не очистится.

Кому-то происходящее с ней показалось бы страшным. Но Делоре давно усвоила: многие страшные вещи просты настолько, что даже не можешь испугаться, потому что обнаруживаешь, какими будничными и заурядными они оказались.

ВС. 3 дня до...

«Вчерашний день был немного... странен», – подумалось Делоре прежде, чем она открыла глаза. Возможно, это не больше, чем ощущение? Хотя похороны цветка едва ли вписываются в расписание заурядного дня. А ночью... но это ладно. Сны бывают разные, некоторые из них очень реалистичны.

Что бы там ни снилось, часть сна – боль – была реальной, и с наступлением утра не пожелала рассеяться. Пусть и изрядно присмиревшая, она казалась такой же неотъемлемой от Делоре, как само ее тело. Вероятно, это уже можно считать если не нормальным, то обыденным состоянием. Прожив с болью треть жизни, Делоре, можно сказать, привыкла – насколько это возможно.

Глупая суббота ушла, и сегодня будет Нормальное Воскресенье для Нормальной Женщины – уж точно звучит поллучше, чем Черное Воскресенье для Черной Вдовы. Слишком много тревожных мыслей в последнее время – никаких оснований беспокоиться всерьез, но подобные размышления пора гнать из головы.

Одеваясь, Делоре продолжала увещевать себя. К чему цепляться за эти болезненные образы, если можно сосредоточиться на реальных вещах, ее окружающих? Дай разуму отдохнуть. Ее синяя керамическая кружка на тумбочке возле

кровати, на дне еще осталась вода. Этой кружке уже десять лет, и на ее стенках появились тонкие трещинки; скоро придется выбросить. Прохладный ковер под ногами, тоже синий (что-то слишком много холодных цветов в ее комнате). Привычные вещи, не опасные, не сводящие с ума. Они составляют реальность, а важно лишь то, что реально. Остальное и замечать не стоит.

Под ее босыми ногами хрустнули пластиковые таблеточные блистеры, которые в истерике прошлой ночи она обронила на ковер. Делоре не уловила момент, когда подняла один из них. Лишь жжение во рту заставило ее осознать, что она разжевала таблетку. Расплывшись, горечь оставила давно привычный и почти приятный холодящий привкус. «Все будет хорошо, – решила Делоре. – Наверное».

Если не обращать внимания на дурное самочувствие, то можно даже забыть о том, что оно дурное, и внушить, что все с тобой в порядке – звучит сомнительно, но иногда сбавывает. И Делоре не обращала – пока поджаривала гренки, разговаривала с Милли искусственно-веселым голосом, резала сыр, варила какао. Если с виду все в порядке, то какая разница, что творится внутри? Твои проблемы, Делоре, и не порть настроение дочери.

Она выпила какао, читая завалившийся журнал годичной давности – типичный женский журнал, который пытается помочь решить проблемы, которых у Делоре нет, будь она хоть еще дважды женщиной. Затем начала убираться в доме – ну

сколько можно хандрить? Пора заняться делами!

Делоре энергично прибралась в спальнях и перешла в гостиную. Когда она протирала телевизор, на котором успел скопиться порядочный слой пыли, с улицы донесся звук подъезжающего автомобиля. Делоре не была склонна к чрезмерному любопытству, но в этот раз что-то заставило ее сдвинуть занавеску и выглянуть в окно. Некоторое время она наблюдала, как Римуш, ее сосед, и какой-то незнакомый парень курсируют от дома Римуша к машине и обратно, загружая коробки в багажник и на заднее сиденье. Поддавшись импульсу, Делоре нервно вытерла ладони о джинсы, обулась в прихожей и вышла, не накинув пальто.

Римуша не было в поле видимости. Незнакомец, сунув руки в карманы, ожидал возле машины. Дверцы машины распахнуты. Делоре прошла через садик и остановилась у калитки. Поежилась. Как же холодно без пальто. Тридцать секунд спустя она совсем было решила вернуться в дом, как показался Римуш, кренящийся на одно плечо под тяжестью дорожной сумки. Не обращая никакого внимания на Делоре, он сбросил сумку в багажник и с шумом захлопнул его.

– Рим! – окликнула Делоре. Она растворила калитку и подошла, старательно изображая улыбку. Несмотря на все ее усилия, улыбка получилась тусклой, как дохлая золотая рыбка.

Римуш замер, сосредоточив взгляд на крышке багажника.
– Ты что, проезжаешь? – спросила Делоре, заставляя

свой холодный голос звучать по-доброму, без нот обиды – Рим едва ли с десяток слов сказал ей за все то время, которое прошло с момента ее возвращения.

– А разве это так непонятно, Делоре? – буркнул Римуш в ответ, нехотя скользнув по ней взглядом.

Как всегда, когда Делоре видела его (даже в их детские годы), она не могла не отметить его привлекательность. О, эти прекрасные глаза оттенка темного меда. А вот она сама выглядит не очень-то хорошо с собранными в хвост волосами, которые даже причесать не удосужилась, без макияжа, в мятой футболке и – сконфуженно обнаружила она – с тряпкой для вытирания пыли, свисающей из кармана. Она затолкала тряпку поглубже в карман.

– Но куда? – спросила Делоре, притворившись, что не заметила его грубый тон. – Далеко?

– Подальше, – пробормотал Рим и посмотрел в сторону, явно размышляя, как бы улизнуть.

– Надолго? – спросила Делоре с отчаяньем.

Рим передумал сбегать. Он развернулся к Делоре и впервые с ее приезда уставился прямо на нее. Делоре смутилась и потупилась.

– Ты правда хочешь знать ответ на этот вопрос?

«Нет, не хочу».

– Наверное, – выдавила она.

Ухватив Делоре за локоть, Римуш потащил ее прочь от машины. Когда они отделились достаточно, чтобы их разго-

вор не был подслушан, Римуш отпустил Делоре и, приглушив голос, отчеканил:

– Так надолго, чтобы, когда мы вернулись, тебя здесь не было.

Делоре отступила на шаг. Все же слышать его ответ не столь мучительно, как могло бы. Она была к нему готова.

– Вот как, – пауза. – Я... я чем-то вам мешаю?

– Нет, Делоре, конечно же, нет! Ведь это так чудесно – жить рядом с тобой! – саркастично воскликнул Рим, и Делоре отступила еще на шаг.

– Странная шутка...

– Шутка? Ну что ты, шутки давно закончились... На днях у моей матери был очередной приступ. Мы не можем оставаться рядом с тобой.

Боль затрепетала в ней, как острые, словно вырезанные из жести, крылья бабочек. Делоре положила ладони на живот.

– Не понимаю, – сказала она тихо. – При чем тут я?

Лицо Рима скривилось.

– Все ты знаешь, Делоре. Не отрицай.

– Но я действительно не понимаю! – запальчиво возразила она. – Как я могу кому-то вредить? Я обычный человек, такой же, как другие. Ничего особенного! Зачем вы распространяете все эти глупые истории обо мне? Какая вам выгода? Или просто захотелось развлечься? Жизнь в этом городишке очень скучная, я помню...

Парень, стоящий возле машины, открыто пялился на нее,

но Делоре не замечала его, глядя только на Рима. Римуш потер переносицу и зажмурился, будто от боли. На мгновение Делоре поверила, что сейчас он согласится с ней, извинится, заберет свои слова обратно. Но он молчал.

– Тем более ты, Рим! Я понимаю, что прошло много лет, многое позабылось, но мы же хорошо дружили в детстве! Ты правда веришь, что я такое зло, каким они пытаются меня представить?

– Хватит, Делоре! – прервал он ее с такой яростью, что Делоре отшатнулась.

«Зачем я вообще начала этот разговор», – подумала она. Хотя нет, у нее была причина: выходя из дома, она надеялась, что Римуш развеет ее мрачные предположения. Ее шансы получить частицу покоя были слишком малы, она рискнула и проиграла.

– Я верю. То есть я *знаю*, что ты такое зло, какое *ты* не можешь себе представить. С тех пор, как ты объявилась, потерянная и мрачная, в нашем доме как будто все время темно. Если бы мне рассказали, что кто-то способен омрачить все вокруг себя, я бы не поверил. Но не теперь, когда такой человек рядом со мной. Между нашими домами двадцать шагов, но я ощущаю тебя столь отчетливо, что, уверен, уже способен точно угадывать, в какой комнате ты находишься. Ты холодная... пугающая... удушающая. По ночам, когда я закрываю глаза, мне кажется, я не засыпаю, а погружаюсь во что-то темное и вязкое, и это что-то – твое, Делоре, не мое.

Я просыпаюсь с мыслью, что никогда прежде не чувствовал себя таким усталым. А мои мать, отец? У них постоянно что-то болит. Жена внезапно начинает плакать. У нас маленький ребенок, Делоре! Я не могу рисковать его здоровьем. В последние несколько дней... все стало совсем невыносимо. Мать и жена уехали сутками ранее. Если бы у тебя была совесть... если бы...

Он замолчал, и между ними зазвенела тишина. Делоре замерла – руки скрещены на груди, спина ссутулена. Потом выпрямилась и, подняв от земли взгляд, посмотрела Риму прямо в глаза.

– Ты не стесняйся, договаривай. Если бы у меня была совесть, я бы...

Улыбка, вымученная Римом, странно контрастировала с его мрачным, тяжелым взглядом.

– Я понимаю, на что ты спрашиваешься, Делоре. Но я не скажу то, что все остальные говорят. Именно потому, что помню нашу дружбу. Вместо этого я заявлю тебе вот что: если бы у тебя была совесть, ты бы уехала в свою Роану и никогда не возвращалась бы. И отдала бы дочь на воспитание родителям покойного мужа. Пока с ней ничего не случилось, но это пока. Пожалей девочку, Делоре, спаси ее от себя. Я не понимаю, как ей удастся выдерживать тебя все это время.

– Тебе как всегда все известно, Римуш, – рассмеялась Делоре. – Но моя дочь останется со мной. Ей вовсе не приходится, как ты выразился, меня «выдерживать». Она меня лю-

бит. И я ее люблю.

– Да, но это не помешает тебе погубить ее! – вскрикнул Римуш и, сразу погасив свою вспышку, ровным тоном сказал вышедшему на шум отцу, седому низенькому человеку в очках (в кого только Рим вымахал такой длинный): – Возвращайся в дом, папа. Я позову тебя через десять минут.

– Нет, зачем же, – возразила Делоре. – Я тебя больше не задержу. Продолжайте свои дела. Только один совет: прежде, чем куда-то вселяться, хорошо все осмотрите, загляните в соседние дома, прогуляйтесь по округе – не притаилась ли поблизости еще одна проклятая ведьма! Они же повсюду – ведьмы, ведьмы, ведьмы! – она подняла руки и согнула пальцы, изображая когти. – Параноики безмозглые...

– Не унижайся, Делоре, – перебил ее Рим.

– Я? Унижаться? Вот уж и не думала. С чего бы мне, когда это *вы* все идиоты!

Рим со злобой ударил ногой по забору.

– Нечего ломать мой забор, – огрызнулась Делоре, удаляясь. Уже растворив калитку, она крикнула, не сдержав гнев: – Я знаю, что нравилась тебе в старших классах, но ты был слишком труслив, чтобы встречаться со мной!

Римуш смотрел на нее, и на его до того бледных щеках расцветали огни.

Войдя в свой дом, Делоре громко хлопнула дверью. В кухне она села за стол, спрятала в ладонях лицо и десять минут не шевелилась, будто даже и не дышала. Она произво-

дила впечатление чего-то бесчувственного. Словно была не живым человеком, а предметом декора.

Милли подошла и погладила ее плечо.

– Мамочка...

– Не трогай меня! – закричала Делоре, открыв лицо. Оно было красное, словно она долго плакала, но на щеках ни слезинки.

Глаза Милли округлились. Секунду она рассматривала мать, затем развернулась и убежала.

Когда Делоре вошла в ее комнату, Милли, свернувшись клубком под одеялом, лежала на своей кровати. Делоре встала, обессиленно прислонившись к косяку (одна рука в кармане джинсов, ладонь второй рассеянно похлопывает по бедру). Теперь ее уже не беспокоило, что несчастье потрется о нее, пробираясь мимо с целью всегда быть на шаг впереди – что это соприкосновение, когда оно трахает ее каждую ночь.

– Милли, прости, – сказала она, и прозвучало формально-холодно. «Прошу принять мои извинения за проявленную по отношению к Вам грубость, а также искренние заверения, что подобного не повторится впредь»; ну *очень* смешно, Делоре, ты отличная мамаша. – Я была неправа.

Делоре подошла к кровати Милли и села на пол возле. Потянула одеяло, открыв заплаканное лицо дочери.

– Прости меня, – попросила она ласково, проведя по ее щеке. – Я не хотела кричать... не на тебя. Мне просто было... больно.

Взгляд Милли был полон недетской измученности. Даже в дни после смерти Ноэла дочь не выглядела такой несчастной. Чувство вины Делоре усилилось, стало невыносимо острым.

– Мама, ты заболела?

«Нет, не заболела – я больна с самого рождения».

– Я... я не знаю. Может быть, – ответила Делоре, обвивая дочь рукой. Она закрыла глаза, чувствуя, как очередной бутон боли раскрывается в ней пылающим красным цветком.

– Если мы уедем отсюда, ты вылечишься?

Она не вылечится. Только смерть избавит ее от страданий.

– Я не знаю, Милли.

– Мама, давай уедем. Почему мы здесь так долго?

– Мы уедем, – пообещала Делоре – так искренне, что почти сама себе поверила. – Очень скоро, – и она потерлась холодной щекой о мокрую щечку Милли.

У нее есть дочь. Она не может позволять себе делать что вздумается, пугая ребенка. Хватит ныть, Делоре. Не нравится, как день сложился – попытайся его наладить. Представим, что ты нормальная мать, и будем действовать в соответствии с этой ролью. Что делают нормальные матери по воскресеньям? Если исходить из того, что единственной ненормальностью матери Делоре была ее дочь, и, следовательно, с некоторыми допущениями ее можно принять за образец, то – пекут пирог.

Последняя попытка Делоре испечь пирог с треском провалилась – неприглядная поделка отправилась в мусорное вед-

ро. А ведь ей почти тридцать, всего-то без нескольких дней (среди этой путаницы в голове и не отыскать сегодняшнее число). Давно пора научиться печь. На нее вдруг нашло диковатое оживление. Глаза заблестели, тонкие морщинки на лбу разгладились. Ну что за растерянность? Неужели она не сможет хотя бы притвориться нормальной женщиной?

Яркий журнал, брошенный на кухонный стол, привлек ее внимание. Вот журнал для нормальных женщин. Там совершенно точно отыщется рецепт пирога. Делоре улыбнулась, перелистывая гладкие страницы. Вот этот очень даже ничего. Но у нее нет персиков. И муки, по правде сказать, тоже. Делоре дочитала список ингредиентов, мысленно отмечая те, которых ей не хватает. В наличии некоторых она была не уверена и полезла в шкафчик посмотреть. Это сода или крахмал? Она попробовала. На вкус сода.

– Милли, я вернусь через двадцать минут! – крикнула Делоре из прихожей, обнаружив себя застегивающей последнюю пуговицу.

Синей машины возле соседского дома уже не было. Уехали... ну и отлично. Все эти люди только раздражают и злят, без них намного лучше, правда? «Правда», – ответила она себе и улыбалась вполне искренне, уносясь прочь. Она чувствовала себя беспокойной и легкой, как молодая кошка.

Когда Делоре вернулась с пакетами, Милли все еще отсиживалась в своей комнате. «Ничего, – подумала Делоре. – Проголодаешься – выйдешь. Ну или выйдешь хотя бы для

того, чтобы узнать, что горит». Детская психика адаптивна и способна к быстрой регенерации. Все полученные сегодня царапины затянутся без следа.

Дальше началось какое-то мракобесие. Делоре сама себе удивлялась. Может, она и ведьма, но не идиотка же? (Все же хотелось бы, чтобы нет). Все падало из рук, все шло не так, и брошенная в раковину ложка пролетала через всю кухню. Поначалу это было даже весело. По-настоящему весело. Пару раз Делоре слышала свой смех. Особенно когда миксер вдруг задымился. Наблюдая себя точно со стороны, она заметила, что ее поведение все же несколько сумасбродно. Ну и что? Нормальные женщины бывают разные. Некоторые из них совершенно сумасшедшие.

Делоре пыталась делать все так, как сказано в журнале. «Разбейте яйцо о край миски...» Зачем они пишут такое, если даже и предположить не способны, что может из этого получиться? Руки дрожат... мерзко... Делоре заметила частицы белка даже на непослушной пряди волос, выбившейся из-под резинки и падающей на лицо. Она включила радиоприемник. Все было скучным до боли в зубах, она меняла станции, пока не наткнулась на какую-то дикую песню, которую оставила, увеличив громкость. Ее веселье вскипело, а затем вдруг стало стремительно остывать, превращаясь в раздражение. Может быть, у нее латентная истерика? А такие вообще бывают? Хотя какая разница, бывают или нет, главное, чтобы со стороны все выглядело нормальным (но не

выглядит, она это понимала).

В какой-то момент она заметила, что под ногами плещется темная грязная (и холодная, ощутила она с запозданием в секунду) вода. Делоре моргнула, и вода исчезла. Снова серый плиточный пол ее кухни, присыпанный белой пылью муки. Делоре затрясло так, будто ее в зимний день гольшом выставили на улицу.

Позади что-то громынуло. Она оглянулась и увидела, что банка с солью, опрокинувшись с полочки над столом, теперь лежит на боку, рассыпав соль по столешнице. Странно.... Делоре никак не могла задеть ее. Соль... Среди перешептывания прохожих Делоре слышала что-то о соли... Что именно?

Пытаясь вспомнить, Делоре замерла, но вихрь в ее голове продолжал вращаться. Соль рассыпается... ерунда. Просто банка соскользнула с полки. Возможно, полка висит чуть косо. Зачем придавать значение столь незначительному событию и уж тем более приравнивать его к очередному доказательству?

Доказательству *чего?* Делоре отвернулась от стола и обхватила себя руками. Помотала головой, пытаясь вытряхнуть неприятные мысли. Однако хаос в ее разуме нарастал. Она была (и остается до сих пор) не в себе после обрушившихся на нее смертей. Пользуясь ее неуравновешенным состоянием, ей навязали эту бредовую идею. В Роане, в окружении здравомыслящих роанцев, ей не могло прийти в голо-

ву ничего подобного. Только вдуматься в эту фразу: «Незадолго до своего тридцатилетия я узнала, что я ведьма!» Да просто смешно!

(Тогда что же ты не смеешься?)

Признаться, и в Роане люди не демонстрировали к ней особой симпатии. Впрочем, едва ли это потому, что от нее исходит сверхъестественное зло. Просто она действительно не самый приятный человек, холодный, мрачный.

Но цветы умерли...

Разумеется. Она то начисто забывала о поливе, то устраивала им потоп. Ты ухаживаешь за цветами так же хорошо, как готовишь, Делоре. Такое ощущение, что тебе так часто не было дела ни до чего, кроме своих недомоганий, что ты даже не нашла интереса и времени чему-то научиться.

Пальцы все сильнее вдавливались в предплечья. Рациональность стремительно ускользала от нее. Будь здравомыслие чем-то материальным, Делоре вцепилась бы в него когтями и зубами, лишь бы не отпускать.

Только не говори, что они тебя убедили. Ни во что из того, с чем никогда не сталкивалась и что не испытывала на себе, нельзя верить.

(А как поверить, когда испытываешь это на себе? Вот сейчас – как поверить?)

Тебе кажется, что их рассказы звучат убедительно? Психически больные тоже бывают весьма убедительны, несмотря на то что несут страшную ахинею. А вся эта страна погру-

жена в тихое помешательство.

Богов нет! Ведьм не существует! Соль не рассыпается сама по себе!

Делоре инстинктивно развернулась навстречу тихому звуку. Тишайшему; с таким шорохом, должно быть, брюхо ползущей змеи трется о песок. Секунду она пыталась понять, что это. Нечто зависшее в пространстве, похожее формой на медузу, собранное из мельчайших белых точек.

– Соль? – удивленно выдохнула Делоре, и затем белые кристаллики устремились к ней, как тысячи крошечных пуль. На лицо и шею будто кипятком плеснули. Зажмурившись, Делоре бросилась вон из кухни, сослепу сбив табуретку.

В ванной, ополаскивая лицо, Делоре была испугана, но гораздо меньше, чем могла бы после случившегося. Она слизывала с губ соленую воду и не ощущала даже удивления. Видимо, на каком-то этапе оно вообще перестает возникать. Кожу щипало. Делоре поморгала, успокаивая раздраженные глаза, и попыталась понять, если ли среди потоков соленой воды, сбегающих по ее щекам, хоть одна слезинка. Вряд ли.

Она выключила воду и выпрямилась. Посмотрела на себя, отраженную зеркалом. Да уж, отличный вид у нее – бледное лицо с красными пятнами, влажные пряди волос прилипли ко лбу, выражение глаз отсутствующее, будто ей уже совсем безразлично, что с ней творится.

Только опустив взгляд, Делоре заметила белые крупички,

застрявшие в волокнах ее свитера. Она облизала рукав. Солено. В зеркале соли на своей одежде она рассмотреть не могла. Делоре приблизилась к стеклу – отражение немного размыто и затемнено. Эти зеркала всегда портятся, раз в пару лет Делоре приходится заменять их. Но это пришло в негодность как-то слишком быстро...

Делоре нахмурилась. Нет ничего настораживающего. Все вещи портятся, в том числе зеркала. Просто раньше она не обращала внимания, как часто это происходит... Взяв тяжелый керамический стакан с зубными щетками, она отступила в коридор и бросила стакан в зеркало. Щетки полетели на пол, осколки зеркала – тоже. Зачем она это сделала? Да просто так. Захотелось.

В россыпи осколков она отразилась как что-то темное и неузнаваемое. На секунду в голове совсем прояснилось, и Делоре стало стыдно. Она присела на корточки. Подняла осколок, второй, положила его на первый, в левую руку. Один из осколков был в форме почти равнобедренного треугольника. На ладони стекляшки быстро нагревались. Делоре сжала их в кулаке, дожидаясь, когда закапает кровь.

Снова. Она закрыла глаза...

Сложно сказать, когда идея поранить себя впервые возникла в ее голове. Но к одиннадцати годам Делоре успела сдаться этому навязчивому влечению. Понимая, что родите-

ли осудят такие действия, она выдавала свои синяки и ссадины за последствия неосторожности. Она падала; обращалась с ножом неаккуратно; хваталась за горячие предметы в кухне – с ней все время случались какие-то несчастья. Но чем чаще она причиняла себе боль, тем чаще ей этого хотелось.

Сама по себе боль не была приятна, хотя, стоило Делоре попривыкнуть, уже не казалась такой уж мучительной. Делоре нравилось состояние, которое возникало после. Оно походило на опьянение, но затрагивало только душу. Счастливый покой, освобождение, недоверчивая радость, как будто после тяжелого проступка наконец-то получено прощение.

В первые месяцы эти чувства были чисты и прозрачны, словно дистиллированная вода, никаких примесей, потом к ним примешалась черная муть страха – с того вечера, когда Делоре проткнула себе руку спицей насквозь. Глядя на маленькую кровотокающую дырочку в центре ладони (болит меньше, чем ожидалось), Делоре вспомнила свои первые осторожные царапины, и ей стало жутко от осознания, как далеко она продвинулась с тех пор.

На протяжении двух лет ей удавалось сохранять свое сомнительное увлечение в тайне. Но однажды отец, забыв дома что-то нужное, неожиданно вернулся с работы. Он заглянул в комнату Делоре как раз в тот момент, когда она, подняв рукав, прижгла утюгом кожу на сгибе локтя. Скверное событие. Одно из самых худших.

Отец закричал на нее – Делоре увидела, как раскрылся его

рот, но не слышала голоса сквозь нарастающий звон в ушах. Да, она сделала нечто очень неправильное, и теперь отец серьезно накажет ее. «Может даже... убьет?» – промелькнуло в ее сжавшемся от страха сознании. Отец схватил ее за руку, увидел красное клиновидное пятно свежего ожога и рядом более бледное, не сошедшее пятно предыдущего. Делоре почувствовала, что отец собирается ударить ее, и зажмурила глаза...

Прошло несколько длинных секунд. Удара не последовало. Делоре открыла глаза. Звон затихал, но она все еще не могла разобрать, что отец говорит ей. Она попыталась читать по губам, чего у нее не получилось, но, заглянув в глаза отца, увидела в них то, что он не собирался высказывать вслух. Вместо этого он произнес другое.

– Раздевайся, – расслышала она с третьей попытки.

И покачнулась.

Она чувствовала такое унижение, как будто ее насилуют. Страх, расплзшийся по коже, ощущался как жжение. Если только можешь покраснеть от стыда вся целиком, то она покраснела. Когда она расстегивала платье, у нее дрожали пальцы. К тому моменту, как Делоре его сняла, она уже тряслась от холода, вдруг наполнившего комнату, в которой минуту назад было жарко и душно. На теле, там, где ранее его закрывала одежда, у нее живого места не было. Выставка ссадин на разной степени заживления. Разноцветные синяки – от черно-фиолетовых до желтых.

Стоя в одних трусиках и прикрывая скрещенными руками маленькие груди (в ее тринадцать лет им было еще расти и расти), Делоре смотрела на отца своими фиолетовыми глазами – с такой лютой злобой, какую ему едва ли доводилось видеть прежде. Как ни внушала она себе нелюбовь, но все же любила отца до этого случая – факт, который она осознала, пока последние искорки любви медленно таяли, и полумрак ее души сменялся кромешной тьмой.

– Можешь одеться, – бросил отец металлическим голосом. И вышел из комнаты, хлопнув дверью.

А Делоре осталась – дрожащая и задыхающаяся от гнева. Это был последний раз, когда ее предоставили самой себе.

Отец рассказал об инциденте матери. Хотя родители никогда не озвучивали при Делоре ее маленькую проблему, но тем не менее предприняли все усилия, чтобы помешать ей причинять себе вред. словно малолетняя преступница, пойманная с поличным, она утратила доверие и отныне нуждалась в бдительном наблюдении и контроле. С двери в ее спальню сняли щеколду, и у матери появилась привычка заглядывать к Делоре всякий раз, как она проходила мимо по коридору. А проходила мимо она очень часто. Даже в ванной комнате, где Делоре теперь запрещали задерживаться, она не чувствовала себя в спокойном одиночестве, потому что и туда в любую минуту могла вломиться мать и устроить очередной омерзительный досмотр, во время которых в Делоре все сжималось. Ее собственное тело больше ей не при-

надлежало.

Делоре казалось, что ее поселили в аквариуме с прозрачными стенками: если даже сейчас на тебя не смотрят, так в любой момент могут посмотреть. Задыхаясь без уединения, она взращивала, как ядовитое растение, свою ненависть к виновнику всех этих бед – отцу.

Старания родителей оказались не только разрушительными для ее психики, но и бесполезными: мазохизм Делоре все равно нашел, как выразить себя. Подмышки, внутренняя сторона бедер, тонкая кожа между пальцами, на которой даже мелкие ранки очень болезненны. И несколько других мест, где повреждения еще сложнее заметить, особенно если повреждений-то – один булавочный укол, пусть булавку и погрузили в кожу так глубоко, что наружу осталась торчать одна головка.

Делоре стала аккуратнее и осторожнее, не забывая о поддержании видимой нормальности. Единственное, что ее выдавало и от чего она не смогла отказаться – привычка кусать губы. Пару раз она всерьез задумывалась, что вот если и губы кусать запретят, стоит ли вообще продолжать это тоскливое существование? Боль сладкая, кровь соленая – невозможно удержаться, даже зная, что нотации отца и причитания матери неизбежны. Перед выходом из дома Делоре обязательно наносила на губы плотную помаду, скрывая запекшиеся ранки. Зато глаза она не красила до девятнадцати лет.

Тот день, когда жизнь ее отца оборвалась, был августов-

ский, очень солнечный. За кухонным окном шелестели листья яблони, отбрасывающей ажурную тень на пол и сидящую на нем Делоре. Она думала о школе, об одноклассниках, которым не терпится встретить ее плевками жеваной бумаги, и об окне на первом этаже – ее спасительном окне, позволяющем улизнуть из школы незаметно. Снова этот гвоздь на подоконнике, за который она однажды-таки зацепилась, спрыгивая, и надорвала край юбки.

Наверное, от всех этих мыслей Делоре нервничала больше обычного и, забывшись, кусала губы слишком сильно. Когда вошел отец, она машинально обернулась к нему. Под подбородку у нее текла кровь и капала на грудь – жуткий вид, словно Делоре только что перегрызла кому-то горло.

С того эпизода с утюгом успело пройти четыре месяца. Отец застыл в дверях (несчастье протиснулось мимо и встало между ними, ха), рассматривая ее с отвращением и неприязнью. Под его пристальным взглядом Делоре впервые задалась вопросом, как получилось так, что у нее фиолетовые глаза, хотя у обоих ее родителей – карие.

– Проклятый ребенок, – пробормотал отец, когда она ответила ему взглядом чуть более вызывающим, чем могла себе позволить.

И после этой фразы у нее в голове точно взорвалось что-то. Грохот, и затем темнота, и медленно падающие фрагменты ее прежних мыслей.

– Ты будь проклят, нет, *ты!* – выкрикнула она.

Отец поколебался одну долгую секунду, затем все-таки шагнул к ней. Рывком поднял Делоре на ноги и ударил ее по лицу. Без злости, почти равнодушно. Никогда прежде он не поднимал на нее руку. Из глаз Делоре брызнули слезы.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу! – завопила она пуще прежнего.

Он, кажется, испугался, схватил ее за плечи и тряхнул, как тряпичную куклу, пытаясь привести в чувство. Делоре прекратила кричать и заплакала. Отец толкнул ее на пол и вышел.

Делоре лежала на полу и сквозь собственные всхлипывания слышала, как отец ходит по дому и беспрерывно ругается. Она и представить себе не могла, что он – сдержанный, молчаливый человек – способен так браниться. Затем в прихожей шумно захлопнулась дверь – отец вышел на улицу.

Домой он уже не вернулся – его сбил грузовик. Это случилось на объездном шоссе – пытаясь успокоить свой гнев, отец дошагал до самой окраины. Вероятно, он слишком погряз в мрачных мыслях, чтобы заметить грузовик, вдруг выскочивший из-за поворота. Водитель судорожно выкрутил руль, но тщетно – хватило и скользящего удара. Отец Делоре умер на месте, а грузовик проехал далеко вперед, прежде чем смог остановиться. Неисправность тормозов; какое отношение Делоре могла иметь к этому?

Узнав о смерти отца, Делоре ничего не почувствовала. Из принципа. Она многое могла ему простить: его холодность,

раздражительность, придирки, склонность язвительно комментировать каждое ее неловкое движение (в его присутствии она всегда становилась особенно неуклюжей), его многочисленные и часто необъяснимые запреты. И даже богов, в которых он заставлял ее верить. Ее тошнило от богов. Она не понимала, почему должна быть им преданной, когда, разрезая свою кожу, она отчетливо понимала, что в ее жизни присутствуют разве что тени богов, но никак не их свет. Она забыла их имена, вбитые ей в голову, в первый же день, как получила возможность забыть.

Однако осталось нечто, что она не смогла ни забыть, ни простить: невысказанные мысли, когда-то прочтенные в глазах отца. Они пылали в его зрачках огненными словами. *Нам было бы лучше без тебя.* Даже если она изо всех сил постарается быть хорошей, даже если не совершит больше ни одной ошибки, все ее усилия бессмысленны, потому что ее грех заключен в самом ее существовании. Это полное отвержение будто сломало что-то в Делоре, и она стала не то чтобы совсем испорченная, но какая-то неполноценная. Обидчик мертв, но обида осталась и продолжает обжигать ее, более живая, чем когда-либо.

Два месяца спустя слезы все-таки хлынули из глаз Делоре, что застало ее врасплох – на спортивной площадке перед школой. Делоре спряталась за бортиком маленького школьного стадиона и истерически подвывала в перерывах между судорожными сжатиями горла, опасаясь, что одноклассники

ее услышат – их издевки и смех доби́ли бы ее окончательно. Плакала она и от тоски, и от чувства вины, осознаваемого и неосознанного, и от боли, раздирающей ее изнутри, которая после смерти отца возникала все чаще, превращая ее и без того безрадостное существование в настоящую муку (с Селлой они еще не были знакомы, она появилась только в сентябре следующего года).

Ее слезы капали на синий осколок стекла, лежащий на земле. В то время все дети играли с такими; откуда эти осколки возникали, никто объяснить не мог, но были они рифленые или гладкие, отличались толщиной и оттенком.

Делоре просто хотелось, чтобы ей стало лучше. Она знала, что нужно сделать для этого, – то же, что и обычно. Она подняла осколок (тонкий, острый, в самый раз) и начала резать себя.

Стекло проникало в кожу не с такой легкостью, как лезвие хорошо заточенного ножа. Порезы получались неровные, с рваными краями. Делоре впала в неистовство. Боли от повреждений она не чувствовала, потому что другая боль была во много раз сильнее – с каждым ее движением внутри Делоре едва ли не слепла и наносила себе новый порез.

– Эй, стрёмная, ты где? – кто-то перегнулся через бортик и завопил в голос, увидев ее.

Делоре была залита кровью. Минуту спустя над ней склонилась запыхавшаяся учительница. Делоре смотрела в испуганное лицо, испещренное бледными точками веснушек, и

не понимала, о чем ее спрашивают, монотонно повторяя:

– Больно... папа... больно...

Ее увезли в больницу, наложили швы. В больнице она оставалась несколько недель – раны, нанесенные грязным стеклом, инфицировались. Насколько она приблизилась к смерти, ее не интересовало ни тогда, ни сейчас. Жар... игла... мокрая подушка под щекой... во рту лекарственная горечь... и чей-то голос... и забытье, словно мутная вода в заросшем тиной баке... и снова игла, острый кончик которой пытается найти ее тонкую, едва голубеющую под кожей, вену...

В тот раз Делоре не смогла искупить свою вину страданиями и кровью. Боль не исчезла (позже она медленно отступила сама по себе). Потеряв веру в свое опасное, но, как оказалось, ненадежное средство, Делоре прекратила им пользоваться. Но история самоистязаний навсегда запечатлелась на ее теле. Первое время шрамы ужасали Ноэла – каждую ночь он находил все больше их во все более укромных местах. Он успокаивал себя тем, что не допустит новых. Когда-то он искренне верил в свои силы – или же только утверждал, что верит. Впрочем, большую часть того времени, что они провели вместе, ему действительно удавалось удерживать Делоре в относительно адекватном состоянии. Но как только он ушел, ее в лоскуты раскромсало.

Делоре вернулась в настоящее, в котором Милли, про-сунув голову в проем приоткрытой двери, смотрела на нее большими глазами.

– Милли...

Но дочь уже скрылась. Делоре не решилась пойти за ней. К тому же у нее текла кровь. Присев на край ванны, она обработала порезы йодом, забинтовала руку. Боль совсем не ощущалась. Наверное, вонзи она ноготь в красную мякоть разверстой плоти – и то ничего не почувствует.

Шагнув в коридор, Делоре вслушалась в заполнившую дом тишину и предположила, что Милли уснула. Заглянула к ней – действительно спит, свернувшись клубочком на кровати. Детское сознание всегда ищет способы сберечь себя – лучше выключиться на время, если грозит перенапряжение. Милли лежала поверх одеяла, и Делоре, не став тревожить сон дочери, укрыла ее пледом из гостиной. Сдвинула шторы на окнах, погружая комнату в сумрак. Потом тихо обулась, надела пальто и вышла из дома, заперевав за собой дверь.

На улице было промозгло, влажно. Воздух сизый, как дым. Делоре спрятала руки в карманы, осознав, что оставила перчатки на полочке в прихожей. Но возвращаться за ними не стала, тем более что на левую руку, обмотанную бинтом, перчатку едва ли удастся натянуть. Бинты... Летом, когда все ходят в легких маечках, Делоре мучается в одежде с длинными рукавами. Открывать свое тело она стесняется из-за шрамов. Видимо, отец был прав, не позволяя ей истя-

зять себя. То есть он точно был прав, просто добивался правильных вещей неверными методами.

«Доживу ли я до лета? – вдруг подумалось Делоре. – Или нет?»

Как хорошо, что улица безлюдна, – Делоре может брести со сколь угодно потерянным и несчастным видом. Эта грусть почти приятна, когда перестаешь стискивать ее и позволяешь ей расплыться в груди. Слишком устала держать...

Шедший навстречу мальчик в красной куртке сошел с тротуара, чтобы обойти Делоре по большой дуге. Такие мелочи Делоре уже научилась принимать как должное. Глупо цепляться за веру в собственную нормальность, когда очевидно, что это не так. Всю ее жизнь она как черная овца в белом стаде. Делоре вспомнились кричащие мальчишки на игровой площадке перед школой – осколок памяти из тех, что все пытаешься втоптать обратно в ту тьму, из которой они время от времени поднимаются. Покинув невзрачное здание школы в день выпуска, Делоре с тех пор к нему не приближалась. Избегала даже мимо проходить, зная, что проснутся гнев и обида, которые насовсем не уснут никогда.

Дома остались позади. На щеку упала одинокая капля дождя, крупная, как слеза. Впереди – море. «Когда в последний раз я видела море?» – спросила себя Делоре.

Она могла бы постоять на набережной, любуясь видом, но вместо этого сразу спустилась по лестнице к пляжу. Как же нелепо: прожив детство и юность рядом с морем, Делоре ед-

ва ли пару раз решилась окунуться в него, а плавать научилась, посещая бассейн в Льеде. Но сегодня море влекло Делоре к себе. Она больше не сопротивлялась своим страхам, предчувствиям, боли. Она стала их частью. Ее утонувшее сознание заполняла вода.

Дождь, как и грозился, начался, но капли падали редко. Делоре села на нижнюю ступеньку лестницы и сторбилась, наблюдая, как темнеет под дождем покрывающая берег круглая серая галька. У кромки моря, где их регулярно захлестывает вода, камни совсем черные. И морская вода тоже черная...

Делоре осознала, почему не приходила к морю чаще: ее пугало то, что больше ее в невообразимое количество раз, неподконтрольно, неостановимо. «Море подобно судьбе», – подумала Делоре. Тебя подхватывают волны и уносят, уносят против твоей воли. Может быть, ты продрейфуешь долго, а может, тебя сразу разобьет о скалы. В любом случае однажды ты исчезнешь под водой, жалея, что не мог просто остаться на своем берегу. Люди строят корабли, чтобы продержаться... но она, Делоре, отвергнута всеми

(Ты приносишь несчастье, Делоре, ты словно источник смертельной болезни.)

и выброшена за борт. Спасай себя сама.

Делоре обняла себя за плечи и закрыла глаза. Тысячи капель падали на камни, сливались с беспокойной поверхностью моря. Если бы ее слезы могли падать так же... За что

она наказана?

(А ты не понимаешь, за что?)

Внутри шевельнулась боль, реагируя на ее мысли. *Уже не уйдет*, поняла Делоре и задрожала. Ощущения «не-боли» больше не существует для нее. Большая волна с шумом обрушилась на берег. Губы Делоре жалобно скривились. Даже если и есть за что, это слишком жестоко. Нельзя так наказывать, никого! Она закрыла лицо руками, выдыхая в ладони, пытаясь вместе с дыханием изгнать из груди боль, но та оставалась внутри, твердая, как лед. Делоре услышала тихие, тонкие звуки и поняла, что поскуливает, как собачонка. Смешно... Она бы отдала все, кроме дочери, только за то, чтобы заплакать. Слезы – это способ избавиться от страдания, но кто-то решил, что она не заслуживает избавления.

– А я заслуживаю, – произнесла Делоре, пытаясь убедить саму себя, но некому было с ней согласиться, и ее сомнения только усилились.

На нее навалилась сильнейшая усталость. Невыносимо тоскливо видеть, как эти капли теряют себя в море. Она предпочла бы наблюдать, как белый чистый снег падает на серый асфальт. В Льеде... Да, хочется вернуться, но она сомневается – можно ли? Все же у нее была серьезная причина для того, чтобы в спешке оставить Роану...

Спустя полторы недели после смерти Ноэла – в среду, как

это ни смешно (это – смешно?) – Делоре вдруг обнаружила себя лежащей в ванне: одета в уличные брюки и свитер с закатанными рукавами, из длинного вертикального надреза на левой руке в еще горячую воду вытекает кровь. Даже не течет, хлыщет. Первой ее мыслью было: «Кто это сделал со мной?» Затем она заметила лезвие, зажатое между большим и указательным пальцами ее правой руки. Разливая кровь, Делоре выбралась из ванны, – неуклюжая, охваченная странным ощущением слепоты, хотя она видела все, причем с особенной четкостью. Электрический свет был плотным и желтым, как масло, и даже, кажется, таким же скользким.

Прозрачная темнота в коридоре... и в комнате тоже. Продолжает темнеть, будто в квартире резко смеркается. Вот она пришла, а с ней кровь и вода – кап-кап, почти беззвучно капли падают на мягкий ковер. Какие странные порой бывают среды, правда, Делоре? Милли глядит на нее во все глаза. И все вокруг чернеет, чернеет, и собственная кровь кажется Делоре не красной, а лилово-фиолетовой. Она зажимает перерезанную вену, но так кровь не остановить, кроме того, ей требуются свободные руки. Она берет телефонную трубку, но трубка выскальзывает и падает на пол с оглушительным грохотом. Делоре поднимает ее. «Какой у них номер?» – спрашивает она себя и понимает, что не знает, у кого – них.

Неважно; все-таки, какой номер? Делоре не может вспомнить даже сколько в нем цифр, полная неразбериха в голове, как в давнем сне, где Делоре шла и рядом с ней собака, ко-

торая превращалась иногда в кошку. И так мерцала: собака – кошка, собака – кошка. Вместе они дошли до дома, где было почему-то пусто, и в кухне, где только стояла одна плита и даже плитка со стен сорвана, собака вспрыгнула на плиту и, свернувшись в клубок, насовсем превратилась в кошку.

Делоре пытается вспомнить хотя бы первые цифры.

– 26? 27? 26?

А Милли смотрит и видит, хотя Делоре ее видеть не может, потому что стало слишком темно. Прямо перед собой еще возможно что-то различить, но и это ненадолго. Кошка спит на плите... до Делоре доносится странный треск. Затем краска на полу вздувается пузырями. «Дом горит», – понимает Делоре. Вот и во сне она бредет в гостиную и хватается справочник, пытаясь отыскать номер пожарной службы. Ведь помнила же, а теперь – как назло – забыла. Однако на страницах справочника только странные закорючки, цифры-не-цифры, буквы-не-буквы. Не разобраться.

– 27.

Она еще видит поток крови, вытекающий из нее, и в какой-то миг ей кажется, что из ее вены выползает черная извивающаяся змея. Милли плачет, и Делоре вспоминает о ее присутствии. Что чувствует Милли, наблюдая свою окровавленную мать?

– Милли, иди в свою комнату, – говорит Делоре и слышит свой голос глухо, будто сквозь стену. Она уже совсем ничего не видит, поэтому просто опускает руку на панель телефона,

позволяя пальцам самим нажать нужные кнопки.

Прибывшие медики обнаружили ее на полу в прихожей, возле двери, которую она успела отпереть за секунду до того, как потеряла сознание. На все расспросы в больнице она отвечала, что порезалась случайно, – до тех пор, пока врач вежливо не напомнил о лезвии, плавающем в окровавленной воде. Делоре заявила, что даже не знает, откуда оно в ее доме, – Ноэл пользовался электрической бритвой. Ей предложили психологическую помощь. Она отказалась. Что они знают о ней? Как могут помочь? Кто вообще решил, что женщине, у которой даже нет слез, требуется помощь?

Несколько дней, пока Делоре лежала в больнице, Милли жила у родителей Ноэла. Они готовы были принять внучку, но Делоре им и раньше-то не нравилась, а после смерти Ноэла они и вовсе ее возненавидели. Глупо; как будто им было за что ее винить.

Из больницы она вернулась в пустую квартиру – бледная, спокойная, тщательно скрывающая беспокойство, ушедшее в глубь души. И вскоре поняла, что больше не может здесь оставаться. В прихожей под зеркалом она нашла смятый чек. Пакет молока, килограмм яблок, лимон, десяток яиц, губки для мытья посуды, зубная паста, шампунь «Лорель» – и среди этого упаковка лезвий (10 шт). Пораженная, Делоре ринулась в ванную на поиски. Вот эта упаковка, лежит на стиральной машине. Вскрытая.

Делоре вышла из ванной, села на диван в гостиной и снова

просмотрела чек. Дата и время покупки: вторник, 15:24. Пожалуй, кое-что припоминалось – смутно, будто старый сон. И как бывает в снах, она увидела себя со стороны, представляя: вот она пришла в огромный «Дом», бродит по залу (должно быть, Милли была с ней, где же еще?), бледная и сама на себя не похожая в холодном сиянии ламп дневного света...

Ей удалось восстановить в памяти те несколько минут, когда она долго и придиричиво выбирала лимон среди сотен таких же, будто от того, насколько он хорош, зависело все ее будущее. Но так и не вспомнила тот момент, когда взяла лезвия с полки в отделе косметики и бритвенных принадлежностей. Она потеряла контроль над собой, сознание ускользнуло, как шелковая нить, слишком гладкая для того, чтобы удержать. Черная пустота вместо утерянного воспоминания, из которой веет холодом...

«Я попыталась сбежать», – догадалась Делоре. Прочь-прочь-прочь от того, что она сделала. Но что она сделала? Это был несчастный случай. Никто не докажет обратного, потому что так оно и было в действительности. Но тогда почему она чувствует себя виноватой? После смерти Ноэла эта вина возникла среди его вещей, как нечто материальное, новая вещь, и от нее исходит убивающее излучение, подобное радиации, сводит с ума, и скоро Делоре совсем лишится контроля над собой. Она не знает, где оно, как оно выглядит, но его вредоносные лучи дотянутся до нее не только в квартире,

но в любой части этого города, этой страны, которая всегда будет напоминать ей о Ноэле.

Она больше не может оставаться в Роане.

Вот только куда ей отправиться? У Делоре мелькнула мысль арендовать квартиру в Торикине. Однако, с учетом сложной финансовой ситуации, это было неразумно. Как скоро ей удастся найти работу? Оставался единственный вариант: попросить мать приютить их на время. Делоре набрала номер...

Трубку подняла соседка.

– Что случилось? – спросила Делоре.

– Плохие новости...

Неделю назад, прямо на улице, у ее матери произошел обширный инсульт. Она была немедленно госпитализирована. Врачи боролись за ее жизнь, но безуспешно – мать Делоре умерла, не приходя в сознание. Похороны завтра. Если Делоре поторопится, то еще может успеть.

Делоре выслушала новости спокойно – с холодным сердцем и головой, сосредоточенной на мыслях о другом человеке. Только упрекнула:

– Вы могли бы известить меня раньше.

– Я не знала, как с тобой связаться, – пробормотала соседка.

– Мой номер на первой странице записной книжки матери. Той, что лежит на столике возле телефона. Того самого, по которому вы сейчас говорите со мной, – заявила Делоре и

положила трубку, не прощаясь. Затем заставила себя встать с дивана. – Милли, мы уезжаем из страны! – крикнула она, но вспомнила, что дочь все еще у бабушки с дедушкой.

Делоре вздохнула, высвобождаясь из воспоминаний и возвращаясь на побережье. Как же она скучает по Льеду – с его скандалами, суетой, сигаретами и таблетками... Ноэл как-то признался, что в юности успел посидеть на таблетках. Чтобы порвать с ними, ему пришлось некоторое время перекантоваться на антидепрессантах. Делоре пробовала только однажды, в двадцать лет, на какой-то вечеринке друзей Ноэла. Ей обещали «мультики». Она смотрела-смотрела, но кроме серых и темно-зеленых разводов, окрасивших темноту, больше ничего не увидела...

Льед. Холодный, безразличный, закатанный в асфальт. Много магазинов, машин, людей, но всегда чувство одиночества. Оно занимает место рядом с каждым, не позволяя приблизиться. Не как в проклятой Ровенне, где всё стремится дотронуться до тебя (сквозь кожу; запустить пальцы в твою душу). Здесь даже закат не может быть просто красным, он всегда точно кровь, льющаяся из самого сердца. Льед был разумен и прагматичен, но Делоре осталась ребенком Ровенны и не послушалась его. В Льеде держи себя для себя, а в Ровенне привыкаешь отдаваться без остатка, растворять себя в каждом дне. Льед учил ее со строгостью отчима: лучше

быть одинокой, потому что так не окажешься брошенной, и нет у тебя никого, тебе только кажется; рациональность лучше необоснованной веры; будь холодной, нет, *ледяной*, чтобы ничто не смогло тебя обжечь.

Все было бы в порядке, если б в Роане она смогла вести себя как роанка, забыв о своей крови. Вот Ноэл был типичным роанцем, даже со всей его добротой, все равно. Иначе он не смог бы так безжалостно бросить ее...

Она попыталась найти излечение в источнике своей болезни – невероятная глупость. Она совершила ошибку, вернувшись в Ровенну – Страну Богов, как называют ее люди. Делоре надеялась дать душе отдых, а в итоге обнаружила, что в этой стране (и особенно в этом городе) раны не лечатся, наоборот, их разъедает вглубь. Здесь ты становишься нитью вышитого полотна, рисунок на котором придуман не тобой. Делаешь что-то... против воли... так было задумано еще до того, как ты произнес свое первое слово, и тебя уносит поток воли тысяч и тысяч людей. Будь всё оно проклято, всё.

Так как ей поступить? Милли спросила, почему они остаются... да, почему? Этот город не только недружелюбен, но очевидно враждебен. И есть вероятность – признайся, Делоре, ты думала об этом, – что горожане перейдут от вербальной агрессии к физической. Уже перешли, вспоминая историю с обстрелом камнями (шишка на затылке до сих пор побаливает). Что же ты не бежишь прочь?

Она должна вернуться в Роану. Там ей грозит опасность

от самой себя, здесь – опасность и от себя, и от других. Но она не возвращается. Может быть потому, что...

В ее мире стало тихо. Полная тишина, как будто она оглохла. Даже волны бились о берег беззвучно. Делоре поднялась и пошла к ним. Ветер отбросил назад ее мокрые волосы. Она встала так, что набегающие волны почти касались ее ступней, и посмотрела на море... В нем было столько воды, а в ее сухих глазах – ни капли. Нет, море не черное – оно фиолетовое. Боль пульсировала, набирая силу. Ну давай же, скажи это...

(Может быть...)

(Продолжай.)

(Может быть, я приехала не потому, что пытаюсь спасти себя. Напротив – я готовлюсь умереть.)

Она мотнула головой и отступила, когда морская пена брызнула на ее пальто. А как же Милли?

(В мире множество женщин. Я скверная мать, мне легко отыщется лучшая замена.)

(Это неправда...)

(Это правда. Это факт.)

Продолжая спорить с собой, Делоре развернулась и направилась к лестнице, осторожно ступая по мокрой гальке.

(Ответ на этот вопрос, один раз, но честно: ты хочешь убить себя?)

(Да.)

(Нет. Нет!)

Делоре взбежала по лестнице и на ее вершине, переведя дыхание, ответила вслух:

– Я ничего не хочу. Мне все равно.

И после этого «все равно» – не ответ, но фраза, обесценивающая вопрос – ее разум стал как чистый лист, пустой и белый. Как хорошо, что существуют эти два слова, способные обратить в ничто вихрь болезненных чувств, просто отвергнув сам факт их наличия.

Поздно ночью, лежа в кровати ослабевшая и отупевшая от лекарств, но все еще чувствующая мерцание боли повсюду в себе, даже под веками, все еще не способная уснуть, Делоре повторяла одно и то же: «Все равно, все равно». И ее душа застывала в ледяном бесчувствии. Очень хотелось курить – лишний повод тосковать по Роане. В проклятых ровенских магазинах не разыщешь пачку сигарет – топай, милая, в табачную лавку, которая одна на весь город. Здесь популярны другие объекты зависимости...

Когда они с Ноэлом ссорились (пожалуй, чаще это были не ссоры... и даже не размолвки... просто какие-то эпизоды или фразы, после которых к Делоре приходило понимание, что Ноэл любит ее уже не так сильно, как прежде), она ложилась на кровать и курила одну сигарету за другой, затягиваясь как возможно глубже, медленно выдыхая, наблюдая, как потоки дыма, рассеиваясь, дрейфуют в воздухе. Мне все равно, в этом безразличии меня ничто не ранит. И терпко-горький запах сигарет впитывался в ее волосы, одежду,

кожу. Душу.

Мне все равно... и все же, что-то не так со мной.

ПН. 2 дня до...

Доброе утро, Делоре! Чудесное утро, которое встречает тебя болью, серым светом еще не расцветшего, но уже вялого дня и жуткими предположениями о том, что доведет тебя до отчаянья сегодня. Ей не хотелось раскрывать глаза. Только одно заставило веки подняться – сны, еще мелькающие под ними. Гадкие сны. И чужие. Того человека, должно быть. Карнелиуша Нилуса...

Медленно спустив ноги на пол, Делоре потянулась к упаковке таблеток на прикроватном столике. Взяла сразу пять штук (разжевать их, не запивая водой; это как во время секса позволить кончить в себя – отчетливее осознание произошедшего). Наверное, поглощать такое количество обезболивающих вредно для здоровья. Да плевать, даже если бы она точно знала, что каждая таблетка сокращает жизнь на месяц. Впрочем, тогда она была бы давно мертва...

Снова понедельник... Нужно разбудить Милли, накормить ее завтраком, если только удастся найти в этом доме хоть какую-то еду... Состояние заторможенное – двигаешься так, будто приходится преодолевать сопротивление вдруг уплотнившегося воздуха. И дышать трудно...

В холодильнике все-таки отыскалась уполовиненная упаковка яиц.

Прислонившись бедром к краю стола, Делоре наблюдала

за Милли, без всякого энтузиазма ковыряющей вилкой яичницу. Сама Делоре завтракать не стала – в животе так тесно от заполняющей его боли, что еда туда уже не поместится. «Пусть все идет как идет, – тупо думала она. – Все равно».

– Когда мы уедем?

– Завтра, может быть. Или послезавтра.

Радостное восклицание.

– Честно?

– Нет, конечно, – не нужно столько раздражения, Делоре, спрячь. – Мы так скоро не соберемся.

– Но хотя бы куда? – в голосе досада, которую Милли еще не умеет скрывать. – В Льед? В Торикин?

– А куда тебе хочется?

– Домой.

– Хорошо. Тогда в Льед.

– А маме тоже хочется домой?

– Какая разница. Очень скоро маме станет совершенно все равно, где она и что с ней, – ответила Делоре, и Милли внезапно начала рыдать, исправляя слезами недосоленную яичницу.

Чтобы ее успокоить, потребовалось много времени. «Перестань, Милли, пожалуйста, хватит», – повторяла Делоре лишенным и намека на эмоциональность голосом и на большее была не способна. Боль довлела над ее сознанием.

С облегчением сбавив Милли в садик, Делоре шла к библиотеке очень медленно – видимо, злоупотребление таблет-

ками все-таки сказалось. На работу она опоздала почти на сорок минут. Селла встретила ее удивленным хохотком.

– Ну ты и умертвие. Неудачные выходные?

Делоре не нашлась, что ответить.

– А это что? – Селла указала на ее забинтованную руку.

– Слегка порезалась.

– У мужа был день рождения, а у меня как следствие – готовка, готовка, готовка, – сообщила Селла. – Приковали к плите.

– Я тоже готовила, – задумчиво сообщила Делоре. – Пыталась испечь пирог.

– Почему «пыталась»?

– Не допекла. Испугалась соли.

– А чего бояться? Одна маленькая щепотка, больше не надо.

– Одна щепотка точно была бы лучше, чем целая банка. Глаза Селлы стали круглые, как у совы.

– Я выбросила тесто, – поспешно объяснила Делоре.

Селла фыркнула.

– Делоре, с тобой все в порядке?

– В порядке, да, – Делоре ухватилась за стол, потом неуверенно села. Головокружение. Больше никогда пять сразу, тем более что толку от них нет. Не нужно показывать Селле, в каком она состоянии. Это не дело Селлы, вот уж точно. Ближайший стеллаж вдруг сместился влево, затем вернулся на место. Делоре зажмурилась.

И потом потянулись часы; и люди – в основном школьники; и книги; и бланки; и чашки чая; и между ними снова школьники. Ничего не случилось. Ребенок, книга, очередная чашка чая и печенье в хрустящей обертке, еще сколько-то рутинно проведенного времени. И вот тогда случилось.

– Мама! – сын Селлы заглянул всего на секунду, но Делоре узнала его. Не по лицу, ведь она видела его впервые. По той частице его души, которую отобрала в тот вечер. Ей словно прошептали на ухо: «Вот он, один из тех» – да так уверенно, что у нее и тени сомнения не возникло.

Селла искала какую-то книгу и пока не шла к нему. Делоре невозмутимо расстегнула свою сумку, достала конфеты (время награждения!), встала, прошла мимо очередного школьника, вытянувшегося возле стола столбиком, как суслик, и вышла из зала в прихожую.

Он уставился на нее чересчур нагло, учитывая его предыдущие делишки (впрочем, зачинщик и должен быть наглым). Обычный вихрастый мальчишка. Круглые блекло-голубые глаза, как у Селлы. Широкий курносый нос, который Делоре не понравился: так и тянет по нему щелкнуть. Или – еще лучше – ударить.

– Ну привет, – ледяным тоном произнесла она. – Уже нет смысла устраивать официальное знакомство, правда? – и, широко улыбнувшись, звонко шлепнула его по плечу, игнорируя боль в изрезанной ладони.

Он попятился, выкатывая глаза, изображая удивление или

вроде того.

– Я вас не знаю.

– Знаешь. Знаешь достаточно для того, чтобы придумать подходящую для меня гадость.

Он посмотрел на дверь на улицу, потом в другую сторону, на дверь в зал, из-за которой доносился разговор Селлы со школьником.

– Что ты, дорогой, не надейся расстаться так быстро, – Делоре схватила его за предплечье. – Мне хотелось бы поговорить с тобой. Но сначала – подарок. Он долго тебя ждал.

Удерживая мальчишку одной рукой, другой она начала запихивать пакет с конфетами ему в рот. Мальчишка рвался, мгновенно впад в истерику, но злость придала Делоре сил, чтобы удержать его. Он сначала заревел, потом закричал, и потом его крик сменился хрипом. Маленькая тварь, ты сожрешь эти конфеты вместе с обертками, и тебя до вечера будет рвать ими. Его лицо стремительно багровело.

– Что ты делаешь! – завизжала Селла прямо в ухо Делоре.

Делоре остановилась – скорее растерянная, чем испуганная внезапным появлением Селлы. Конфеты рассыпались по полу, сверху спланировал порванный обслюнявленный пакет. Селла толкнула ее так, что Делоре ударилась спиной о стену. Однако улыбку Делоре это не погасило.

– Значит, вот как, Селла.

Из глаз Селлы вылетали белые молнии. Хрипы стали громче. Делоре перевела взгляд с разъяренной Селлы на ее

сына. Руки обхватили шею, рот широко раскрыт. Теперь его глаза лезли из орбит более чем убедительно. «Получи», – подумала Делоре. Ее трясло от ярости.

– Сопляк, мразь малолетняя.

Делоре развернулась на каблуках (Селла так судорожно вцепилась в сына, будто он уже уносился от нее в мир иной) и ушла в зал. Школьник, подслушавший скандал, метнулся к выходу, даже книги забыл.

Сев на край стола, Делоре скрестила руки и слушала, как хрипы и плач постепенно затихают. Ей было так плохо, что уже хорошо. Виноватой она себя не чувствовала.

После десяти минут тишины, нарушаемой лишь короткими всхлипами, вошла Селла. Делоре спокойно наблюдала ее медленное приближение своими фиолетовыми, как ягоды, глазами. Впервые Делоре видела на щеках Селлы слезы. Это зрелище ей понравилось. Косметика размазалась, губы кривятся, во взгляде гнев. Наконец-то это лицо выражает искренние эмоции.

Селла, видимо, не могла придумать, как начать. Молчание между ними было прямо-таки леденящим. Делоре усмехнулась. Ее было очень больно, точно ее набили битым стеклом, и вместе с этим... спокойно. Совершенная невозмутимость. Все понятно, все ясно, все равно.

– Не стесняйся, Селла, скажи что думаешь. Мы давно знакомы. Хотя, как выяснилось, не слишком-то хорошо друг друга знали. От людей так и жди сюрпризов, все время, от

всех.

– Тварь, – процедила Селла сквозь зубы.

– Ну, на фоне вас двоих я особо не выделяюсь.

– Как ты могла позволить себе такое! Он ребенок!

– Дурных детей наказывают. Иначе они становятся хуже и хуже.

– Ты... напала на него! – Селла судорожно зарыдала.

– Да я придушила бы его с радостью, – огрызнулась Делоре.

– Гадина!

– Куда мне до него.

– Сравнила бы ваши силы!

– О да, он такое беззащитное дитя. Поэтому, чтобы забросать кого-то камнями, ему приходится собирать компанию – а ну как жертва из своей омерзительной гнусности вздумает защищаться. Он от тебя узнал, что я задержусь на работе в тот день? Ты знала, Селла. *Знала*, – в холодном голосе Делоре прозвучало удивление. – А я еще рассказывала тебе о случае с куклой. И ты меня успокаивала, хотя тебе было прекрасно известно, что эту шуточку устроил твой собственный сын!

– В тот день я еще не знала.

Делоре взгляделась в лицо Селлы. Выражение кристальной честности. Очередной обман.

– Знала.

Селла поджала губы.

– Допустим, я знала. И что? Мальчик решил немножко разлечься. Если он никому не навредит всерьез, так почему бы и нет?

Терпение Делоре лопнуло.

– Да какой тут вред! – воскликнула она, вскидывая руки. – Издевайтесь над Делоре, пугайте ее, бейте окна ее дома...

– Я... он сказал мне, что разбил окно случайно... он целился в открытую форточку...

– ...нападайте на нее стаями на темных улицах. Если Делоре не очень-то дура, то она поймет, что вы не желаете ей ничего плохого! И потом, она такая веселая! Она будет смеяться вместе с вами!

– Не надо истерики, Делоре, – прервала ее Селла, натянуто улыбаясь.

– Какая истерика. Не происходит ничего такого, к чему я не была бы привычна. Только, кажется, всего это уже стало слишком много. Я не говорю, что надо мной нельзя издеваться. Можно. Но безропотно терпеть я не намерена. Нападайте, пожалуйста. Если себя не жалко – потому что кусаться я умею. И буду.

Селла хмыкнула.

– Надоело прикидываться хорошей, Делоре?

– Из нас двоих прикидывалась ты.

– Как ты можешь говорить мне такое? А я еще помогла тебе устроиться на эту работу, общалась с тобой, тогда как все остальные гнали тебя, словно паршивую собаку!

– Я думаю, что ты притворяешься, что ты моя подруга, – вдруг произнесла Делоре спокойным тоненьким голоском. После случившегося эта фраза звучала просто смешно. Может быть, это была такая странная шутка. – Нет, я почти уверена, что ты лжешь мне, Селла.

Она посмотрела на часы – три с хвостиком. Почти два часа до окончания рабочего дня. Но если очень хочется, то можно завершить его досрочно. «Все в порядке», – сказала она себе и потянулась за сумкой.

– Я вдруг вспомнила, что сегодня должна быть дома пораньше. Счастливо оставаться.

– Убей себя, Делоре! – выпалила Селла ей в спину.

Делоре поморщилась.

– Это уже было. Попробовала бы расстроить меня как-нибудь пооригинальнее, – и спокойно прикрыла за собой дверь.

В прихожей Делоре переобулась, упаковалась в свое темно-зеленое пальто, как в броню. За секунду до того, как она вышла на улицу, Селла закричала из зала:

– Как ни пытайся, до слез мне тебя не расстроить... Палач не плачет, и ты тоже, Делоре! Все знают, что ты убила своего мужа!

– Заткнись! – огрызнулась Делоре.

– Он не любил тебя, и за это ты его убила. Никто не любил тебя, потому что ты...

– Заткнись, – повторила Делоре. – Заткнись!

Делоре захлопнула дверь, отделяя от себя визгливый го-

лос Селлы, и побежала по улице. Никакого волнения, только все та же боль и желание бежать. Ее не задели слова Селлы, нет-нет. Ей все равно – главное, регулярно напоминать себе об этом.

Бежать, бежать... В голове пусто. И все вокруг такое странное – не изменившееся, но ужасно не прежнее (какая чушь, она сама-то понимает, что хочет сказать? А то, что кричала Селла, – неправда). Зеленовато-серые улицы, словно водой затопленные; люди – без лиц, но взглядами так и вонзаются. Делоре замедлилась. Ей не четырнадцать лет, она не бегает по улицам сломя голову. Делай что хочешь – но только когда тебя никто не видит.

Ноги сами привели ее к морю.

Сегодня оно оказалось еще более беспокойным, чем накануне. Такое же черное, как ее тревоги. Боль приутихла на минуту, перестала вгрызаться в ее внутренности. Делоре спустилась к воде, вдохнула ее терпкий запах, и в голове немного прояснилось...

Может быть, она уже пришла сюда с этой идеей, не сформулированной в словах. Делоре даже не заметила, как растегнула пальто и бросила его на камни – подальше, чтобы не достал прибор. Чуть-чуть прохладно, но и только-то. Секунду помедлив, она стянула свитер. «А ведь все это уже было, – подумала она. – С женщиной, похожей на меня. Она жила в доме на берегу моря».

Это было как озарение, и перед Делоре предстал размы-

тый силуэт: женщина, стоящая у кромки приюта, волны набегают на ее ступни. «Я хочу увидеть ее лицо», – подумала Делоре с неясной тоской. Когда женщина шагнула в море, Делоре последовала за ней. Вода была такая ледяная, что дух захватило, и Делоре зажмурилась на секунду. Когда она открыла глаза, женщина исчезла из виду. Но Делоре ощущала ее присутствие, угадывала ее движения. Вода объединила их: Делоре и призрачная женщина стали частью одного огромного целого. Они были одинаково одиноки, грустны и потеряны. Одержимы чужими личностями. Втянуты в историю, оказавшиеся для них слишком сложными.

– Подойди же ко мне, – прошептала Делоре, продвигаясь вглубь.

У нее вдруг возникло мучительно-сильное, сладко-горькое, почти эротическое чувство к своей воображаемой компаньонке. «Может, я тайная лесбиянка? – подумала Делоре, хихикнула и зажала рот (внутри горечь от морской воды). На самом деле ей было очень весело; с самого утра. – Нет, женщины меня не привлекают. Особенно Селла».

И женщины вдруг показались ей очень мерзкими. Еще более мерзкими, чем мужчины, а мужчин она никогда не ненавидела так, как сейчас. Они все слабаки, ничтожества; ни одному из них не хватит сил и смелости остаться с ней. Они не хотят погружаться в холодную темную воду.

А Делоре хочет. Хотя кто ее спрашивает.

Волны захлестывали ее, едва не сбивая с ног. Делоре про-

шла еще несколько шагов, оттолкнулась от дна и поплыла. Она больше не чувствовала вторую женщину. Она осталась одна среди вздымающихся и опускающихся волн. В воде тело стало легким-легким, как и душа, ощущался лишь вес тоски, которая однажды-таки утянет ее на дно. Делоре так долго не плавала, но сейчас вспомнила нужные движения.

С берега ее намокшие, ставшие совсем черными волосы были едва заметны, сливаясь с темной водой; иногда Делоре совсем исчезала среди вздымающихся волн. Холод обернулся теплом, теперь совсем не хотелось назад. Недостижимое дно под водяной толщей, и берег далеко позади, и ей казалось, что она за пределами этого мира, в пространстве, где лишь море и небо, и она, Делоре, на плоскости их соприкосновения. Навстречу ей неслась волна, и спустя секунду Делоре накрыло с головой.

(Не надо стремиться к поверхности, не надо назад, к берегу. Какой смысл, если давно уже одно море. Смирись и ложись на чью-то милость, а если ее не достанется, то просто успокойся и умри.)

Никто не будет скучать по ней. Всю жизнь она сама по себе, никого у нее нет. Даже Милли, папина дочка, не принадлежит ей. Некоторое время они с Ноэлом пытались завести второго ребенка, а по отсутствию результата прошли медицинское обследование. Как выяснилось, организм Делоре просто не функционирует правильно. Доктора так и не смогли ей помочь или хотя бы объяснить, что с ней. «В конце

концов, – мягко напомнил один лекарь-аптекарь, – ребенка можно и усыновить». Впрочем, горький опыт с Милли доказал, что она не создана для того, чтобы быть матерью. Она родилась, чтобы страдать и умереть.

Скоро она заплывет так далеко, что у нее не хватит сил вернуться.

(Но тот день еще не настал...)

Она согласна все сделать сегодня.

(Ты дала себе обещание. Ты запланировала все не так.)

Делоре макнула голову в воду. Успокаивающий мрак. Если бы парой дней позже...

«Идиотка, – сказала она себе. – Даже думать не смей! Не стоит радовать злопыхателей. И как же Милли? Разве не чудо, что Милли вообще зародилась в твоём бесплодном теле? Может, ее рождение было знаком, что все не так уж и плохо? Что у тебя есть шанс на нормальную жизнь? Как же холодно... Эй, Делоре, что на тебя нашло? Ну-ка, поворачивай назад».

Делоре очень сердилась на себя.

К тому времени, как она приблизилась к берегу достаточно, чтобы увериться, что не утонет, она совершенно выдохлась. Но, как выяснилось, у берега-то ее и подстерегала настоящая опасность: на глубине волны ощущались спокойнее, а здесь били хаотично – то толкали к суше, то отбрасывали назад, в глубину. Ступни Делоре коснулись скользкого каменистого дна, но накатившая волна подхватила ее, как щепку,

и она снова потеряла твердь под ногами.

Везде вода, со всех сторон... Делоре попыталась вынырнуть... глоток воздуха... и снова вода. Нелепость; море решило не отпускать ее. Вот так и помрешь в пяти метрах от берега. Волна резко схлынула, Делоре ударило о камни, и в раскрывшийся в крике рот хлынула вода... Делоре уже не понимала, в какую сторону ей плыть, где дно, а где небо. Она задыхалась.

Кто-то схватил ее и поволок к берегу. Воздух... Делоре жадно задышала... Вода ударила напоследок по ногам, а затем отпустила. Жесткая галька под ступнями... Пальцы, сжимающие ее предплечья, были твердые и холодные, как льдинки. Расслабились, разжались, отпустили. Делоре тяжело дышала, не глядя на своего спасителя. И так понятно, кого она увидит.

– Развлекаетесь? – недовольный, саркастичный тон.

Зубы Делоре выбивали громкую дробь.

– Вроде того, – выдохнула она с третьей попытки и побрела по берегу к своей одежде, которую разбросало ветром.

– Ветер дует в сторону моря. Знаете, в такую погоду волны могут унести вас на глубину, и вы просто не выплывете. Я уже не говорю о переохлаждении.

– Не... ваше... дело, – выговорила Делоре в перерывах между стуками. Она была близка к припадку бешенства.

– Да вот думаю, еще как мое.

Делоре пыталась одеться, но ее так трясло, что не полу-

чалось. Торикинец дотронулся до ее спины, и истерика выплеснулась из Делоре, как чернила из осьминога.

– Не прикасайся! – закричала она. – Извращенец!

Как будто сама она выглядела нормально, прыгая по октябрьскому берегу в нижнем белье.

– С чего вы взяли? – удивленно рассмеялся торикинец.

– Вы преследуете меня! Следите за мной! Что вам нужно от меня?! Убирайтесь прочь!

– Делоре, оденьтесь. Вы так воспаление легких заработаете.

Он шагнул к ней, и Делоре отбросило назад.

– Стойте где стоите! – вскрикнула она и с удивлением слышала в своем голосе визгливые панические ноты.

– Хорошо-хорошо, – торикинец поднял ладони и замер. Он был весь вымокший. Брюки облепили ноги. Вид такой жалкий, что, будь сама Делоре в лучшем состоянии, она бы рассмеялась.

Делоре запрыгала на одной ноге, пытаясь натянуть джинсы. Джинсы липли к мокрой коже и надеваться не хотели.

– Чего вы уставились на меня? – огрызнулась она. – Отвернитесь.

– Откуда у вас эти синяки? На спине, плече.

Зря он указал на них. Из зрачков Делоре засочилась болезненная, униженная злоба.

– А вам так интересно?

– Да.

– У меня есть еще интересности. Я вообще вся интересная, – ухмыльнулась Делоре, поднимая руку и с эксбиционистским удовольствием демонстрируя полосы шрамов, белеющие на коже.

Лицо торикинца окаменело, и Делоре стало немного странно оттого, что он испугался. Разве ее повреждения, такие привычные для нее, действительно пугают?

– Что, неприятно? Как так? Разве это не красиво?

– Нет.

– Разве не забавно?

– Нет! – возразил он сердито. – Хватит. Оденьтесь. Вы можете простудиться.

Сказал как отрезал, даже Делоре не может не подчиниться. Он не отвернулся, но снял очки и, отыскав у воротника свитера сухой клочок, начал протирать стекла.

Делоре застегнула пуговицу на джинсах, натянула свитер, и стало не так обжигающе холодно. Она подобрала свое пальто, рядом с которым валялась поспешно сброшенная куртка торикинца. «Никакой благодарности я к нему не испытываю, – решила Делоре. – И правильно».

Под пальто тело немного согрелось, но душа продолжала свое превращение в лед. Делоре не смотрела на торикинца. Когда посмотрела, увидела, что он снял свитер и выжимает из него воду. Без одежды он выглядел пугающе массивным. Его выпуклый живот, мощные грудь и плечи покрывала сиене-красная татуировка. Сплетающиеся змеи...

Делоре точно под дых ударили. Ей стало страшно. Растяпа-неудачник? Если бы... Она попятилась. На секунду ее голову заполнили смутные, пугающие образы. Они не были частью ее памяти или тем, что она позволила бы себе представить.

– Кто ты? – пробормотала она. – Кто?

И, развернувшись, пошла прочь от него. Он – разумеется – за ней, след в след. Ей хотелось бежать сломя голову, но так унижаться она не станет. Горло сжалось. Ей не хватало воздуха, тепла, еще чего-то. Ее жизнь медленно сползала к краю бездны, и Делоре уже ощущала холод, поднимающийся из зияющей пустоты. Она была измучена, растерзана. Ничего не хотела знать.

– Делоре, – он схватил ее за руку.

– НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ! – выкрикнула она, оборачиваясь. Ее лицо было белым, точно неживым, но глаза так и вспыхивали от злости. Она чувствовала (или ей казалось, что чувствует), что страх и неуверенность бьются в нем, как птицы в клетке. У него было такое грустное лицо, что прежде ей, возможно, стало бы его жаль. Но сейчас она была готова кусать всех без разбора, и его тоже. Особенно его, потому что он подобрался к ней слишком близко.

Но теперь он отступал.

– Боишься меня? – издевательски рассмеялась Делоре, и боль резанула ее изнутри. – Вы все боитесь! Скоро вы начнете разбегаться, едва меня увидите, точно от бешеной собаки.

– Нет, – возразил он. – Я просто растерян. Хотя... я понимаю, что мне следует соблюдать с тобой осторожность.

– Я могу сделать так, чтобы ты заболел. Хочешь? Нет? Я сделаю, если ты не оставишь меня в покое.

Он улыбнулся осторожно и криво.

– Это ты меня боишься.

Делоре смотрела с немой угрозой.

– Дай мне сказать, – попросил торикинец. – Дай мне одну минуту.

– Только минуту, – едва пошевелила губами Делоре.

– Я знаю о твоей жизни больше, чем кто-либо еще. И она по-настоящему страшная.

Делоре ухмыльнулась.

– Ну что вы. Все, как у всех. Серая обыденность.

– Я приехал сюда, чтобы... разобраться с этим. О тебе сообщила мать. Случай с твоим мужем окончательно убедил ее, что ты смертельно опасна. Она не знала, к кому ей обратиться, поэтому позвонила в полицию. Там ее не восприняли всерьез. Лишь после ее гибели – непростительная халатность – сообщение было передано куда следует. Расследование поручили мне – чистая случайность. Хотя... может быть, судьба? Собирая сведения о тебе, я нашел среди документов твою фотографию... еще школьную. Такой грустный взгляд... Мне стало жаль тебя.

Делоре поморщилась. Последнее, чего она хотела для себя – так это его жалость. Тем не менее перебивать торикин-

ца, чтобы озвучить свои возражения, она не стала. Его слова замирали возле ее ушей, подрагивая, как колибри, не проникая внутрь.

– Но кроме жалости, возникло и другое чувство... непонятное. Ты по-настоящему зацепила меня. Я запросил твои медицинские карты. Мне пришлось провести около двух недель в ожидании. Ответ пришел... Аутоагрессия, боли непонятного происхождения. С тобой определенно творилось нечто жуткое. И я поехал к тебе. Некоторое время я наблюдал, не позволяя заметить себя. Потом решился приблизиться.

– Минута прошла. И даже больше, – отчеканила Делоре. Она развернулась в сторону лестницы, но торикинец схватил ее за руку.

Электрическое прикосновение. Превосходящая сила. Делоре яростно рванулась, и он отпустил.

– Я хочу помочь тебе! – воскликнул торикинец. – Почему ты так равнодушна?

– Потому что мне плевать, чего ты хочешь, – объяснила Делоре. – И мне не нужна помощь – ни твоя, ни чья-либо еще. Ничего ни от кого. Убирайся.

– О нет, я останусь. Даже при том, что никогда еще не ощущал себя более бесполезным. Мое беспокойство о тебе перестало быть частью работы... оно стало личным. Я... – он посмотрел на нее. Глаза широко раскрыты. Его простодушный добрый взгляд лишь сердил Делоре еще больше. – Я был

в твоей квартире в Льеде. Под шкафом в спальне я нашел твой дневник. «Когда мне плохо, я пишу об этом. Если бы я могла кому-то рассказать... но некому. Поэтому я пишу – чтобы успокоиться, чтобы отдать все это и после сделать вид, что оно не имеет ко мне ни малейшего отношения. Просто буквы».

Делоре молчала, не способная даже удивиться. Она надеялась, что ее неопределенное молчание мучает его больше, чем любые слова.

– Да, я его прочел. Я познакомился с тобой еще до того, как увидел. И ты оказалась именно такой, как я тебя представлял. Это нечто необъяснимое... – он рассмеялся, заполняя секунды растерянности. – Какая-то одержимость... Делоре, в тебе утонуть можно.

– Какой бред, – пробормотала Делоре. – Оставь меня в покое. Перестань ковыряться во мне.

– О да, Делоре, – усмехнулся торикинец. – Это то, что я мог бы сделать: перестать в тебе ковыряться. Абстрагироваться. Начать воспринимать тебя как общественно опасный объект, требующий устранения.

– Устранения? – Делоре подняла на него вопрошающий взгляд.

– Я мог бы просто свернуть тебе шею. Одно движение руки – и ты больше никому не угрожаешь, – хладнокровно пояснил торикинец. – Вместо этого я ищу, ищу способ спасти тебя... Я изучил всю историю этого города с момента его ос-

нования. У меня в голове мешанина из событий и людей. Хотя я, кажется, нащупал решение. Одна проблема – оно дает тебе минимальный шанс выжить. Если вообще дает. Все это сложно, Делоре. Суеверия порождены хаотичным сознанием множества людей. Поэтому они нередко противоречат друг другу. Ты можешь противопоставить действие одного из них действию другого, но ты не можешь предсказать наверняка, какое из них окажется сильнее и сработает.

Он говорил что-то еще – быстро, сбивчиво. Взгляд Делоре остекленел. Она слово проваливалась в сон, делающий ее бесчувственной и спокойной, в то время как весь ее прежний мир рушился. Тот мир был вещественным, постоянным, рациональным. В этом, формирующемся на руинах предыдущего, будто и нет ничего материального, за что можно ухватиться, чтобы задержаться среди мчащегося потока, сложенного из чужих слов, мыслей, сомнений, страхов и предрассудков, в которых постепенно растворяется ее собственная личность.

– Однако, даже если это выход в никуда, он, возможно, единственный. Ты в комнате с опускающимся потолком. То, что тебя раздавит – лишь вопрос времени. И потом... мы должны позаботиться о других людях.

– Хватит, не могу это больше слушать, – безразлично произнесла Делоре. Она облизала губы. Они были сухие и соленые. А с волос все еще капала вода. – К чему этот ничего не меняющий разговор? Только один вопрос... касательно

«выхода»... Должна ли я?..

Он смотрел на нее и моргал.

– Отвечайте, – устало потребовала Делоре, замечая, что снова перешла на «вы».

– Вероятно, вам все же придется. Но это нужно сделать правильно.

Она кивнула, подняла воротник пальто и начала подниматься по лестнице.

– Не провожайте меня.

Люди на улице удивленно косились на нее. Она могла представить себе, как выглядит сейчас, с мокрыми спутанными волосами, синевато-бледным лицом и расплывшейся косметикой. И она слышала их шепот. Слова тянутся, соединенные в длинные нити, оплетают ее, словно паутина. Этот город ждет ее смерти... даже торикинец сказал, что ей придется... значит, они правы? Что ж. Ну и ладно.

– *Вееееееееедьма*, – обвилось вокруг нее кем-то брошенное слово.

Делоре даже и не посмотрела в сторону злопыхательницы. Она задумалась о ведьмах. Они казались ей женщинами, заслуживающими сочувствия. Никто и не знает, как это – носить в себе такое зло. И как поступали ведьмы до нее и как будут поступать после, Делоре расправила спину и подняла повыше подбородок. Приняла надменный вид. Вы меня ненавидите? А я вас – презираю.

В доме было тихо и сумрачно. Делоре разделась прежде,

чем дошла до ванной, бросая одежду на пол. В прошлом она так не поступала, но в настоящем, когда ее жизнь стремительно ускользает от нее, странно беспокоиться о таких мелочах, как порядок.

В ванной она задвинула занавеску (белая, с синими рыбками) и включила душ. Такой горячий, какой только может выдержать. Согревающие потоки заскользили по ее промерзшему, покрытому мурашками телу. Она почти наверняка простудилась... Колени дрожали. Делоре села, подтянула ноги к груди и обвила их руками. Опустила усталую голову. Капли били ее по затылку и спине. Боль, как кошка, свернулась клубочком, спрятав когти на время. Минута покоя, после которой мир Делоре продолжит разрушаться – расплываться по осколкам, как большая растрескавшаяся льдина.

Она вовсе не страдает. Она только внушила себе, что это так, но на самом деле она совершенно бесчувственна – гвоздь вколоти, она и не заметит. Они ошибаются, если думают, что смогут расстроить ее по-настоящему. Делоре потерлась щекой о коленку. *Все равно.* Убедив себя в этом, можно пережить что угодно. В голове было мутно, жарко, и мысли медленно плыли, похожие на багровые облака – кажется, она и в самом деле заболела.

Они начали расследование. Зачем? Какое преступление она совершила? Устроила обвал в горах силой мысли? Торикинец не из полиции. Тогда откуда? Он уже долго следит за ней. А она не замечала...

Делоре припомнилось, как невозмутимо он рассуждал о том, чтобы свернуть ей шею, и даже сейчас, под ливнем горячей воды, вдоль ее позвоночника растекся холод. Неуклюжий добродушный простака с плохим зрением – все обман. Лишь способ ближе подобраться к жертве.

Возникшие в ее воображении образы были очень четкими, приходили как будто бы извне. Скользящая кровь – сначала на его пальцах, потом разводами вокруг стока кухонной раковины. Он был хладнокровен? О да, он был очень хладнокровен. Он знал этих людей? Или видел их впервые? Он убивал по личным причинам? Или следуя приказу? О чем он думал до, во время и после? Он испытывал чувство вины, отвращение? Вряд ли. Иначе он не смог бы сохранить этот чистый, внушающий доверие взгляд. Он предпочитал холодное оружие или собственные руки. Стрельба не позволяет по-настоящему прочувствовать, что дело сделано.

Теперь Делоре боялась его. Немного. Совсем чуть-чуть. Следы его прикосновений, не поддающиеся воде, все еще оставались на ней, распространяя жгучие волны желания по истерзанному, саднящему телу.

Поэтому он не осуждает ее? Потому что знает, как это, когда ты... Убийца понимает убийцу. Делоре шумно задышала. Она не убийца. Никто не докажет обратного.

(Прикончив его, ты была так довольна собой. Ведь ты смогла отомстить ему с той же безжалостностью, с какой он оставил тебя.)

Делоре накрыла голову руками. Мокрые плотные волосы. Она никого не убивала. И ей не больно. Правда.

Селла сказала, палачи не плачут. Да. У них все слезы кончились.

Когда Делоре вышла из ванной, ее лицо было уже не бело-синим, а красным. Она высушила волосы феном, проглотила таблетки (всего-то три штуки) и, даже губ не накрасив, отправилась за Милли.

Ближе к ночи у нее поднялась температура. Делоре достала уже початую бутылку вина из холодильника и ушла в свою спальню, прижимая бутылку к животу нежно, как маленького звереныша. Пользуясь тем, что никто не гонит ее, Милли до трех часов ночи смотрела в гостиной телевизор и с почти истерическим оживлением заглатывала печенье, которое некому было отобрать.

А Делоре досталась беспокойная ночь. Лучше не становилось, а только еще хуже. Она довела общий счет таблеток до дюжины, запивая их вином. Она куталась в одеяло или сбрасывала его на пол; открывала и закрывала окно; выключала свет, потому что он жег ее усталые глаза, а затем снова щелкала по кнопке, испугавшись темноты. Ей было жарко, а затем вдруг становилось холодно, и ее лицо то краснело и увлажнялось от пота, то белело, как мел. Она пила вино прямо из горлышка бутылки, в чем было какое-то болезненное удовольствие. Ей хотелось быть сейчас где-нибудь, в каком-нибудь ужасном месте, с каким-нибудь ужасным татуи-

рованным мужчиной и делать ужасные вещи, которые совершенно не похожи на нее. Впрочем, ей было вполне ужасно и здесь.

После полуночи она направилась в кухню в надежде отыскать еще одну бутылку и в процессе поисков устроила настоящий разгром. До нее доносился смех Милли. «Наверное, по телевизору показывают что-то смешное, – подумала Делоре. – Или она тупо смеется просто так». Она вернулась в комнату.

В какой-то момент ей показалось, что она пьяна как никогда в жизни, но уже в следующий она обнаружила, что трезва как самое чистое стеклышко в мире – омерзительно чистое и тошнотворно прозрачное. Ей вспомнилась песенка, что некогда так раздражала ее, доносясь из каждого утюга в Льеде: «Сдохни, неудачник, сдохниии!» Сейчас эта песня звучала бы просто прекрасно.

К четырем часам утра у нее кончилось вино. Делоре попыталась поставить бутылку на пол, но та упала, глухо стукнув по ковру. Но это был не единственный звук, который услышала Делоре. Ему вторил раскат грома.

Однажды Делоре попыталась попросить помощи у матери. Но мать лишь отмахнулась – мол, ты всегда была склонна к меланхолии. Меланхолия? В том возрасте Делоре даже не знала значения этого слова.

Это всегда начиналось одинаково – с постепенного затемнения. Как будто небо ее души затягивается тучами. Делоре еще могла улыбаться и вести себя так, будто ничего не происходит, но уже слышала первые раскаты грома. К тому времени, как начиналась гроза, она уже сильно ослабевала, извещала родителей, что хочет спать, и отправлялась в кровать. И отец провожал ее мрачным недоверчивым взглядом...

Делоре сворачивалась клубком под одеялом, и ее глаза оставались открытыми всю ночь. В ее голове было холодно, и мокро, и темным-темно. Нет даже серебристых вспышек молний. Нет радости. Нет надежды. Только мрак.

К утру ей становилось лучше. На какое-то время она могла расслабиться, но знала: следующая гроза приближается. «Что со мной не так?» – спрашивала себя Делоре. Она повторяла этот вопрос изо дня в день, из года в год... каждый раз, когда смотрела в фиолетовые, как смородина, глаза своего отражения... Но ее отражение не могло ей ответить.

«Что со мной? ЧТО? Все, что я знаю, – что-то не так».

В четырнадцать лет Делоре решила убить себя. Конечно, не прямо сейчас. Дать себе время. Убедиться, что все погублено окончательно.

«Тридцать, – думала она. Хорошее, круглое число. С приятными округлыми линиями. – Это будет даже не самоубийство. Скорее уж эфтаназия», – Делоре много читала и знала разные умные слова.

«Я убью себя в тридцать, – напоминала она себе в худшие

ночи. – Гроза закончится. Навсегда».

Делоре периодически обдумывала, как именно она сделает это – если ей придется, конечно. Но ни один из доступных способов не казался достаточно надежным. Она предпочла бы застрелиться, просунув дуло пистолета в рот (что может быть вернее, чем крупнокалиберная пуля, разрывающая мозг?). Однако пистолета у нее не было. Повешение казалось грязным и отвратительным. В древности вешали преступников, а она – не преступница. Да и завязывать скользкий узел она не умела и не имела понятия, кто мог бы ее научить.

Вскрыть вены было самым очевидным решением, и Делоре не сомневалась, что ей хватит на это духу – просто полосни чуть глубже, чем обычно. Правда, потом она вычитала в одной книжке, что покончить с собой таким образом та еще морока, потому что кровь свертывается и приходится резать снова и снова. Не хотелось бы растягивать процесс надолго.

В конце концов она решила, что лучше наполнить ванну до краев и, наглотавшись снотворного, утонуть во сне. Но не раньше тридцати. Нет, не раньше тридцати.

В семнадцать она встретила Ноэла. Ее захлестнула любовь. Несколько последующих лет она была почти счастлива. Ее состояние значительно улучшилось: «грозы» прекратились, физические боли возникали все реже. О своем плане она позабыла. Но это не значит, что она отказалась от него.

Делоре лежала на спине, запрокинув голову. В ее голове шел ливень. Ее тело пылало, как летний лес. И только прохлада и гладкость собственных волос, их запах, такой чистый и успокаивающий, смешанный с цветочным ароматом шампуня, утешали ее, ничего больше.

Делоре вспоминала свои подростковые размышления и поражалась их наивности. В те годы казалось, что тридцать – это почти старость. Если все не наладилось, так куда дольше ждать. Сдавайся.

Но все же в таких рассуждениях был резон. Если в жизни больше страдания, чем, собственно, жизни, так прекрати ее и не мучайся. Это просто... логично. Как закрыть нудную книгу. Как вылить в раковину молоко, чей вкус показался подозрительным. Почему же люди так отчаянно хватаются за жизнь? Узники тюрем, жертвы домашнего насилия, смертельно больные – они едва терпят свою мучительное существование, а умирать все равно не хотят.

Вот и Делоре, несмотря на все ее проблемы, было сложно назвать суицидальной. Даже в подростковые годы, когда она резала себя и ненавидела всех вокруг, у нее и мысли не закрадывалось, чтобы убить себя из-за несчастной любви; для того, чтобы одноклассники осознали, как жестоко они ее изводили; для того, чтобы испугать отца и огорчить мать; нет. Она всего лишь хотела избавиться себя от страданий. Мечтала о смерти как об избавлении, лежа на своей кровати в дет-

ской, той, на которой сейчас спит Милли. Мечтает и теперь, на кровати родителей, где когда-то ее зачали... и в этом что-то есть... очередное подтверждение тесной связи жизни и смерти.

Делоре перевернулась на бок и застонала от боли.

Вот ей почти тридцать, а жизнь не исправилась. Но у нее еще есть время. Как минимум один день.

ВТ. 1 день до...

В шесть утра Делоре, одетая в белую шелковистую пижаму, сидела на подоконнике возле открытого окна и дрожала всем телом. Холод заполнял ее тело. Она всхлипывала, но слез не было.

Полчаса спустя она уже стояла у зеркала и, сгорбившись, аккуратно обводила черной подводкой свои фиолетовые глаза. Они смотрели на нее с отчаянной болью. Должно быть, с таким же выражением смотрит вниз, на далекий асфальт, человек, стоящий на краю крыши. Но Делоре знала, что никто не обратит внимания на ее кричащий взгляд. Разве что торикинец? Их вчерашний разговор оставил вихрь противоречивых эмоций и голодное, тоскливое ощущение в животе. Он сказал, что понимает ее ситуацию, что сочувствует ей, что хочет помочь... Ноэл тоже так говорил. И что с того? Весь ее предыдущий опыт учил ее, что доверять людям не стоит.

– Никому нет дела до тебя и того, что с тобой происходит, – сказала Делоре своему отражению. Слова прозвучали спокойно и холодно, и она заставила свои глаза смотреть так, чтобы между взглядом и голосом исчезло противоречие. – Сдохни, неудачник, сдохни, – пропела она, недовольно поморщилась из-за фальшивой ноты и застегнула под самым горлом последнюю пуговицу черной джинсовой рубашки.

Делоре решила не отводить Милли в садик, даже будить

ее не стала, и прежде, чем выйти из дома, перерезала ножницами тонкий провод, тянувшийся к кнопке дверного звонка. Шагнув в промозглую осень снаружи, она ощутила непривычное одиночество – странно покидать поутру дом, не сжимая детскую ладошку.

Библиотека оказалась заперта – что довольно странно, ведь Селла имела обыкновение приходить рано. Делоре наклонилась и посмотрела под коврик, где Селла однажды оставляла ей ключ, отправившись к стоматологу. Действительно, вот он.

Войдя в пустое здание, Делоре только и подумала: «Вот и хорошо». О причинах отсутствия Селлы она размышлять не стала. Чувствуя себя наглым вором, забравшимся в чужой дом, Делоре нагрела чайник и налила чаю. Нервы ее были напряжены... чуть-чуть. Ну придет Селла, и что с того? Они взрослые люди, уж как-нибудь воздержатся от драки.

Отпивая чай, Делоре села за стол (последний раз на этом месте; каким значительным все кажется, когда оно в последний раз) и написала заявление об увольнении, указав причиной скорый отъезд из города. Затем собрала свои немногочисленные вещи (ложка, чашка, сменная обувь, записная книжка, ни одной страницы которой она так и не заполнила). Она была очень рассеянна в это утро. Кроме того, ей было грустно. Как всегда, когда что-то закончилось, а ничего нового нет в перспективе.

Резкая трель телефонного звонка заставила ее вздрогнуть.

На третий сигнал она решилась взять трубку.

– Я заболела, – прозвучал хриплый голос Селлы. – Сегодня меня не будет. Я очень надеюсь, что завтра не будет уже тебя.

– Обещаю – не будет. Прощай, – сказала Делоре, но Селла уже бросила трубку. Гудки.

Ладно. Что сейчас имеет значение? Ничего.

Делоре заперла библиотеку и спрятала ключ под коврик.

Она шла домой осторожно, медленно. Боль часто пульсировала. На приготовление завтрака не было ни сил, ни желания, так что Делоре заглянула в магазин, купила печенье, молоко и яблоки.

Покормив Милли, сама Делоре ограничилась чашкой какао – как есть, когда внутри все точно кислотой выжжено? Грея о чашку ледяные пальцы, она устроилась в кресле. Поджала ноги, попыталась принять если и не удобное, то хотя бы наименее мучительное положение. Теперь, вместо джинсовой рубашки, на ней был серо-зеленый полосатый свитер. Делоре носила этот свитер еще в школьные годы и очень удивилась, обнаружив его в шкафу в спальне матери. До сих пор не выбросили... Ее мать была настоящей барахольщицей, а в доме Делоре старые вещи не задерживались. Однако сегодня древний свитер оказался как раз кстати – в доме гулял сквозняк; холодно и неприятно. Так и не принесла обогреватели с чердака, лентяйка...

Свитер снаружи, горячее какао внутри – вскоре она со-

всем согрелась и немного успокоилась. «А ведь Селла права», – вытянув нитку из обтрепанного рукава, подумала Делоре и сделала очередной глоток. Ей просто следует уехать. В половине ее бед повинны паршивые жители этого паршивого городишки. Стоит распрощаться с ними – и уже станет легче, появятся ресурсы решать прочие проблемы. Немного беспокоит, что до этого она точно так же сбежала из Льеда... Но за прошедшее время что-то могло измениться. Найди в себе оптимизм, Делоре. Собирай по каплям – и к вечеру успешно наберешь на целую чайную ложку.

«А боль?» – уныло напомнила она себе.

Пройдет. Всегда проходила.

(И всегда возвращалась.)

Снова телефон. Ах, сегодня она очень востребована. Обратитесь к моей секретарше, все разговоры со мной по предварительной договоренности. Сжимая в руках уже пустую чашку, Делоре слушала длинные трели. Потом все же подняла трубку.

– Делоре... – глухо донеслось из динамика.

Да, я знаю. Уже двадцать девять лет Делоре. Она нажала на кнопку сброса. Прижала трубку к уху. Короткие гудки. Положила трубку возле телефона и вышла из комнаты.

– Сегодня мы уезжаем, – объявила Делоре, заглянув в спальню дочери.

Милли оглянулась на нее. Непричесанные волосы торчат, в глазах блестит надежда.

Едва Делоре помыла чашки и тарелку, протерла со стола крошки, как в дверь постучались. «Можешь разбить себе ко-
стяшки в кровь», – мысленно огрызнулась Делоре, вытирая
руки полотенцем.

Какой же все-таки настырный! Между ее бровями возник-
ла морщинка неодобрения. Стук. Она бросила полотенце на
стол. Милли не обращала на происходящее никакого внима-
ния, сидя за столом и болтая ногами. Дурак. Я же сказала –
мне никто не нужен. С чего ты взял, что станешь исключе-
нием? Пауза, и после еще три удара в дверь. Ах вот как...
что ж, ты заслужил.

Делоре подошла к двери, но открывать не стала. Только
скрестила на груди руки и громко произнесла:

– Убирайтесь, – хотя ее сердце бешено билось, она ощу-
щала себя очень спокойной. Ну прямо ледяная скульптура.

Он тяжело вздохнул.

– Делоре, нам нужно поговорить. Вчера мы расстались
как-то...

От его «нам» и «мы» ее губы злобно сжались.

– Как вы сегодня? – спросил торикинец, едва не прижи-
маясь к двери губами.

Как? Она раскачивается на краю крыши. Когда склоняет-
ся вперед, то уверена, что вот-вот рухнет с края. Когда от-
клоняется назад – надеется, что у нее еще есть шанс удер-
жаться.

Вместо ответа Делоре насмешливо выгнула бровь.

– Я пытаюсь помочь вам, – гнул он свою линию.

– Помочь? – рассеянно отозвалась Делоре и прислонилась к двери спиной. – Помочь – это значит: сделать так, чтобы я избежала какого-то вреда или неудобства?

– Вероятно, – осторожно согласился он после паузы.

«Ага, растерялся», – бесстрастно отметила Делоре.

– Слушайте, – сказала она, – если вы сейчас же не уберетесь, я пойду в кухню и буду резать себе руку, пачкая кровью пол, который мне же потом придется мыть. И так мне будет и вред, и неудобство. Но если вы отступите, мне не придется этого делать. Будем считать, что этим вы мне и поможете. Следовательно, задача выполнена.

– Не смешно.

– Разумеется. Я же о-о-очень серьезна, – заявила Делоре и рассмеялась. Ей было плевать, что нашло на нее. Ей хотелось грубить ему. Насмехаться над ним. Распахнуть дверь так резко, чтобы сломать ему нос. Он заслужил, он один из них, из этих, *остальных*, нормальных, и у нее полное право ненавидеть его, разве нет?

– Я не знаю, за кого вы меня принимаете... – начал он.

– Не беспокойтесь, – перебила его Делоре. – Я вряд ли в состоянии думать о вас хуже, чем вы есть, – двусмысленность собственной фразы ощущалась на языке сладостью. Подумав немного, она спросила: – Скажите, вы всегда были склонны к набору веса? Как вы выглядели в школьные годы? Одноклассники называли вас толстым? – по правде, он был недо-

статочно толстым для таких вопросов, но какая разница – любой повод сгодится, лишь бы уколоть. Делоре доставляло особое удовольствие унижать его, понимая, что на самом деле он ей нравится. – Они били ваши очки? Ну же, расскажите мне, и тогда я – вам. Обсудим наши проблемы, наши психологические травмы, всякую такую ерунду.

Он топтался у двери. Делоре рассматривала свои ногти, до сих пор кое-где покрытые остатками светло-бежевого лака, и усмехалась.

– Делоре, вы уверены, что с вами все в порядке? – наконец спросил он примирительным тоном.

«Ну, давай, – подумала Делоре. – Поговори со мной, как добрый доктор. Ты же знаешь, я всегда мечтала об этом. Скажи, что понимаешь, что со мной происходит, и знаешь, кто я, но мое убожество тебе не отвратно – ведь ты любишь меня и хочешь спасти. Позволим себе немного идиотизма, прежде чем все разлетится вдребезги».

– Все отлично, – траурно-язвительно объявила Делоре.

Пауза.

– Хорошо. Но я вернусь. Так и знайте. Я буду возвращаться хоть тысячу раз.

Делоре пожала плечами и только потом осознала, что он не может этого видеть.

– Смотрите, не сбейтесь со счета, считая свои возвращения, – саркастично пожелала она. – То есть я буду ждать вас, дрожа от нетерпения, – поправилась она приторно-ласковым

ГОЛОСКОМ.

– Я вернусь, – повторил он.

– Разумеется, – поддакнула Делоре и снова пожала плечами. «Ты забудешь о своем обещании прежде, чем шагнешь со ступенек и коснешься земли».

Она прислушалась. Тишина. Отперла дверь и выглянула. Он ушел. Делоре стояла на крыльце и отчего-то ужасно злилась, глядя на дорожку, тянущуюся сквозь ее пустой, мертвый сад. Он не вернется, но даже если вернется, ее уже не будет. В этом городе.

Развернувшись к дому, Делоре заметила на крыльце сложенный вчетверо лист бумаги. Хм, интересно...

Заперев за собой дверь, она села на пол в прихожей, прислонилась спиной к стене и развернула листок. Вероятно, его следовало разорвать в клочья, как она однажды поступила с письмом. Но странное сожаление не позволило ей так сделать. У торикинца оказался округлый аккуратный почерк. Как у школьника... Делоре фыркнула.

«Возможно, я совершаю ошибку, но бездействие ошибочно само по себе. Я пишу это заранее, потому что уверен – ты откажешься говорить со мной, и понимаю, почему. Но ты читаешь. У тебя уже не осталось сил на упрямство. И что важнее: пусть ты боишься причинить вред мне, но слова – неуязвимы. Ведь так, Делоре?»

Должно быть, ты часто задавалась вопросом, что с тобой происходит. Эта женщина знает ответ. Ее зовут Аль-

ма Вирита...»

Подробное объяснение, как добраться до этой Вириты. Долгий путь. Делоре только пробежалась по строчкам взглядом.

«Если решишься поехать, пожалуйста, оставь Милли со мной или позволь мне сопровождать вас. Иногда невозможно предсказать даже собственные действия. Не подвергай ее опасности. И себя тоже».

Делоре ухмыльнулась. Скажи уж прямо, дорогой: «Ты не в своем уме, Делоре, от тебя не знаешь, чего ожидать».

«Я проживаю в гостинице. Мой номер телефона 2-28-39. Позвони мне, можно и просто так. Чтобы я знал, что на данную минуту все в порядке.

Не делай ничего, пока не поймешь, что это самый верный из возможных поступков. А понять ты должна сама. Прочувствовать. Удачи тебе, Делоре...»

Пять минут она сидела на полу и задумчиво грызла ноготь – забытая детская привычка, которая вдруг ни с того ни с сего возродилась. Делоре брезгливо поморщилась и заставила себя отстать от ногтя, но почти сразу начала мусолить рукав свитера – то ли пытаюсь отвлечься от боли, потоки которой сплетались и извивались в ней, как змеи, то ли просто нервничая.

Любопытство сгубило кошку. Не отклоняйся от плана, Делоре. Ты покидаешь этот город, сегодня.

– Мы уедем, – пообещала себе Делоре. – Мы обязательно

уедем. Даже если чуть позже.

Где сейчас торикинец? Наверняка неподалеку, наблюдает за ними. Если они выйдут из дома, нагруженные вещами, это привлечет его внимание. Что ж, тогда ей ничего не остается, кроме как отправиться к этой странной особе с вычурным имечком. Разумеется, вместе с Милли – не оставлять же дочь на милость странного татуированного типа. Нет, ей вовсе не интересно, что ей намерены сообщить. Она просто пытается подыграть надзирателю, усыпить его бдительность. А ночью, когда торикинец с чувством глубокого морального удовлетворения отправится баиньки, они попытаются сбежать. Логично, правда? Только поэтому она намерена поехать к Вирите, только поэтому.

Делоре встала, свернув, сунула листок в задний карман джинсов и прошла в свою комнату. Сгребла с ночного столика коробочку обезболивающего и проглотила сразу три таблетки. Последние... странно. Делоре только недавно открыла новую упаковку. Надо бы расспросить Милли, вдруг это ее проделки. Делоре потянула вверх свитер, поняла, что ей страшно лень передеваться, и опустила свитер обратно.

– Милли, собирайся.

Милли подскочила к ней, лучась от счастья.

– Мы уезжаем?

– Да-да, – рассеянно кивнула Делоре. – Чуть позже. Только... заедем предварительно кое-куда.

Лицо Милли погасло. Она начала было задавать вопросы,

но Делоре их проигнорировала.

Связка с ключами от машины и гаража куда-то задевалась. Пытаясь ее найти, Делоре трижды обошла весь дом. «Это знак, – подумала Делоре. – Знак, что не нужно поддаваться на его провокации. Следует достать чемоданы и начать собирать вещи. Ключи найдутся тогда, когда мы будем полностью готовы к отъезду».

– Милли, помоги мне найти ключи, – приказала она дочери – сухо и категорично, будто отдавала приказ собаке.

В какой-то момент Делоре обнаружила, что пытается рассмотреть ключи среди чайных чашек, где их уж точно не может быть. Она замерла, подумала немного, потом подошла к холодильнику, встала на цыпочки, потянулась к стоящей на нем вазочке для мелочей и извлекла ключи, потянув за длинный красный брелок.

В темном гараже она долго нашаривала выключатель, не сумев припомнить, где он находится. Только бы старая развалюшка оставалась на ходу... После смерти отца мать почти не пользовалась машиной – город маленький, можно и пешком дойти, а если пешком не дойти, значит, и идти туда не нужно. Делоре плюхнулась на водительское сиденье и повернула ключ. Ну так что? Милли внимательно наблюдала за каждым ее движением. Завелась!

Они выехали на улицу и остановились. Милли метнулась закрыть ворота гаража, а Делоре, приподнявшись, достала из заднего кармана свернутый листок. Альма Вирита... и что

ты мне расскажешь?

Делоре все же сумела покинуть пределы города, никого не зацепив и не сбив, и, оказавшись на широком пустынном загородном шоссе, с облегчением выдохнула. Машину она водила так себе (сказывалась нехватка практики), но все же лучше, чем готовила. О боги, она хоть что-нибудь делает хорошо? Разве что шинкует себя на кусочки...

Реакция у Делоре была явно замедленная – при каждом движении она ощущала, как вязнет в воздухе, точно в липком желе. Милли, сидящая рядом с ней, выглядела поразительно невозмутимой, и Делоре периодически поглядывала на нее с ощущением, что это и вовсе не ее дочь, ну или все-таки ее, но повзрослевшая лет на пять. Приближаясь к развилке, Делоре посмотрела на листок – направо. Свернула.

Полчаса спустя они заехали на заправку. Поблизости был маленький магазинчик, и Милли затребовала мороженое. Делоре сначала удивилась, как Милли вообще может что-то есть, а потом вспомнила, что дети способны есть хоть три раза в день или даже чаще.

– С вами все в порядке? – спросил Делоре парень на заправке.

– Аб-со-лют-но, – ответила она, даже головы не повернув, и вгрызлась в ноготь.

Боль была сверхъестественная: пожирала плоть, царапала кости. Никогда еще Делоре не было так плохо. Она подавила желание закинуться еще парой таблеток. От них толку –

ноль. Признай, смирись.

И снова серое шоссе. И небо тоже серое, дождливое. Белые блекло мерцающие вспышки планируют сверху, как хлопья снега. Или же это перья с крыльев какого-нибудь их гребаного бога? Урлак, я помню, как тебя зовут, сука! Альма Вирита, ну что со мной, скажешь? Все хорошо, я думаю. Делоре выжимала из бедной старой машинки всю скорость, на которую та только была способна. На этом шоссе умер ее отец... Однажды, в Льеде, Делоре видела человека, сбитого машиной. Интересно, мозги ее отца так же разлетелись по асфальту?

(Никто из прохожих тогда не улыбнулся, только она. Что поделать – приятные ассоциации.)

Поворот... Делоре немного сбавила скорость. В просвет между тучами внезапно выглянуло солнце.

– Деревья горят, – сказала Милли, глядя в окно.

– Это свет так падает, – хотела возразить Делоре, но получилось только «бу-бу-бу».

Какое все странное сегодня, мрачное и удивленное, как будто обнаружившее, что настал последний час существования мира. Сухая трава цвета красного кирпича, побуревшие сосны... облили кровью и оставили сохнуть. За глазами задергалась металлическая нить, рассекая мозг. Делоре посмотрела на листок, лежащий у нее на коленях. Они не проехали въезд в лес? Нет, вот он.

– Я хочу писать, – прохныкала Милли, напоминая о те-

лесных ощущениях, и Делоре вдруг осознала, что у нее все тело затекло. Спину она вообще не чувствовала.

– Потерпи. Мы почти приехали.

– Неужели та тетя такая интересная, чтобы ехать к ней так долго?

– Очень интересная. Расскажет маме забавную сказку.

Машина подпрыгнула на колдобине, и Делоре уже решила, что вот сейчас они застрянут и останутся здесь навсегда. Мысль особо не пугала. Здесь, там; кого волнует... Тем не менее дребезжащая колымага упорно продвигалась дальше по узкой лесной дороге, по которой, видимо, ездили часто, если продавили такие глубокие колеи.

– Приехали.

Одноэтажный дом, низкий, но широкий. Грубый, некрасивый, похож на гриб-трутовик. Делоре неуклюже выбралась из машины и только пробормотала:

– Хм.

Эта Альма Вирита изображает из себя лесную ведьму или что? Делоре бесили все эти штучки. Колдовство, магия – немыслимая ерунда, в которую ровеннцы склонны верить с наивностью умственно отсталых детишек. Делоре же на любое упоминание подобных вещей реагировала циничной роанской усмешкой.

Милли испуганно озиралась. Делоре взяла ее за руку. Окна, затянутые красными занавесками, создавали тревожное впечатление – несомненно, так оно и задумывалось. Они

поднялись на крыльцо по противно скрипящим ступенькам, выкрашенным алой краской, уже изрядно облезшей, и в недоумении застыли возле двери. Ни звонка, ни ручки... «Ни электричества», – поняла Делоре, когда дверь внезапно распахнулась, и из темноты к ним шагнула девушка со свечой в руке.

Девушка улыбалась.

– Альма Вирита знала, что вы приедете, – ее большие кофейного цвета глаза были так густо подведены, что это должно было бы выглядеть вульгарно или даже комично, но почему-то не выглядело. А вот на губах совсем не было помады, но им хватало природной яркости и полноты.

Делоре вымучила насмешливую улыбочку: ага, предсказали ее появление с точностью до секунды, даже стучаться не пришлось. Ну или девушка просто вышла на шум подъезжающего автомобиля... что куда как более вероятно.

– Я хочу писать, – прохныкала Милли, и Делоре нахмурилась.

– Вы не могли бы проводить ее в туалет?

– Конечно, – девушка наклонилась к ребенку, качнулись длинные пряди ее черных, без оттенка каштанового, волос. – Пойдем со мной, милая.

Делоре вдруг осознала, что откровенно любит девушкой, и отвела взгляд.

Они прошли в дом и оказались в просторной прихожей, освещенной единственной свечой, стоящей на маленьком

столике. Со всех сторон на них смотрели закрытые двери.

– Вам в красный коридор, Делоре, – объяснила девушка. – Поспешите. Вирита ненавидит ожидание. А когда она сердится, ее внутренний взор мутнеет.

От заявления про внутренний взор Делоре так и перекосило, но девушка уже не могла этого увидеть – взяв за руку, она уводила Милли прочь.

– А где этот красный коридор? – запоздало уточнила Делоре, оставшись в одиночестве.

Она приоткрыла дверь – темно. Другую – темно. На третьей ей повезло. Вот он, «красный коридор». Стены обтянуты алой тканью. В свечной люстре из десяти свечей горели две. Делоре шагнула вперед и что-то царапнуло ее по макушке – как оказалось, гирлянда из засушенных цветов. В конце коридора бледно-золотистыми полосочками обозначились контуры двери... Когда Делоре толкнула дверь от себя, погружаясь в липкую сладость, ее взгляду предстала Альма Вирита...

Вирита вполне соответствовала обстановке: высокая – на целую голову выше Делоре, полная, одета и покрашена так провокационно, что и роанская проститутка постыдилась бы. Волосы, все еще черные, стянуты в тугий узел. Когда темные, полные блеска глаза вонзились в Делоре, по спине у нее пробежал холодок...

Вместо приветствия Вирита указала на кресло.

– Здравствуйте, – скованно поздоровалась Делоре и села.

Она сжала колени, выпрямила спину, недоумевая, как ее вообще занесло в такое место. Втянула в себя тяжелый приторный воздух, ощущая удушье.

В этой комнате на освещении тоже порядком сэкономили. Несколько свечей вдоль стен да масляная лампа на круглом столе, таком гладком, что свет отражался в нем, как в зеркале. Пребывая в полумраке, комната, полная вещей, умноженных отбрасываемыми тенями, казалась фантастически захлавленной. С потолка, точно лианы, свисали засушенные растения. Это от них исходил этот сладкий запах, такой сильный, что Делоре даже взгрустнулось. Вирита наблюдала за ней.

– Легко дышится?

– Нет.

– Очень плохо.

Делоре пожала плечами.

– Вы сами-то не задыхаетесь? Зачем эти растения?

– Это очень полезные растения. Растения правды, – объяснила Вирита. – Больше всего я не люблю ложь, ожидание, трусость и тминные семена.

Глаза Делоре распахнулись чуть шире.

– А мне не нравится соль.

И взгляд Вириты ей тоже не нравился. Слишком уж... пронзительный.

– Ну-ка посмотрим, – заявила Вирита, поднявшись и решительно потянув за собой Делоре.

Они пробрались через груды мебели («Просто пройди по дивану, девочка, да и все»), и возле окна, сдвинув красную занавеску, Вирита взгляделась в глаза Делоре в сероватом свете пасмурного дня.

– Прекрасные глаза, – голос у Вириты был глубокий, низкий, обволакивающий, словно мягкая ткань. Красивый голос. Такой красивый, какой сама Вирита никогда не была. – Идеальный фиолетовый, глубокий и прохладный, как ночь.

«Пожалуй, она старше, чем показалось поначалу», – подумала Делоре, рассматривая близкое лицо Вириты, покрытое морщинами, как сетью.

Они вернулись к круглому столику (по пути Вирита погасила одну свечу) и сели, что Делоре обрадовало – ее ноги не держали. Она сторбилась и, пытаясь успокоиться, зажала пальцы между коленями. Пальцы были холодные, влажные.

– Мальчик нашел меня, – объяснила Вирита, в дрожащем свете вглядываясь в глаза Делоре. – Он был честен со мной, поэтому я рассказала ему все. Он хороший... ему приходилось делать плохие вещи, и все же он хороший мальчик.

– Мальчик? – не поняла Делоре.

– Да. Твой мальчик.

– А... – рослый торикинец лет тридцати никак не ассоциировался у нее с «мальчиком», но Делоре оставила это при себе. Со словом «твой» он у нее тем более не ассоциировался.

– Если он отправил тебя ко мне, значит, решил, что ты

все-таки должна узнать правду. Даже при том, что само по себе понимание происходящего тебя не остановит.

Делоре нахмурилась.

– Можно приступить к делу? – поинтересовалась она. – Без туманных предисловий и нагнетания мистицизма?

Вирита откинулась на спинку кресла. В сплетении золотистого света и мрака она была загадочной, как красивая вещь неизвестного предназначения, и яркой, как цирковой шатер.

– Да, действительно. Уже достаточно. Ответь мне честно – ты видела его?

– Кого – его? – Делоре могла бы и разозлиться, но сегодня ее чувства были такими же вялыми и негибкими, как и тело.

– Предыдущего. Того, кто жил там до тебя.

– Нилуса? Он... он мне приснился, – созналась Делоре. – Я разговаривала с ним.

– Он всегда с тобой разговаривает. Даже когда ты не слышишь.

– О чем вы? Я просто увидела сон. Это ничего не значит.

– О нет, тебе не приснилось. Тебе явился дух, призрак. Который лишь ты можешь воспринимать, потому что ты, как никто, близка к нему, – Вирита прикрыла глаза. Ее веки покрывали вишневые тени с перламутровым блеском. Делоре подумала, что все эти ведьмовские чудачества шаблонны до нельзя, хотя едва ли ей доводилось видеть ведьм – разве что в телевизоре и в зеркале.

– Я расскажу тебе правду... но сможешь ли ты принять ее?

– Я не верю вам заранее.

– Почему? – просто спросила Вирита.

– Ха! Представляю, что вы мне наплетете! Какая-нибудь не очень логичная история с элементами фантастики и бреда, придуманная вами самой или местными... сказочниками. Но я не люблю истории. Зачем привносить в обыденность ненормальность? Зачем искать странности, тем более там, где их нет вообще?

– Вся твоя жизнь – странность, Делоре.

– Да все в порядке с моей жизнью! Да, у меня определенно есть проблемы со здоровьем – и физическим, и психическим. Я нуждаюсь в парочке хороших врачей, способных наконец-то поставить мне правильный диагноз. И только-то! Со мной не происходит ничего необычного, несмотря на все ваши попытки убедить меня в обратном! – прошипела Делоре.

Пока она говорила, Вирита улыбалась все шире, открывая белые крупные зубы, и наконец рассмеялась во всю глотку. Делоре подавленно замолчала.

– Отрицай, Делоре, отрицай, чтобы не признавать собственную беспомощность.

– Вы решили почитать мне мораль? – Делоре встала. – Обойдусь, спасибо. Есть лекции поинтереснее.

– Постой.

– Вы не способны сообщить мне ничего полезного.

– Постой! Я расскажу тебе об убийце.

Делоре снова села и замерла в напряженном ожидании. В улыбке Вириты проступило торжество – она понимала, что теперь при всем своем желании Делоре не уйдет, прикованная к креслу любопытством.

– Карнелиуш Нилус приехал издалека, будучи еще совсем молодым человеком. Поселившись в городке, он никому не рассказывал о своем прошлом. Хотя он в принципе был весьма неразговорчив – онемей он вдруг, прошли бы месяцы, прежде чем кто-то заподозрил бы неладное. В двадцать восемь лет он пришел ко мне. К тому времени страх и страдание таки сумели развязать ему язык... или же на него подействовали мои травы правды. И первое, что он сказал: «Я считаю себя ошибкой». Это был особенный день для него. Он раскрылся. Мы поговорили с ним о многом, – Вирита умолкла.

– О воде? – спросила Делоре, когда поняла, что затянувшаяся пауза – это выражение готовности отвечать на вопросы.

– Да, он часто видел ее. В доме. На улице. Он говорил, что эта вода – сама судьба, увлекающая его к смерти. Он жил точно в водовороте. Несмотря на сопротивление, его затягивало все ниже и ниже.

– Нет, это было не так. Вода уносила его, как быстрая река. Вирита уколола ее взглядом.

– Тебя тоже посещают подобные видения?

– Да, – Делоре устало выдохнула. – Потому что я пью

слишком много таблеток и мой мозг находится в состоянии интоксикации, только поэтому, – она закрыла глаза, открыла. – Почему он считал себя ошибкой?

Вирита пожала плечами.

– Бог лепит людей быстро. Один на конвейере оказался с браком. С самого начала с Нилусом было что-то серьезно не так. Он говорил, что из его глаз смотрит безумие. Знакомо, Делоре?

– Почему у него возникали такие мысли о себе?

– Ни одно из его чувств не функционировало правильно. Взаимодействие с людьми истощало его, а одиночество угнетало. Он считал, что не способен привязаться к кому-то по-настоящему, и сожалел, что позволил настырной женщине женить его на себе и родить от него детей... Впрочем, я сомневаюсь, что его оценка ситуации была достоверна. Всю жизнь он страдал от приступов эмоционального упадка, порой оказываясь так глубоко под землей, что наружу не торчали даже уши. Приступы учащались, и однажды он осознал, что не сможет выдерживать это долго. И тогда он решил: если до его тридцатилетия ему не удастся отыскать «противоядие», он убьет себя.

Вирита протянула руку и погасила лампу между ними. Делоре ощутила нечто вроде благодарности – ей хотелось спрятаться от взгляда Вириты и даже от зеркал, тускло отсвечивающих на стенах. Успокаивающий мрак... и жжение в глазах ослабло. Но удушливый запах свисающих с потолка рас-

тений продолжал сводить ее с ума. Мысли становились тягучими и неподконтрольными – слишком скользкие, словно облиты сиропом, не удержать.

– Я бы назвала его болезнь черной меланхолией, – продолжила Вирита. – Это болезненное состояние, когда твой разум оказывается одержим мрачными мыслями и – что еще хуже – сомнениями. Нилус все ставил под сомнение. Пытался определить, что истинно, что ложно, вокруг и в нем самом. Не понимая, что невозможно познать непознаваемое, он лишь терял время в бессмысленных рассуждениях. Он перестал видеть события, постоянно высматривая их причины. Ему жилось бы намного легче, если бы он оставил свою привычку искать нечто настолько настоящее, что все остальное в сравнении кажется дешевой фальшивкой. Но он зашел так далеко, что уже не мог вернуться.

– А я бы на вашем месте воздержалась от неизвестных медицине диагнозов и перенаправила бы его к врачу.

– Он был у врачей. Они не смогли помочь. Я стала его последней надеждой.

– И что же вы ему посоветовали?

– Держаться своего решения.

– О чем вы? О его намерении покончить с собой?

– Да. Я сказала: тогда с этого дня начни жить с мыслью, что смерть близка. Запоминай события, которые происходят в последний раз. Ощущай, как вещи теряют ценность, потому что скоро от них придется отказаться. Будешь ли ты тра-

тить оставшееся время на то, чтобы снова и снова поднимать со дна души едва осевшую муть? Вряд ли. Ты так хочешь найти что-то настоящее? Что останется важным для тебя за минуту до смерти, когда тебе уже ничего не будет принадлежать, то и окажется настоящим.

– В итоге он действительно убил себя, – мрачно резюмировала Делоре. – Но не только себя.

– К тому времени он уже должен был быть четыре дня, как мертв. Но он не послушал меня. Он не решился тихо уйти, едва ему исполнилось тридцать, и в итоге стало слишком поздно – гнев и страх захлестнули его разум. Каждый лишней день его жизни обошелся в жизнь другого человека.

– Это они цеплялись за него, не позволяли ему уйти, – почти беззвучно произнесла Делоре. – Из-за них его скорбное существование затянулось дольше, чем он мог выдержать. Поэтому в итоге он их возненавидел, – ее взгляд встретился со взглядом Вириты. – И все же как вы могли сказать ему: «убей себя»? Какое право вы имели решать, как ему поступить с его жизнью?

– Не забывай – он сам попросил меня о совете. Я пыталась помешать ему сорваться. Я искренне хотела помочь ему.

– Как это благородно... Закрепляя в сознании человека суицидальные намерения – вы помогаете ему? – огрызнулась Делоре. – Вы только усугубили его мрачное состояние. Возможно, вы отчасти виновны в его поступке.

– Глупая девочка. Все не так просто. Иногда, чтобы спасти

себя, нужно отказаться от своей жизни.

Делоре промолчала и только скрестила руки на груди.

– Ладно, – сказала она после двух минут тишины. – В любом случае я не понимаю, как этот человек связан со мной.

– Не притворяйся несведущей, девочка. Ты – его продолжение.

– Что? – протянула Делоре с насмешкой.

Одна свеча вдруг погасла. Сама собой.

– Эти убийства... – вкрадчиво произнесла Вирита. – Случай для Ровенны дичайший. Роана, может быть, Кшаан... там такое возможно. Но не здесь. Здесь люди не рубят свои семьи топорами. И очень редко сходят с ума. А Нил не был похож на сумасшедшего, даже если и был им в действительности. Его поступок лишил людей покоя, заставил с тревогой всматриваться друг в друга. Они нуждались в объяснении случившегося, искали *знак*, нечто, что позволит узнать следующее чудовище сразу, как оно явится в наш мир. И у Нила было то, что отличало его от прочих. Глаза цвета безумия и ночной тоски.

– Ну – и? – не выдержала Делоре. – Какая здесь логика?

– В подобной вере нет логики. Но у нее есть источник – страх. Пока источник не пересохнет, вера живет. Нилус испугал горожан. Они не могли отыскать причины, побудившие его к преступлению, поэтому приняли его ненормальное поведение как проявление некоего врожденного зла, а фиолетовый цвет глаз, отличающий его от всех прочих людей, – за

внешний признак этого внутреннего зла.

– Вот же ахинея... невыносимый бред, – Делоре хотелось бежать отсюда. – И куда пропала моя дочь?

– Моя праправнучка присмотрит за твоей дочерью. До-слушай меня.

Праправнучка... и двадцативосьмилетний Нил... Да сколько же ей лет?

– У меня сил нет выслушивать эти глупости. Суеверия некогда меня не интересовали. В них нет никакого смысла. К чему придавать им значение?

– Суеверия возникают не из пустоты. Для существования каждого из них есть веская причина. Но найти эту причину порой так же сложно, как объяснить, почему в детстве ты боялся чудовища под кроватью, ведь ясное дело – никого там нет. Причины скрыты в душах человеческих, а души – это тьма.

– Просто ерунда...

– Возможно, и ерунда. Но у людей возникают такие мысли. В случае Нилуса идея, что фиолетовые глаза – признак человека, в душе которого живет мрак, распространилась по всему городу и даже за его пределами.

– Я все еще не понимаю, при чем здесь я, – Делоре стиснула зубы от злости. Она подавила желание встать и уйти: на этом этапе разговора ее уход уже точно будет расценен как бегство, а бегство – унижительно.

– Ни при чем, если бы все это стряслось в другой стране...

В мире много загадочного и удивительного... Люди объясняют такие явления действиями сверхъестественных сил. Так сложилось, что долгое время Ровенна была ареной странных событий. И эти события меняли ее, пропитывали энергией, способной сделать образы человеческого воображения реальными. В Ровенне человеческие мысли наделены огромной силой. Особенно если это мысли многих людей. Людей этого города.

– Все, надоело, – пробормотала Делоре и поднялась.

– Сиди! – резко приказала Вирита, и Делоре рухнула обратно в кресло, как будто ее ударили по коленкам. Она задрожала от испуга и гнева, глядя на Вириту и едва различая ее в темноте, потому что к тому времени горела уже только одна свеча.

– И вот в доме, выстроенном на том самом месте, где когда-то зарубил свою семью Нилус, появляется ребенок... девочка, – продолжила Вирита. – С глазами того же невероятного фиолетового цвета. Сложно сказать, было ли это несчастным совпадением или же последствием сконцентрировавшихся вокруг дома верований. В любом случае горожане не сомневались: в этой девочке затаилась та же злоедающая сила, что когда-то свела с ума Нилуса. Они не подозревали, что эта сила не существовала в природе, пока они сами ее не придумали, вдохнув в нее жизнь своей верой. Тем самым они создали проклятие.

– Какая чушь, – сказала Делоре, и прозвучало как стон,

потому что ожившая боль зашевелилась в ней, как ужасный младенец. – Что же, оно, это проклятие, теперь висит надо мной, словно долбаное фиолетовое облако?

– Нет, Делоре, оно находится прямо передо мной. Я могу прикоснуться к нему, прикасаясь к тебе, потому что оно часть тебя. Ты чувствовала, что в этой стране с тобой происходит нечто очень странное. Ты попыталась сбежать из Роенны, но обнаружила, что ситуация не наладилась.

– Вот именно! – взвилась Делоре. – Если бы проклятие действительно существовало, если, как вы сказали, его питают человеческие мысли, то в Роане оно бы выдохлось и оставило меня в покое! Там же никто не верит в подобные бредни!

– Все это время его поддерживала вера одного человека, которая была сильнее веры тысяч людей, потому что этот человек *знал*, что проклятие существует.

– Кто это? – спросила Делоре с вызовом.

– Ты сама.

– Я... я не верила, – она прижала ладони к шее. От сладости растений, рассеянной в воздухе, у нее щекотало горло. Она едва сдерживала кашель. – Я не знала! – она все-таки закашлялась.

– Ты постепенно приходила к осознанию его существования. Одновременно отчаянно уверяя себя в обратном. Со временем ты убедилась, что скрыться от проклятия невозможно. Но оно не только наделило тебя силой убивать и при-

чинять вред. Переживания и стремления Нилуса, оказавшиеся слишком яркими для того, чтобы угаснуть навсегда, обитают в тебе. Его жизнь определила твою жизнь... в том числе и время ее завершения. Это время почти настало, Делоре. Тебе предначертано повторить его судьбу. И его ошибки.

– Какие ошибки? Что же я, ни с того ни с сего прикончу свою дочь? Вы не только Нилуса не направили к мозгоправу. Вы и сами не ходили, хотя очень в этом нуждаетесь!

– Не пытайся обесценить мои слова, Делоре. Хотя правда обжигает руки, ты не сможешь просто отшвырнуть ее прочь.

– А в чем правда? – втянув в себя воздух, холодно осведомилась Делоре. – Что вся моя жизнь стала последствием чьих-то заблуждений?

– Каждый человек в какой-то степени зависим от заблуждений других людей. Бессмысленно горевать об этом.

– Если верить вам, то мою жизнь украли у меня. Конечно, я не горюю об этом. Если эта испортилась, мама купит мне новую, – усмехнулась Делоре. – Но я вам не верю, – выговорила она и закашлялась.

– Тогда почему ты ощущаешь ужас и теряешь контроль над собой? Если все в порядке, почему?

Делоре закрыла лицо руками.

– Мне не страшно. Мне все равно.

– А что насчет боли, которая заставляет твое тело вопить? Разве эта боль не объективна? Хотя ее существование так же иррационально, как все прочее, что я упомянула.

– Я не чувствую боли! Со мной все в порядке! – выкрикнула Делоре и снова зашлась в приступе мучительного кашля.

– Делоре, послушай меня, сейчас. Душа у тебя не злая, но ты сама – зло, и ты не сможешь противиться собственной сути. Да, твою жизнь украли у тебя, но только за последнюю неделю ты отобрала у людей десятки лет. У продавщиц в магазинах, у соседей, у прохожих, бредущих мимо тебя. И это еще незнакомцы. Чем ближе ты знаешь человека, чем с большей симпатией он относится к тебе, тем легче тебе подобраться к его душе, тем ты ему опаснее. Ты обрекла своих близких на гибель. И тебе это известно.

Делоре зажала уши руками и выдавила, задыхаясь:

– Я не хочу вас слышать...

Последняя свеча погасла, и настала крошечная тьма. Однако в голове у Делоре было еще темнее. Боль перестала быть внутри, теперь она окружала Делоре, больше ее во много раз, и Делоре тонула в ней, как в море.

– Ты чувствуешь такой сильный гнев... Нилус тоже чувствовал. Это толкнуло вас на дурные поступки. Но зло всегда возвращается к тому, кто его совершил. В этой стране так думает каждый. А то, что поддержано верой, становится объективным фактом. Поэтому тебе больно, Делоре. Единственный способ избавиться от боли – прекратить наносить ущерб другим людям. Твоя страшная сила растет... Ты не сможешь контролировать ее. Очень скоро, если ты не... по-

ступишь правильно, ты сойдешь с ума от страдания.

– Поступить правильно? – вскрикнула Делоре. – Что вы имеете в виду? Я должна сделать то, на что не решился Нилус? Прикончить себя сразу, как мне исполнится тридцать? Не могу поверить, что до сих пор слушаю вас! Это звучит как пересказ бредового сна или как дурацкий рассказ. Уж, конечно, ничего подобного не может происходить в реальности. Такого просто не бывает!

– Делоре, ты отрицаешь.

– Нет! – выкрикнула Делоре и, подавляя позывы раскашляться, зажала себе рот. Горло саднило, как будто она надышалась испарений хлора. Скорее подняться! Колени подгибались от слабости. Как ей отыскать выход из темной комнаты?

– Ты никогда не спрашивала себя, зачем вернулась в родной городок, зная, что в нем тебе станет хуже? Действительно – в городе проклятие усилилось верой горожан и твоими мстительными чувствами. Так что же заставляет тебя оставаться? Ждешь ли ты прощения, как ребенок, который провинился и теперь плачет, терзаясь желанием услышать от матери: «Ты все еще хороший, я все еще люблю тебя»? Или же напротив – жаждешь освободить свою темную сущность, позволить ей делать что хочется? Притвориться жертвой, чтобы убивать под предлогом самозащиты. Что движет тобой, Делоре? И если оба этих мотива, какой из них в итоге победит?

Делоре молчала – невидимая в темноте, она как будто исчезла. Ладонь Вириты вдруг легла на ее лицо, заставив Делоре вздрогнуть всем телом.

– Нил не последовал моему совету уйти тихо и стал источником зла. Не угасшее, впоследствии оно испепелило и твою жизнь, – пальцы Вириты касались ее холодных щек, и Делоре хотелось стряхнуть руку ведьмы, словно омерзительное насекомое. Но она не могла и шевельнуться. – Ты должна убить себя, Делоре. Ты пережила много страданий, но, отказавшись уйти по доброй воле, ты оставишь после себя еще большее зло, чем причинили тебе. Не повторяй ошибки Нилуса. Не позволяй гневу захлестнуть твой разум. Убей проклятие, не питай его. Уничтожь его, даже если вместе с собой.

Теперь Вирита держала ее за руку. Кончики ногтей Вириты впивались в кожу Делоре.

– Не раздирайте мне руку, – пробормотала Делоре.

– Убей себя, – произнесла Вирита, и в мозге у Делоре точно что-то взорвалось.

– Сука! – выдохнула она в лицо Вирите. – У меня есть дочь! Кто у нее останется без меня? Я не могу просто взять и сдохнуть лишь потому, что вам этого хочется!

– Ради нее, Делоре – убей себя. Но прежде ты должна попросить прощения.

– Это вы должны просить у меня прощения! – взвизгнула Делоре. – За все, что сделали со мной! – наклонившись, она

обхватила лицо руками и закашляла в ладони.

– Неважно, по какой причине, но ты причинила людям много зла, Делоре, и ты виновата. Никто не сочувствует нераскаявшемуся грешнику. Лишь отыскав в себе истинное раскаяние, ты можешь рассчитывать на чью-то помощь.

– Стерва! – выкрикнула Делоре и снова зашлась в приступе душащего кашля.

– Поезжай на Плато, Делоре. Это святое место. Там живут боги. Проси прощения прямо в их доме, чтобы они точно услышали тебя. Если они разглядят в тебе хотя бы искорку света, они вступятся за тебя, они облегчат твою участь. Помогут тебе очиститься, чтобы ты начала следующую жизнь без груза преступлений предыдущей.

Делоре переполняла ненависть. Если бы только этот яд мог потечь из ее глаз, как слезы. И даже словами это жгучее чувство не выразить, потому что глотку раздирает кашель... Она кашляла так сильно, что, наверное, уже начала кровоточить изнутри.

– Боги есть, – произнесла Вирита, когда Делоре наконец затихла, жадно хватая ртом воздух. – Они наблюдают за тобой. Видят все, что происходит в твоём сердце.

– В этом мире нет богов, – сипло возразила Делоре. – Ничего, что было бы по-настоящему ценным. Ничего светлого. Никаких настоящих привязанностей.

Она попятилась и врезалась спиной в дверь. Развернулась... Вирита все еще пыталась ее удержать. Ее руки были

мягкими и сильными одновременно... оплетали, как стебли чудовищных растений. Делоре стало невыносимо противно. Она распахнула дверь и побежала меж красных стен.

– Милли! – позвала она, но ее голос был так слаб, едва различим.

С улицы до нее донеслись голоса: Милли смеялась, разговаривая с темноволосой девушкой. Делоре поспешила к дочери. После омерзительной приторной вони комнаты воздух снаружи показался свежим до хруста.

– Милли, мы уезжаем, – сухо сообщила Делоре и, схватив дочь за руку, потащила ее к машине.

Резко разворачивая машину на узкой поляне перед домом, Делоре задела бампером ель. Раздался глухой звук, их чуть тряхнуло. Милли вся сжалась.

– Да плевать, – сказала Делоре. Она была безнадежно спокойна.

Милли промолчала.

Час спустя Делоре вырулила на обочину и остановилась. Она уронила голову на лежащие на руле руки и пару минут сидела, не двигаясь.

– Мама, ты плачешь? – спросила Милли.

– Если бы...

– Тебе плохо?

– Нет. Мама просто устала, Милли. Дай мне отдохнуть еще минуту, и я смогу продолжать.

Были уже сумерки; темные волосы Делоре словно втяги-

вали в себя темноту.

Когда Делоре наконец-то сумела поднять голову, она улыбалась.

– Вот и снова все хорошо. Не позволим испортить нам настроение, да, Милли?

Милли кивнула, пряча взгляд.

Делоре включила радио. Полузнакомые песенки, прежде казавшиеся глупыми, сейчас наполнились смыслом. Необъяснимым смыслом... просто... все так многозначительно в них. Свернутый листок между сиденьями... Делоре смяла его и выбросила в окно. Милли раскрыла рот, чтобы рассказать, как бы папа оценил этот поступок, но что-то в лице матери заставило ее промолчать.

Делоре стало так душно, что она едва могла дышать. Она опустила окно до предела, и поток ледящего воздуха взлохматил ее волосы. Только после того, как Милли захныкала от холода, Делоре заметила, что и сама замерзла, и закрыла окно.

Сгустившаяся к тому времени темнота была такая черная... Казалось, в этой непроницаемой тьме ничего нет, все растворилось без остатка: дорога, деревья вдоль нее. И город, ждавший их где-то впереди, тоже исчез, со всеми домами, магазинами, людьми, их собаками, кошками, книжками, игрушками и прочей ерундой. Только Делоре и ее дочь в панцире старой машины почему-то еще существуют. С ними случилось самое худшее – уж лучше раствориться, чем веч-

но ехать в никуда.

Однако какие нелепые размышления лезут ей в голову... Свет фар каждую секунду выхватывал новый клочок асфальта... все на месте. Если какой-то мир сейчас и исчез в темноте, то только ее, Делоре, личный. Но как же все странно... странно и жутко...

Как это часто бывает, обратный путь занял меньше времени. Вот они почти уже подъехали к городу. Появились огоньки: красные – заправки, желтые – на витрине магазина.

– Я хочу мороженое, – сказала Милли, свернувшаяся клубочком на сиденье и иногда сонно посматривающая в окно, за которым ближе к городу начали мелькать синие вспышки фонарей.

– Нельзя столько мороженого в один день, – сказала Делоре, неуклюже выковыривая одной рукой таблетку из упаковки. – Ты заболеешь.

– Почему? – равнодушно уточнила Милли.

Делоре не смогла придумать, что ей ответить, и только перекатывала языком таблетку во рту, казавшуюся безвкусной, как пуговица.

– Я хочу есть, – настаивала Милли.

Делоре попыталась вспомнить, есть ли у них дома хоть какая-то еда, и не смогла.

– Ладно, мы зайдем в магазин, если что-то еще работает. Но никакого мороженого.

Делоре понравилось, как прозвучал стук ее каблучков, по-

ка она шла к магазину по асфальтированной дорожке. Тяжелое «тум-тум». Напоминающее, что она имеет вес. И право на существование.

Милли тихо ступала следом.

Яркий электрический свет ударил по глазам, и Делоре зажмурилась. Когда она раскрыла глаза, все было размытым, сплошные цветные пятна; на лице женщины за кассой, выглядящем как бежевое пятно, белой полоской – улыбка, ментально погасшая.

Как всегда, ее дочь не хотела нормальной еды. Она хотела сладкой дряни – твердой и хрупкой или же тягучей и вязкой, упругой под зубами, как резина. Любой. Милли здорово раскоровет, если возьмет в привычку успокаивать тревогу таким образом. Делоре хотела было высказаться, но вдруг обнаружила, что ей все равно. Кто знает, как все повернется в будущем. И кто вообще доживет до будущего. И тогда какая разница, что останется недопереваренным в наших остывающих внутренностях?

Ее взгляд, холодный, пустой, скользил по полкам, а голос флегматично подтверждал запросы Милли. Гора сладостей на прилавке росла. Позади кассирши красные цифры на белом фоне... отрывной календарь. Делоре провела ладонью по усталым глазам, пытаясь рассмотреть число.

– Двадцать шестое? – спросила она.

– Да, – на бежевом пятне раскрылось красное пятнышко рта. – Сегодня двадцать шестое октября.

Делоре задумалась.

– А когда будет двадцать седьмое?

Бежевое пятно, кажется, удивилось. Два темных пятнышка на нем стали шире.

– Через три часа пятнадцать минут. В полночь.

– Как удивительно, – ответила Делоре невпопад (это была фраза из какого-то фильма, где ее произносил высокий женский голос; кто произносил и что это был за фильм, Делоре не помнила – у нее в голове все перемешалось). – Тогда нам нужен торт. У вас есть торты?

Бежевое пятно ответило, что выбор, к сожалению, невелик.

– О, я уверена, что нам какой-нибудь приглянется, правда, Милли? – улыбнувшись во все зубы, Делоре наклонилась к дочери и приобняла ее за плечи. Милли вдруг громко всхлипнула.

Через двадцать минут они были дома.

– Здесь без нас совсем ничего не изменилось, – заметила Делоре в прихожей – как будто что-то должно было. Она сунула руку в карман, но вспомнила, что таблетки остались на сиденье в машине. – Отнеси торт в кухню.

У себя в комнате она сгребла с прикроватного столика таблетки и уложила себя в кровать. Как чудесно... вытянуть ноги... закрыть глаза... Она вздохнула, расслабляя мышцы. Пусть Милли делает что хочет – обжирается конфетами до умопомрачения или разжигает костер на кухонном полу, все

равно. Делоре хочет побыть в одиночестве. Одна... Подняв руку к лицу, она втянула в рот край рукава. Одна... Веки были тяжелыми, как из свинца.

Стиснув блистер в кулаке, Делоре услышала хруст пластика. Она принялась разрывать ячейки, извлекая таблетки одну за другой. Проглотила их, не запивая. Вероятно, последняя таблетка оказалась эффективной, и вскоре злобное нечто, беснующееся внутри, уgomонилось. Иногда Делоре все же ощущала слабые движения боли, но они были ничтожно слабы по сравнению с прежними яростными ударами.

Она достала еще одну упаковку обезболивающего, заныканную под матрас, и принялась складывать башенку из таблеток. Свет в комнате не горел, и отсутствие зрения Делоре компенсировала чувствительностью пальцев. Кругляшки таблеток... Гладкие сверху, слегка шероховатые сбоку, каждую пересекает бороздка... Дыхание Делоре выровнялось, углубилось.

В этой комнате нет ранящих слов Вириты. Делоре не пустила их в дом, оставив в машине на заднем сиденье. Утром надо будет выбросить их совсем. Башенка упала... Делоре приподняла свитер и дотронулась до кожи на животе. Кожа прохладная и влажная. Вот Делоре, настоящая, живая – на данный момент. Пока еще в своей спальне, пока еще с ней не произошло ничего плохого (хуже), так почему бы не порадоваться этому? Боль – это хорошо, даже очень. Боль застав-

ляет надеяться на лучшее. Когда боль ослабевает, это почти счастье. Если она усилится, то покинет пределы восприятия и для Делоре все равно что прекратится совсем. Ну или наконец-то прикончит ее. Какой бред... мысли путаются...

Как быстро бежит время... вот ей уже без часу тридцать. Какое смешное совпадение... Делоре умудрилась родиться в ту же ночь того же месяца (двадцать шестое на двадцать седьмое октября), когда Карнелиуш Нилус истребил всю свою семью. Из больницы ее принесли в этот дом, выстроенный там, где прежде стоял дом Нилуса.

Она слышит шаги, из комнаты в комнату; кто-то стучит подошвами. Милли в носках, к тому же ее шаги не могут быть таким тяжелыми, ведь она ребенок, а это взрослый человек...

Все это очень любопытно. И Нилус до сих пор здесь. Он не нарушает ее одиночества... оно так приятно и бесчувственно. Одиночество следует воспринимать не как отсутствие кого-то, а как чье-то присутствие. Оно с ней всю жизнь и останется рядом до самой ее смерти. Так зачем предавать его ради того, кто обманет своей фальшивой добротой, чтобы позже с искренним безразличием исчезнуть?

Ей не следовало впускать Ноэла в ее жизнь. Он сделал ей хорошо, а потом еще хуже, чем было до него. Впрочем, после него она стала умнее. Никто и никогда больше не разочарует ее – потому что она никому не верит.

– По правде, я рада, что избавилась от него, Нил, – призна-

лась Делоре. Ее шелестящий голос напоминал шорох сминаемой бумаги. – Он частенько доводил меня до белого каления. Да я была бы рада, если бы он бросал свои носки и рубашки или еще что-нибудь в таком роде! Но нет – он был всегда аккуратным, очень правильным. Я постоянно ощущала его смутное неодобрение, ведь, как бы я ни старалась, я всегда была хуже его. Он не мог простить меня за это. Перфекционисты ужасны...

Нилус слушал ее со спокойным сочувствием.

– Да, я действительно счастлива, что его нет и больше никогда не будет со мной. Уверена, ты ощущал то же, избавившись от своей семьи. Ты поступил правильно. Они этого заслужили. А у меня еще остается дочь...

Шаги по дому. Все отчетливее... Женский голос. Детский плач.

– Она вредная девчонка. Между нами – мной и Ноэлом, она всегда выбирала Ноэла. Отказывалась меня слушаться... Это странно, знаешь: она вроде меня и любит, я же ее мать, но при этом я совсем ей не нравлюсь. Наверное, будь у нее возможность выбирать, она предпочла бы кого-то другого. Я понимаю, что должна уйти, и хочу уйти. Но мне так сложно ее оставить... она держит меня. Мерзкий ребенок. Держит.

Женский протяжный вопль, странный, как крик раненой птицы. Невыносимо это терпеть. Когда женщина кричит на тебя, ей просто необходимо врезать. Нилус и врезал: звонкий звук оплеухи, затем женский плач. «Хорошо, – подумала Де-

лоре, – лучше не бывает». Над ней прогрохотали торопливые шаги (у этого дома нет второго этажа, а у того, предыдущего – был; и очень скрипучая лестница). Звуки громкие, с эхом.

– Я не могу так жить! Ты всегда болен, всегда мрачен! Все, что я делаю, неправильно для тебя!

– Ты не можешь оставить меня, – низкий приглушенный голос Нила. Он одновременно и там, и здесь, в этой комнате, вместе с Делоре слушая семейный скандал, застрявший в пласте времени.

– Они совсем нас не понимают, – прокомментировала Делоре, осторожно укладывая руку под голову. – Считают, нам нужно просто постараться – и все наладится. Но они не способны представить, в каком мы состоянии. Как мы можем объяснить? Все, что у нас есть, – это слова. Но наше «мне плохо» совсем не то «мне плохо», что ощущают они. «Давай переживем этот скверный период,ждемся радуги, проговорим конфликт». «Нет, спасибо, на дне моей ямы радуги и примирения уже не имеют значения. Просто убирайся прочь». Как приятно одиночество... как приииииияятнооо.... От людей одни беды. Даже если они говорят, что пытаются помочь, на деле они только делают тебе хуже. У тебя и на саму себя не хватает сил, а ты еще растрчиваешься на привязанности. Нужно избавиться ото всех. Я почти уже избавилась... осталось последнее маленькое препятствие... чтобы я могла уйти свободно.

– Ты – тварь, – застонал Нил. Странная интонация: столь-

ко злости, но за ней пустота, и ожидание, и что-то еще. – Если ты уйдешь, то ты – тварь. Я прикончу тебя за это...

– Я устала. Пойми меня. Я невероятно устала. Я не знаю, что еще могу для тебя сделать.

Какая жалкая попытка оправдаться...

– Мне в сотню раз хуже. Как можешь ты бросить меня?

– Потому что жить с тобой – это умирание, Нил.

– А я умру без тебя.

Слова, такие громкие и полные боли, текли сквозь сознание Делоре. Не оставляя даже царапины.

– Дай мне неделю. Только неделю передышки. Я вернусь, Нил, я обещаю, что вернусь к тебе.

– Через неделю тебе будет не к кому возвращаться.

Делоре так отчетливо представила Нилуса, как будто увидела его: спина напряженно выпрямлена, руки скрещены на груди. Он словно колодец, в котором плещется темная вода. И где-то его душа – на самом дне.

– Сегодня был тяжелый день. Ты решила сделать его еще хуже?

– Таких дней была тысяча в прошлом, но я оставалась, – сказала его жена виновато, и Делоре поняла – она сдалась.

– Я останусь сейчас... пока что.

– Поздно.

– Прости меня.

– Поздно. Ты уже бросила меня. Убирайся.

– Пожалуйста, прости меня. Я люблю тебя!

– Нет. Никто не любит меня.

Она плакала.

– Поверь мне.

– Ладно... – долгая пауза. – Я попытаюсь.

– Не говори со мной так холодно.

– А ты заслуживаешь лучшего тона?

– Я люблю тебя, – зарыдала жена Нилуса. – Я не хочу от тебя уходить. Не сегодня. Я подумаю утром, как мне быть дальше, – она замолчала. Потом добавила с обреченностью: – Я хочу уснуть. Спать неделю или месяц. Или – лучше всего – никогда не просыпаться.

– Завтра этого желания не будет.

– Наверное. Я надеюсь... – ее голос сошел на нет. И вслед за ним ушли все звуки. В дом Делоре вернулась тишина. Делоре чувствовала, как комната вращается вокруг нее.

– Я ушла от него, и он умер от горя, – сказала Делоре. – Сам виноват, – она засмеялась, вздрагивая всем телом, и таблетки, соскользнув с ее живота, попадали на одеяло. – И все-таки я обдолбалась, – пробормотала она, запрокидывая голову. Смех оставил в ее теле затихающую болезненную пульсацию. – Нилус, скажи мне, когда будет двенадцать. Я хочу начать свой праздник вовремя.

Темнота просочилась сквозь ее кожу, проникла в кровь, растворила кости, пропитала ее собой. Делоре стала с ней одним целым.... В темноте время не шло. Оно лишь накапливало новые слои, в которые голоса вмерзали, как в льдину.

Слабый скрип двери – здесь? там? Делоре слышала, как Нилус ходит из угла в угол (кухни?), долго-долго. Только его шаги и тихое дыхание спящих. Звуки, отделенные в пространстве... различные по уровню громкости... ей они слышались одинаково отчетливо. И иногда чей-то выдох заглушал слова, которые тихим шепотом сползали с губ Нилуса. Затем раздался шум выдвигающегося ящика, звяканье столовых приборов. Шаги – по лестнице вверх, решительно и быстро (Делоре ощутила вибрацию прогибающихся под тяжестью Нилуса досок), им в перекрест чьи-то еще.

– Почему ты... – сонно пробормотала его жена.

И он ее ударил (ничего страшного; что может быть пугающим в одном глухом коротком звуке?). Она бы упала, но он подхватил ее и осторожно положил на ступеньки. Шаги, шорох, следующий удар. Никогда Делоре не была так спокойна, и он тоже. Удар и вскрик, который сразу обрывается еще одним ударом. Затем топот маленьких ног, и за ними торопливые шаги Нилуса. Нилус говорит что-то, Делоре не может разобрать слова – как будто их и нет вовсе, только растянутые гласные звуки. Ребенок плачет и что-то бормочет, но на этот раз Делоре даже не пытается расслышать. К чему выслушивать жертву, если ты в любом случае ее не пожалеешь?

– Заткни его, – выдохнула она. – Они только делают нас еще грустнее. Все.

Ее веки были неподвижны... Ей нравилось это пустое ощущение в сердце... свободное пространство.

Нилус плакал. Тот – из прошлого; а этот дотронулся до ее ладони. Делоре сжала его руку, но она была как мягкая глина, и пальцы Делоре проникли внутрь, легко продавив дряблую кожу. От сладкого запаха гниения защекотало в носу. Ухватив рассыпающуюся руку Нилуса за предплечье, Делоре подтянулась и села.

СР. С днем рождения, Делоре!

Ее ноги по щиколотки погрузились в воду, такую холодную, что пальцы свело. Делоре почувствовала, как ломаются под ступнями хрупкие льдинки. Она включила свет. Вода не исчезла. По поверхности бежала мелкая рябь. Наверное, Делоре должна была что-то подумать, что-то почувствовать. Но не подумала и не почувствовала. Она взяла с верхней полки шкафа косметичку с лекарствами, отыскала пузырек снотворного и пересыпала мелкие белые таблетки из него в карман.

Дверь отворилась без усилия – сопротивления воды не ощутилось. Делоре наклонилась и зачерпнула горсть. Вода утекла сквозь пальцы, льдинка осталась, и Делоре сжала ее в кулаке. Мелкие осколки быстро растаяли, оставив несколько капель – не очень чистых, с плавающими в них мелкими черными крупинками, похожими на песчинки.

По темному коридору Делоре прошла в кухню, где горел свет. Вот Милли за столом. Вот коробка с тортом, окруженная россыпью фантиков. Делоре улыбнулась, положив на стол ладони (вода поднималась, осторожно, постепенно, уже добралась до коленей).

– Не смотри так мрачно и грустно. Ведь сегодня у нас праздник! – подбодрила она дочь и пожалела, что не купила вина. Вино и таблетки не рекомендуют совмещать, но, если

они так не нравятся друг другу, то это проблемы вина и таблеток. Делоре сняла с коробки крышку. Торт был действительно так себе. Лучше бы взяла тот второй, с вишнями. Эти жирные кремовые розы... ядовито-красного цвета, как лак для ногтей. Но Делоре не стала бы наносить такой оттенок на ногти. Вульгарно.

Делоре достала тарелки, нож и разрежала торт, старательно кромсая розочки.

– У твоей мамочки день рождения. Изобрази радость.

Милли сморщила лицо. Подавляя внезапно накативший импульс ударить дочь, Делоре сжала пальцы на ручке ножа.

– Почему мы не уехали? – спросила Милли.

Делоре рассмеялась и уронила нож на пол. С плеском он исчез под водой, уже достигшей середины бедра.

– Разве что ты, – проговорила она сквозь смех. – Я вот уехала дальше некуда. Тортика хочешь?

– Не хочу, – Милли начала плакать.

Делоре невозмутимо положила кусок торта на тарелку и придвинула к ней.

– Давай же. Съешь за мамочку.

– Я не могу. Меня тошнит.

– Ты... ты слишком часто позволяешь себе не подчиняться мне.

– Мне не нравится этот торт, – прохныкала Милли. – Я хочу домой!

– Прекрати рыдать, – холодно приказала Делоре.

Но Милли продолжала топить себя в слезах. У Делоре это ничего не вызывало, кроме ожесточения.

– Прекрати!

Милли закрыла лицо руками, подобрала ноги и сжалась на стуле в клубок.

– Ты опять не слушаешься, – заговорила Делоре сердито и быстро. – Ты всегда меня не слушалась. Все время только и доносится от тебя – папа, папа, папа. На маму тебе плевать, маленькая идиотка?

Плач Милли перешел в рев.

– Прекрати. Мне несколько тебя не жалко – как тебе не жаль меня. Думаешь, все умерло в тот день, когда он умер? А вот и нет! – Делоре ударила кулаком по тортю. Сладкие брызги так и разлетелись, попали ей на одежду. Красные капли крема... мерзость. Горло Делоре сжалось. – Уверена, ты бы хотела, чтобы это я умерла, – распаяясь, продолжила она. – Я, плохая мать, а не твой любимый папочка!

– Нет! – закричала Милли.

Делоре зажмурилась.

– Не ври мне. Мерзкий ребенок. Вы всегда были с ним заодно, всегда против меня, – ноги замерзли до бесчувствия. Холод поднимался выше, заполняя все тело, и Делоре хотелось злиться еще больше – только ярость сможет согреть ее. Так почему бы не разнести здесь все вдребезги?! – С чего бы я должна беспокоиться о тебе, если тебе нет до меня дела? Почему я должна заботиться о тебе, если ты оставишь меня

при первой же возможности?

Маленькие руки обвили ее бедра, но Делоре оттолкнула дочь. Милли всхлипнула и снова вцепилась в нее. Вспышка боли – и белый свет в глазах. Делоре застонала. Милли тесно прижималась к ее ногам. «Неужели она не видит и не чувствует воду? – удивилась Делоре. – Никто, кроме меня... странно».

Делоре вымученно улыбнулась и положила ладонь на макушку Милли.

– Прости меня, – выдавила она. Неубедительно. – В действительности я так не думаю. Этот город действительно плохой. Здесь с нами случаются дурные вещи. Сядь, Милли, сядь, – Делоре мягко отстранила дочь. – Есть одно средство... И спустя полчаса ты окажешься очень далеко отсюда.

Милли попыталась поймать взгляд матери, но тот ускользал.

– Хотя бы попробуй торт, – Делоре вложила в руку Милли чайную ложку.

Глядя, как дочь осторожно пробует красный крем, Делоре чувствовала, как в ее теле перемещаются снизу вверх обжигающе холодные огоньки. Она достала таблетки снотворного из кармана и положила их на край тарелки, возле куска торта.

– У меня ничего не болит, – сразу возразила Милли.

– О нет, это не лекарство. Это намного лучше.

– Не надо, – сказала Милли, смутно чувствуя, что проис-

ходит что-то не то. Делоре успокаивающе погладила ее по волосам.

– Ты же хочешь домой, Милли. Это твой волшебный билет.

– Я не понимаю.

Делоре поцеловала ее в щеку, затем приобняла за плечи.

– Ты проглотить эти таблетки и уснешь. И потом проснешься в Льеде. Или в Торикине. Где захочешь.

– Правда? – недоверчиво спросила Милли.

– Конечно. Разве мамочка может соврать?

Милли вырвалась из объятия Делоре, отстранилась и внимательно посмотрела на нее. «Какой чистый взгляд, – отметила Делоре. – *Но не надейся, что тебе удастся меня разжалобить*». Ее безразличие было так же холодно, как вода, затопившая дом.

– Ну же, – мягко поторопила она. Возможны и более грубые методы. Стиснуть шею... выждать, ощущая под пальцами угасающую пульсацию. Но что-то мешало. Неужели какие-то запреты еще сохраняли свою значимость? Она потянулась к дочери – медленно, медленно – и отпрянула, будто обжегшись.

Милли проглотила первую таблетку. Чувствовалось, что она боится, но не решается возразить. Воля матери сдавила ее, как удав кролика.

– Продолжай, – Делоре налила стакан воды и поставила его перед дочерью.

Шести таблеток оказалось вполне достаточно. Вскоре Милли уронила голову на стол.

– Посиди пока, – Делоре усадила дочь поудобнее. Та, обмякшая, походила на тряпичную куклу. Казалось, ее руки можно согнуть под любым углом.

В ванной Делоре включила воду. Проверила рукой – не слишком ли горячая? Хотя, в сущности, какая разница? Ожидая, пока ванна наполнится, Делоре присела на стиральную машинку, зажав ладони между коленями. Собственное спокойствие было столь же приятным, сколь и удивительным. Ее взгляд коснулся стены там, где раньше было зеркало... Ничего вместо него, просто прямоугольник зияющей пустоты...

От воды поднимался пар. Мысли Делоре тоже были как пар, не имели четкой формы, рассеивались. Она ощущала присутствие Нилуса, но не могла понять, одобряет он или же осуждает ее действия. Ванна наполнилась, и Делоре выключила воду. Вышла, оставив дверь открытой. Ноги привыкли к холоду воды, пальцы больше не сводило.

Дотащить дочь до ванной оказалось нелегко – Делоре совсем ослабла. Исходящее от детского тельца тепло показалось промерзшей Делоре жаром.

С облегчением положив Милли в ванну, Делоре присела на край, вглядываясь в лицо дочери сквозь слой прозрачной воды. Из рта Милли вырвались несколько пузырьков. Волосы поднялись к поверхности и походили на водоросли. Де-

лоре припомнилось, как в детстве она купала свою куклу – могла бросить ее в ванну и так оставить на час. «Но Милли не кукла, и сейчас все так реалистично, – подумала Делоре. – Как будто происходит на самом деле».

Милли дернулась, и Делоре прижала ее ладонями ко дну ванны. Переждать всего-то три минуты, а затем мозг начинает умирать – она где-то читала об этом. Сама Делоре, по рассказам матери, родилась вся синяя. Докторам пришлось повозиться, чтобы заставить ее задышать. Вероятно, ее мозг был значительно травмирован. Ведь должно же быть какое-то объяснение, как она может совершать такие ужасные вещи. Ведь если только задуматься... так страшно.

Милли, как маятник, раскачивалась между желанием выжить и тяжелым химическим сном, то дергаясь, то замирая. Делоре закрыла глаза, пытаясь не замечать поднимающуюся внутри волну сопротивления. *Она должна избавиться от дочери... Зачем? Потому что она мешает. Потому что он убил их.* Но зачем, проклятье, зачем?! Ее зрачки метались под веками. Это чувство... как будто падаешь в обморок... все непонятное и черное, и вдруг – квадраты белого кафеля... и вьюга, составленная из красных точек... и потом все стало красным.

Милли кричала – не по-настоящему, конечно. Какой крик возможен там, где нет воздуха? Кричала только ее душа, не задействуя связки и горло, но Делоре все равно слышала. Так Милли не вопила даже на той лесной прогулке, когда

возле самого ее носа вдруг свесился огромный серый паук, раскачивающийся на паутинке...

– *Хватит*, – раздался знакомый низкий голос.

Слово задело ее, но ее чувствительность была слишком низкой, чтобы оно смогло ее потревожить.

– *Хватит*, – повторил голос. Повелительно, с нажимом.

Делоре замерла. Сквозь стекло воды на нее смотрели широко раскрытые, полные ужаса глаза дочери. Делоре огляделась. Никого. Впрочем, она не могла быть уверена в объективности того, что видит в данный момент. Возможно, где-то существует реальная версия этой ванной комнаты, где под ногами не плещет ледяная черная вода и над плечом Делоре нависает торикинец, шокированный происходящим. Кто знает? Для Делоре все заслоняли видения.

– *Давай, быстро!* – пулей вонзилось в ее затылок.

Делоре подскочила, как пружина.

– *Мы должны вытащить ее!* – голос торикинца исходил прямо из пустоты.

Милли все еще смотрела со дна ванны, но теперь куда-то в сторону от Делоре. Искаженный водой, изумленный, ничего не понимающий, сонный взгляд. Уже пустеющий. Делоре всхлипнула и рывком потянула дочь на себя. На этот раз тело Милли как будто бы вовсе не имело веса. Нилус, вдруг возникнув поблизости, коснулся плеча Делоре мягкими, холодящими пальцами, безмолвно выражая свое разочарование.

– Уйди, пожалуйста, – сказала Делоре глухо. – Я прошу

тебя, оставь меня в покое.

И он отступил. Если бы Делоре могла плакать, она бы плакала. Мысленно же она ревела как ребенок.

Она сама не поняла, каким образом Милли оказалась на диване в гостиной, извергая потоки воды на зеленую обивку. Нужно что-то делать. Принести одеяло? Вызвать скорую? Делоре была перепугана как никогда в жизни и двигалась суетливо и бессмысленно. У нее дрожали руки. В голове меркло.

Затем она обнаружила себя в машине – свернулась клубком на сиденье. Темнота была прозрачна, ровно светили фонари. Но Делоре казалось, что машина движется сквозь клубы черного дыма. Ее свитер и джинсы были мокрыми насквозь, и только ступни – сухими. Делоре обернулась и увидела на заднем сиденье Милли, закутанную в одеяло.

Запомнилось обрывочно: золотистая лампочка над входной дверью захудалой местной больницы, длинный коридор с лампами дневного света. Все загадочно и нереально, словно во сне явилось. Впервые в жизни Делоре просияла при виде врачей. Мужчина и женщина... Тяжелые, вопрошающие взгляды. Делоре едва соображала, что ей говорят, но понимала, что объясняться придется. Когда Милли забрали у нее, она с облегчением подумала: «Все будет хорошо... теперь... когда Милли не со мной».

Вконец обессиленная, Делоре села на обтянутый искусственной кожей диванчик в коридоре и наклонилась к коле-

ням, не способная удерживать собственную голову.

В больницах словно параллельное измерение, где время идет иначе – одна минута тянется как пять. Особенно когда ждешь новостей, опасаясь за чью-то жизнь. Вот бы проснуться... обнаружить, что ей все только приснилось. Что она не сделала ничего плохого. Что Ноэл жив, пусть они больше не вместе, но жив. И по выходным они по-прежнему прогуливаются в парке вдвоем – хотя бы ради Милли. «Если Милли... если она...» – думала Делоре, даже мысленно не решаясь произнести это слово. Ее знобило от страха. Ладони и пальцы белые, словно из гипса... этими руками она убивала свою дочь. Какая она мать после этого? И дыхание делалось частым-частым... Ее тянуло, волокно к краю, но она не позволяла себе рухнуть в истерику. Не сейчас, Делоре, потом. Дыши ровно.

Пару-другую вечностей спустя подошла медсестра. Делоре посмотрела на нее с безмолвной надеждой – сначала снизу вверх, сидя на диване. А потом она встала, и прямые взгляды соединили их, как прочные веревки. Все в порядке. Девочка спит, но она проснется. Теперь Делоре предстоит ответить на несколько вопросов. Как так получилось, что ребенок наглотался таблеток и уснул в ванне? Глаза медсестры метали молнии: «Попытайся найти убедительное объяснение».

Но Делоре ничего не могла придумать, поэтому просто смотрела на медсестру. У той были выющиеся, как у Селлы, светлые волосы. Круглые голубые глаза. Она походила на

принцессу. Одну из тех, что были изображены в книжках, которые Делоре покупала для Милли. Прошла минута или две. Делоре все так же пялилась на принцессу и молчала.

Принцесса нахмурилась.

– Пойдемте со мной, – сказала она. – Вам следует дождаться приезда полиции. В подобных случаях мы обязаны уведомить их.

Но Делоре мотнула головой.

– Не могу. У меня срочные дела.

И, развернувшись, быстро-быстро зашагала мимо белых дверей по длинному коридору с голубым полом. Принцесса не отставала. Тогда Делоре побежала. Вперед, до темно-синей двери на лестницу.

Захлопнув за собой дверь, Делоре спустилась по лестнице – не торопясь, спокойно восстанавливая дыхание (едва ли медсестра рискнет сцепиться с ней врукопашную – они примерно одного веса). Привычная темнота...

Стоя возле машины, Делоре сунула руку в карман, но ключа не нащупала. Дернув дверь машины на себя, обнаружила, что та не заперта. Ключ торчал из замка зажигания. Делоре включила свет в салоне, пытаясь отогнать от себя тоску, выходящую из мрака. Пригладила волосы. Завела машину и поехала медленно и торжественно, точно вела катафалк. В каком-то роде так оно и было, ведь женщина в машине была без нескольких часов мертва.

У Делоре еще не было четкого плана, но, вероятно, он как-

нибудь сам собой сложится. Машина скользила плавно, мягко. Как по вате. Невыносимо тихие улицы... Как будто ночь не закончится никогда, как будто дневного света и вовсе не существует. Она дрожала от холода в своем все еще влажном свитере. Надо заехать домой за пальто.

Что-то не так, почувствовала Делоре, приближаясь к плотно закутанному в темноту дому. По крыльцу стекала вода... что происходит? Делоре припомнила, что оставила свет на кухне включенным, но сейчас все окна были черны. Она приложила к двери ухо и прислушалась. Ни звука. Сквозь дверь сочился мокрый холод.

Не решившись войти, Делоре прошла по саду и заглянула в окно. Среди непроглядной черноты она улавливала движение там, внутри. «Вода?» – подумала Делоре, и что-то белое проползло (провели ладонью?) по внутренней поверхности стекла. Делоре сдавленно вскрикнула, отпрыгнула и побежала прочь. Темнота впивалась в нее, как сотни ос.

Ее сознание менялось, все меньше принадлежало ей, и все больше – чему-то большому, беспокойному, черному. В то же время какой-то крошечный участок ее разума оставался прежним. Сравнивая прежнее и новое, Делоре понимала, что сошла с ума. Этот вариант куда вероятнее того, что ее дом действительно наполнен водой. *Меня затопило до самой крыши!*

– Ну ладно, – пробормотала Делоре и сунула руки в карманы джинсов.

Что еще она могла сказать? Безумие всегда неожиданно. Не успеваешь приготовить хоть сколько-то сносную приветственную речь. Оно напоминает скольжение по обледенелым склонами... ниже и ниже, и все попытки задержаться, остановить падение, приводят лишь к тому, что ударяешься больнее.

Хотя какая разница? К чему Делоре цепляться за нормальность, если ей уже не сохранить даже саму себя? У мертвых нет психики. Да и вообще все просто и банально до жути. Сумасшествие – это как воскресная газета. Кто-то читает ее, кто-то не читает. Если ранее Делоре не получала воскресную газету, это вовсе не значит, что существование газеты противоестественно и странно, верно? И если по ошибке почтальон бросил газету в ее почтовый ящик, то это просто невезение, но никак не ее личное, Делоре, преступление. Она просто прочла газету, может быть, только несколько первых страниц. Разве можно винить ее за это? Кажется, нет...

О чем она вообще? Запуталась... оборванные нити в голове изнуренно повисли.

Спрятавшись от уличного холода в машине, Делоре посмотрела на себя в зеркало над ветровым стеклом. В тускло освещенном салоне тени, пролегли под ее глазами, казались фиолетовыми, как синяки. Лохматые волосы торчат во все стороны. Настоящая ведьма.

– Пора... – поторопила себя Делоре и нервно втянула воздух. Ей хотелось, чтобы ночь закончилась – сколько еще вяз-

нуть в этом чернильном мраке. Ей хотелось сигарету. Ей хотелось заплакать. А-а, неважно. Руки так и тянулись к волосам. Зубы вонзались в нижнюю губу. Ну что не так, Делоре? Ведь знаешь – хуже не будет. Почему тогда не можешь успокоиться?

Обогнув дом, она заметила торикинца. Вероятно, он давно находился здесь, но не счел нужным обнаружить себя. Неподвижный, окруженный темнотой, он походил на собственный призрачный фантом. Он молчал. Делоре попыталась расслышать, о чем он думает, но его мысли оказались слишком хаотичными и обрывочными, чтобы разобраться в них. Все, что она поняла: он спорит. Приводит аргументы и сам же разбивает их в пыль. Его сомнения, должно быть, ощущались как боль.

Делоре смотрела на него и знала, что и он смотрит на нее – выжидающе, вопрошающе, отчаянно. «Останови меня, – мысленно попросила она. – Только ты и можешь остановить. Если ты этого не сделаешь, это будет все, конец. Тебе же будет так жаль...»

Она свернулась клубочком на дне глубокой ямы ожидания. Одну минуту... только минуту... минута прошла. Торикинец молчал и не двигался с места.

Она была слишком усталой, чтобы сожалеть или злиться. Поэтому просто опустила окно и сказала:

– Пока, – а затем нажала на газ. Вот молодец, вежливая девочка. «Прощай» было бы уместнее, но это слово вызыва-

ло у нее отвращение. Не только сейчас. Всегда.

Торикинец остался позади, провожать ее взглядом; исчез из поля зрения, пропал из ее мира. И сразу стало так одиноко. Пусто и гулко, как в доме после того, как его жильцы съехали, оставив строение под снос.

А городок очень мил в свете фонарей. Тесноватый, но симпатичный. Такие вот провинциальные ровенские городишки всегда тесноваты (или это Делоре так кажется после гигантизма Льеда?), но зато в них очень чисто. До того чисто, что любая грязь, устыдившись себя, устремляется прочь. Вот и Делоре устремилась... Но и в Роане она не нашла покоя, жила как в изгнании. Вроде и не хотелось вернуться, но постоянно чего-то не хватало. Да и Ноэл в последние годы больше походил на безразличного наблюдателя, чем на спутника жизни.

(Ты уже совсем его не любишь... после некоторого количества совершенных по отношению к человеку мерзостей привязанность к нему блекнет, а уж после того, что ты сделала, Делоре, ты должна вспоминать о нем с отвращением и неприязнью – потому что он вечное напоминание о том, какая же ты дрянь.)

Не надо Ноэла. И снова пусто; и почти не страшно. Делоре осознала, что уже добралась до выезда из города. Окно все еще открыто, наверное, холодно, но она этого не чувствует, так что без разницы, разве что пальцы неприятно онемели.

Развилка впереди. А вот что жизнь оставила ей хоть ка-

кие-то варианты, Делоре не была уверена. Она потеряла дочь, дом, ее физическое состояние ужасно и продолжает ухудшаться, разум едва теплится. Так не стоит ли просто закончить эту безнадежную историю сейчас, не дожидаясь драматичной кульминации? Но что ей сделать с собой? Ее первоначальный план наглотаться таблеток и утопить себя в ванне сейчас мало осуществим. У нее нет пистолета, нет яда, нет ножа. Ей доступно море – почему бы не растворить себя в нем, словно таблетку в стакане воды. Но, во-первых, что-то не позволяло ей вернуться назад, к побережью, а во-вторых, даже мысль о том, чтобы захлебываться в ледяной, соленой до рвоты, воде казалась нестерпимо отвратительной...

Продолжая обдумывать варианты, Делоре наугад развернула машину направо.

Тающий в темноте асфальт... Однообразие вида, движение и легкая тряска вызывают состояние, близкое к трансу... не реальность... не сон... а где-то на грани, на нейтральной тропинке, проходящей между ними. Зубы застучали о зубы... Все-таки замерзла. Свитер так и не высох. Конец октября... ночь...

(А тогда был день.)

Пожалуйста, пожалуйста, можно я не буду вспоминать об этом сейчас, когда темно, будто в кошмарном сне, и до смерти еще слишком много времени?

О том, как она и Ноэл...

Белые, как молоко. Ну и как снег, конечно. Скалы действительно походили на сугробы. Под ногами каменная поверхность, слишком гладкая, чтобы Делоре чувствовала себя уверенно. Она не понимала смысла этой поездки – удовольствия от окружения и общества друг друга они явно не получали.

И вообще, с чего бы эта несвойственная Ноэлу суета? В пятницу он проснулся еще до рассвета и слонялся по кухне, наполняя ее сигаретным дымом (двенадцать окурков в пепельнице; да, Делоре пересчитала, неврастеничка безмозглая). Затем вдруг выдал предложение: «Съездим куда-нибудь вместе». Он даже готов взять отгул на работе. Отгул? Серьезно? Ноэл не брал отгулы.

К вечеру он не отступился от своего намерения, вернувшись с работы с готовым планом. Они отправятся в Белый Камень. Посмотрят знаменитые белые скалы, пару дней проживут в гостинице, где-нибудь поближе к природе. Делоре никуда не хотелось ехать (у нее болела голова, зуб мудрости и что-то еще), но в итоге она сидит в машине и припоминает насмешливую улыбку матери Ноэла. Та согласилась принять Милли, выдав напутствие: «Насладитесь компанией друг друга». Эта стерва умеет подколоть.

Первый же час пути убедил их, что следовало остаться дома. Звон нервов заглушал шум двигателя. Ноэл даже не пытался завязать разговор, и Делоре ужасно злилась на него,

так, что самой становилось плохо.

Белые скалы ей не понравились. Здесь... как во сне. Причем сон из тех, что начинаются относительно мирно, а к финалу преобразуются в кошмар. И все белое-белое, как мукой обсыпанное. Глаза Делоре устали от белизны, но отдохнуть им не на чем – Ноэл вырядился в тот же раздражающий цвет. Делоре же схватила первые попавшиеся вещи: черные футболку и джинсы. «Может, в этом все дело?» – подумала она.

Ноэл в белом, Делоре – в черном. Он много работает. Она целыми днями слоняется из угла в угол, не зная, чем себя занять. Он так *продуктивен*. Она так ничемна. Ей надо было найти его, чтобы осознать всю степень своей ничтожности. Он здоров и ухожен. У нее вечно больной и сонный вид. Было бы с чего! Она же просыпается не раньше десяти, и все равно чувствует себя измотанной. Утро Ноэла начинается в шесть. Когда он уходит, она еще спит. Когда приходит – уже спит. Его как будто и вовсе нет в ее жизни. Несостыковка графиков... несоответствие во всем.

Делоре знала, что уши могут разболеться от шума, но и от тишины, как выяснилось, тоже. Она впилась взглядом в спину Ноэла, бредущего впереди. «Скажи что-нибудь. Что рад быть со мной. Что все еще любишь меня – хотя бы чуть-чуть, в глубине души». Ни единого слова от Ноэла. Даже не оглянется посмотреть на нее.

Делоре вспомнила, что в начале отношений Ноэл всегда брал ее за руку на улице. Нет, лучше не вспоминать – слиш-

ком уж неприятен контраст между тем, что было, и тем, что есть. «Я его больше не знаю, не понимаю, – изумленно осознала Делоре. – И даже не доверяю, пожалуй. Может, это просто кризис? Женщина и мужчина, столько лет вместе – периоды охлаждения и конфликты неизбежны. Но неужели какой-то кризис может вмещать в себя такое... отчуждение?» На секунду она увидела Ноэла новым взглядом, очищенным от фильтров надежд и заблуждений. Вот он: замкнутый, недоступный, едва способный терпеть ее присутствие.

«*Мы на грани слома*», – обреченно призналась себе Делоре и скрестила руки, ощущая под пальцами выступившие на предплечьях бугорки. В солнечный летний день она задрожала от холода.

Когда они ссорились, Ноэл никогда не показывал Делоре своей обиды, раздражения или грусти. Он просто уходил в другую комнату и плотно прикрывал за собой дверь. Даже ночью, когда они лежали на одной кровати – каждый под своим одеялом, – он оставался мысленно отдаленным. Он переживал свои чувства в одиночестве, успокаивался и возвращался к ней. Но в последние годы для этого требовалось все больше времени. И однажды... он не вернулся, что случилось не сегодня, не вчера, и даже не месяц назад – просто Делоре не хватало мужества признать это. Она отчетливо увидела перед собой стену: гладкий цемент, скрывающий кирпичную кладку, давно высохшая побелка. Как будто двери никогда и не было.

– Ноэл, – позвала она дрожащим голосом.

– Что? – спросил Ноэл, не оборачиваясь.

– Ничего, – пробормотала Делоре и пнула камень, попавшийся под ноги.

Тропинку, петляющую среди скал, покрывала пыль, белая, как известка. Оседая на ее черных кроссовках, пыль была видна очень отчетливо. «Как будто прогулялась по огромному пирогу, посыпанному сахарной пудрой», – рассеянно отметила Делоре и ощутила готовность атаковать.

– Зачем это все, Ноэл?

– Что – это все?

Неужели так сложно посмотреть на нее?

– Зачем мы сюда приехали? В целях разнообразия: не обращал на меня внимания там, а теперь не обращаешь на меня внимание здесь?

Он остановился. Делоре тоже. Их разделяло пять шагов – или пять тысяч, смотря в каком смысле.

– Я надеялся, что, вдали от будничных проблем, мы снова сможем общаться друг с другом. Вспомним, как хорошо нам было вместе. Нашушаем нить из этого лабиринта неприязни.

– Мы не смогли, – горько усмехнулась Делоре.

– Да, не смогли, – Ноэл развернулся к ней. – Все не так. Все тщетно. Я сдался на полпути. Я просто не знал, как сказать тебе об этом.

– С каких это пор *ты* чего-то не знаешь, Ноэл?

Он наконец-то посмотрел на нее – спокойно, холодно, и

в мире Делоре возникли первые искажения. Вероятно, уже в тот момент ей стало страшно. Большинство женщин чутко предугадывают тот момент, когда их бросят. Самые умные даже успевают бросить первыми. Все же Делоре возразила – с таким упорством, будто сама себе верила:

– Мы всего-то проходим черную полосу. Не стоит придавать значения временным трудностям. Если сейчас ты сорвешься, ты пожалеешь о своих словах позже, – она уже не считала, что молчание – это плохо. Бывают еще более неприятные разговоры...

– Это не черная полоса. Это зола, оставшаяся от наших отношений.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– У нас нет ни единого шанса что-то исправить, Делоре.

– Ну хватит, Ноэл, – улыбнулась Делоре. – К чему этот пессимизм?

– При чем здесь пессимизм? – возразил он с раздражением. – Ты слышишь, что я пытаюсь тебе сказать? Мы должны остановиться.

Солнце замигало, словно перегорающая лампочка. В прерывистом свете лицо Ноэла искажалось, кривилось. Стало неузнаваемым.

– Остановиться? – тупо переспросила Делоре.

– Мы должны расстаться.

– Ты уезжаешь? Снова командировка?

– Нет, Делоре. Развестись, – недовольно объяснил он, и в

его глазах мелькнуло колючее: «Ну как ты не понимаешь?»»

И сразу стало очень тихо. Делоре вглядывалась в его лицо.

– Пожалуйста, не надо, – пробормотал Ноэл, отворачиваясь от нее.

– Что – не надо?

– Не смотри на меня так, будто я тебя убиваю.

– Ты меня убиваешь.

– Нет, Делоре. Это *ты* меня убиваешь. И знаешь об этом.

– Нет, – Делоре заплакала – мелкие, мелкие слезы, но они посыпались ей на щеки, как бисер. – Нет! Я люблю тебя.

– Да. И убиваешь одновременно.

Изнутри, из самой глубины ее души, поднималась паника, заполняя, подчиняя себе все ее существо.

– Как ты можешь... бросить меня? Когда ты... когда я...

– Пожалуйста, не плачь, Делоре... Делоре, это не может так продолжаться. Это страдание, ты понимаешь?

– Но я люблю тебя! – закричала она.

– Но ты меня убиваешь! – Ноэл шагнул к ней, и Делоре отшатнулась. – Даже сейчас, когда ты смотришь на меня так печально, я замечаю твою ярость. Ты как яд, Делоре. Как кислота. И ты меня разъедаешь.

Делоре по-детски всхлипнула. Когда Ноэл потянулся к ней, она со вскриком оттолкнула его. Она уже вся была сплошной болью, и ей было невыносимо его ранящее прикосновение.

– Пожалуйста, успокойся, – голос Ноэла звучал спокой-

но. – Поговорим разумно, мы взрослые люди. Я не хочу причинять тебе вред. Я только хочу... чтобы и ты не вредила мне. Иногда все, что мне нужно от тебя, – чтобы ты улыбнулась, Делоре. Перестала смотреть с такой болью. Откуда в тебе это стремление истязать себя? Зачем? – он протянул ей руку, ладонью вверх. Делоре не отреагировала. – Когда-то я думал, что смогу изменить тебя, исправить. Но я не справился. Ты осталась такой, как есть.

– Нет, со мной все было в порядке. Это ты все испортил! Не подходи ко мне! – Делоре наткнулась на преграду, отступая. Скала за ее спиной была такой же твердой, как ее сердце. – Убирайся прочь. Ты... как все. Вы все боитесь меня... Нееет, – она всхлипнула. – Нет, пожалуйста, давай попытаемся еще раз! Я всегда буду веселой и радостной! Я буду...

– Делоре, ты же понимаешь, что это невозможно.

– Дай мне возможность хоть что-то сохранить!

– Единственный способ для *меня* сохранить хоть что-нибудь, Делоре, – это уйти.

Делоре сползла на землю. Вокруг было так темно, она ничего не видела. Ноэл попытался поднять ее, но она оттолкнула его изо всех сил. Вокруг все падало, рушилось, рассыпалось. Как будто мир вдруг сжали, ломая, в огромном кулаке. И все так непонятно; нет направлений, слов, смыслов, ничего. Пустое небо над развалинами.

Наверное, он никогда не принадлежал ей. Это она была вся им пропитана, как лист бумаги водой, а в его душе все-

гда оставалась часть, для которой Делоре не существовала. Иногда Делоре хотелось, чтобы он ударил ее. Она устраивала истерики. Она была такой отвратительной и злобной, какой только могла быть. Она почти умоляла, чтобы он сорвался. Но он никогда этого не делал. И она оставалась с голодным беспокойством внутри, едва дыша от желания, чтобы он вбил ее в пол, рвал ее волосы, растерзал ее и превратил в бессмысленно хнычущее окровавленное нечто, лишившееся человеческого облика...

Она хотела ощущать свои губы разбитыми, свои пальцы – сломанными. Что угодно с ее телом, лишь бы она никогда не ощутила свою душу выброшенной. Но, будь он проклят, он был так терпелив. Он решил поиграть в героя, и ничто не могло заставить его выйти из роли. Он не освободит свою ярость в омерзительном насилии, что вы. Он будет копить ее и копить, пока однажды не поймет, что уже невозможно жить с таким гневом – и тогда он бросит ее, Делоре. Навсегда.

Делоре обняла колени Ноэла. *Все бесполезно.* Он не останется. Накажет ее сразу и за все, сегодня. Неужели ты думала, Делоре, что кто-то простит тебе то, что ты делаешь, что ты и что с тобой: твои уныние, раздражительность, замкнутость, неуверенность, беспомощность, противоречивость, жестокость, одиночество и ненужность? Нет. Как вообще тебе могла прийти в голову такая нелепая идея?

Ноэл вырывал себя из нее вместе с ключьями ее плоти. Видимо, его кожа оказалась плотнее, не оставляя даже части-

цы. И там, где раньше был он и где теперь его не было, оставались зияющие пустоты. Она чувствовала не столько потерю, сколько страх остаться с этими пространствами. Но она уже заполняла их – гневом, болью, мстительностью. Она бы сказала себе, что не права, если бы могла говорить; подумала бы так, если бы могла думать. Она прижималась к Ноэлу и начинала его ненавидеть.

Он погладил ее волосы (какое безразличное прикосновение – «я понимаю, что значит нести ответственность; я продолжаю о тебе беспокоиться, даже если мне все равно»), а затем начал отталкивать. Но ногти Делоре превратились в когти, и она вонзала их в него – все глубже и глубже. Вот сейчас ты мой, Ноэл. Я вырву из тебя душу и оставлю ее себе.

Он отбросил ее. Делоре то ли плакала, то ли смеялась – она сама бы уже не разобралась.

– Ну так уходи, – сказала она, и земля вздрогнула.

Ноэл бежал от нее. Странно, она впервые видела его бегущим. Она-то думала, он умеет только ходить с важным видом человека, который всегда занят, но никогда не опаздывает. Землю снова тряхнуло, и Делоре упала. Лежа на жесткой неровной поверхности, она чувствовала сильные толчки, поднимающиеся из глубины, слышала, как падают камни. Мы были вдвоем, Ноэл, и сами на себя не похожи, пока мы вдвоем. Но теперь мы разделились и стали прежними. Когда ты стал собой, ты бросил меня. А когда я стала собой, я...

Она приподняла голову и увидела, как Ноэл, вскидывая руки, исчезает под осыпающимися камнями.

...я тебя убила.

Делоре больше не могла выносить душную тесноту внутри машины. Она распахнула дверь и выскочила наружу, хватая ртом воздух. Как-то ей удалось пройти несколько шагов к обочине и не упасть. Тело было тяжелое, негибкое, неуклюжее, в голове мутно, и крошечная тьма вокруг, плотная, как вода.

Ее мир утонул... Делоре согласилась бы плакать и кровью, да хоть до смерти. Все прошлые огорчения казались ничтожными на фоне того отчаяния, что раздирало ее сердце сейчас.

– Мне все равно, – произнесла она, но эти слова были сломаны и не работали больше.

Все ее теории, оправдания и утешения стремительно разрушались, разлетались в пыль, покрыли ее волосы, одежду и кожу. Она все время лгала себе... говорила что угодно, кроме того, что есть на самом деле.

Ну же, впервые, скажи правду...

Правда убьет меня.

Ты умрешь в любом случае.

Делоре покачнулась. Она кричала бы во все горло, если бы была надежда, что от этого станет хоть чуточку лучше. Боль

даже в кончиках волос – она и не предполагала, что такое возможно. Неужели ее вина столь значительна?

(Начнем?)

(Со мной не происходит ничего страшного.)

(Временами с тобой действительно не происходило ничего страшного.)

(Я просто сошла с ума. Я нуждаюсь в психиатрической помощи. Неделю в стационаре – и все встанет на место.)

(К сожалению, нет.)

(Это просто не может быть реальностью.)

(Это реальность. Очень скверная реальность.)

(Я не убивала его! Землетрясение... камень обрушился ему на голову... при чем здесь я? Кто докажет, что я к этому причастна?)

(Никто не докажет, но тебе-то известна правда. Ну так что: убедились, что ты сильнее его? Успокоила свою гордость?)

(Я ненавижу его!)

(Ты ненавидишь себя за то, как поступила с ним. И это чувство вины останется с тобой до последнего вдоха.)

(Я ни в чем не виновата.)

(Боль – это наказание за твои преступления. Попробуй отрицать боль.)

(Мне не больно.)

(Больно.)

(Нет!)

(Да.)

(Нет.)

(Да. Очень, очень. Больно до смерти.)

Делоре вскрикнула, но крик поглотила темнота, и после пришло ощущение немоты. Ехать, куда угодно. Куда-то, где есть свет. Охваченная лихорадочным возбуждением, она запрыгнула в машину.

А в тот день, в тот далекий день (прошло две недели или около того) она подумала: «Провинциальные бредни». Она уже скучала по своей неосведомленности.

Ее родители любили, но боялись ее. И если поначалу было больше любви, то со временем – все больше и больше страха. Вполне оправданного, учитывая, что в итоге она прикончила их обоих. Другие дети испытывали к ней неприязнь и издевались над ней. Мальчик, в которого она была влюблена и который был влюблен в нее, предпочел с ней не связываться. Единственная в жизни подруга предала ее. Почти все время у нее что-то болело, и она просто сгусток боли сейчас. Каким-то чудом став матерью одного ребенка, она так и не смогла родить второго. Таблетки, слезы, страдания, порезы, убийства и одиночество – вот что ее жизнь. И все это – только потому, что люди придумали наиглупейшее объяснение поступкам безумца и сами же себе поверили!

Делоре смотрела на дорогу перед собой остекленевшим взглядом. Возможно, ты не такая уж мерзкая личность, Делоре. Но они решили, что фиолетовые радужки – это плохо,

и сменить цвет своих глаз ты не можешь. Просто прими это – они превратили тебя в нечто, причиняющее вред и себе, и им, а потом сказали: убей себя, ты опасна. Она в ярости. Как изжить этот гнев?

О, ты знаешь способ, Делоре. Почему бы не покуражиться напоследок? Ты ведь хочешь начать убивать? Всех, на кого взгляд упадет – буквально. Заставь их страдать, как они тебя. Будь глуха и равнодушна к их боли – ведь они тебя не пожалели, не попытались помочь. Этот мир живет по законам мести, и ты законопослушна, но ты не преступница.

Насмешливый голос в голове старался ее немного урезонить, но остановить не пытался: «Ты останешься вечным подростком, Делоре. «Меня никто не любит, меня никто не понимает, до меня никому нет дела, потому что я такая отвлеченная» – разве это взрослые мысли? А тебе двадцать девять лет... нет, уже тридцать – это многое меняет, да? Ну улыбнись же – когда твое отчаянье проходит полный круг, тебе становится так весело».

Ей действительно стало весело. Во всяком случае, она смеялась. Она жалела, что при ней нет ее таблеток. Она проглотила бы их все, одну за другой.

Приступ нездоровой эйфории продлился недолго. За ним пришло выжидающее спокойствие. Ее мысли бродили далеко-далеко, не приближаясь. Темнота поблекла? Да, действительно. Но Делоре слишком устала для того, чтобы радоваться. И промерзла насквозь – красный лед в венах. Впереди

замерцали огни. Ужасно хотелось кофе. Аж в горле першит. Возле заправки должна быть какая-нибудь забегаловка, всегда есть... Поколебавшись с минуту, Делоре все-таки решила, что, даже в такой ситуации, незачем лишать себя чашки кофе. *Тем более* в такой ситуации.

Поравнявшись с огнями, она свернула на маленькую парковку. Темнота стремительно блекла, и оранжевые буквы на мусорном баке прочлись без труда: «СТЕКЛО». Как только Делоре подошла к двери, щелкнул замок, и чьи-то руки с длинными пальцами перевернули табличку с надписью «Закрыто» обратной стороной, извещающей: «Открыто». Делоре просмотрела расписание работы кофейни, указанное на двери (буквы и цифры, нарисованные белой краской с помощью трафарета). Ого, значит, уже 5:30 утра. Она провела бессонную ночь, но на фоне боли усталость казалась ничем.

Она распахнула дверь и шагнула внутрь. Вместо холода улицы ее окружило мягкое тепло.

– Доброе утро, – услышала она приветствие. – Вы как раз к открытию.

Приблизившись к стойке, Делоре посмотрела сквозь горящего.

– Кофе, – сказала она. – Без сахара.

Она села на высокий табурет. Щелчок – включили кофеварку. Делоре просидела пару минут неподвижно, горбясь и с такой силой зажимая кисти рук между коленями, что пальцы заныли. Вокруг все было желтым, оранжевым и красным.

Приятное сочетание, согревающие цвета. Вероятно, симпатичный интерьерчик, но ей он виделся размытым и тусклым. Делоре встала и прошла в туалет.

В прохладном, гулком помещении слабо пахло хлоркой. Наклонившись к раковине, Делоре заметила прозрачные разводы моющего средства на зеркале. Она вымыла руки, ополоснула лицо. Не воспользовавшись бумажным полотенцем, дождалась, пока капли на коже высохнут. Вторая, отраженная зеркалом Делоре, замершая на фоне зеленой кафельной стенки, смотрела на нее холодным, затравленным взглядом. Глаза сверкали поразительно ярко. Вторая Делоре... которой она всегда боялась. Впрочем, второй Делоре не существует. Только она одна да ее отражение, демонстрирующее то, что она не желает видеть и чего не желает в себе признавать.

Чья-то забытая заколка-невидимка возле раковины. Делоре подняла ее и поднесла к самому носу, рассматривая. На невидимке шесть красных камушков. Седьмого не хватает – вместо него пустое углубление со следами клея. Делоре провела кончиком заколки по ладони – острая, такой можно и поцарапаться. Снова посмотрела на себя в зеркало. Ну и вид. Отвратный свитер; почему она его не выбросила? Спутанные темные волосы... Не хватаетдохлых мышей, привязанных к поясу, и торчащих изо рта длинных желтых зубов. Ну, просто чтобы соответствовать стереотипам. Делоре фыркнула. *А я и не говорила, что независима от людского мнения.*

И все же фиолетовый – такой красивый цвет. В него падаешь и падаешь. В нем тонешь, как в безумии. Ее глаза сверкают, как аметисты. Сама Делоре разбита до основания... но в ее взгляде жизнь, сила, ярость... лихорадочное веселье. Неужели... этого не может быть... она точно свихнулась...

Губы отраженной Делоре истерически скривились, и ее губы, значит, тоже.

(Скажи-скажи-скажи... никогда не говори, и даже не думай – тебе все это нравится? Собственная суетливая агония – разве не забавно? Право быть злой – разве оно не вздымает настроение до небес?)

(Я счастлива, да, наконец-то.)

Улыбаясь и пристально глядя в глаза своему отражению, Делоре поднесла заколку к правому глазу.

– Мои фиолетовые глаза свели меня с ума, – произнесла она глухим, устрашающим голосом – явно переигрывая. – Если я избавлюсь от них, я смогу вернуть себе разум?

Почему бы и нет? После того, что она уже с собой проделывала, в этом не будет ничего особенного. Однако прежде, чем острый кончик заколки коснулся глазного яблока, веки инстинктивно сомкнулись. Делоре положила заколку. Глупо. Если бы проблема решалась так просто...

Она оперлась на раковину (холодная, мокрая поверхность раковины под ладонями; это ощущение не даст разуму отключиться). Боль мигала, словно лампа дневного света. Делоре уже несколько часов как следовало быть мертвой, и

только странное упорство или, может быть, мстительность, позволили ей задержаться.

Она подумала о человеке в зале... Плохие мысли, по-настоящему плохие, и как приятно это осознавать. Просто ухватить его душу... потянуть и совсем выдернуть из его тела.

(Зачем тебе убивать его?)

(Просто так. Потому что я могу.)

(И все же – зачем?)

(Потому что я стала злая. Очень-очень злая. Вот до чего они довели меня. И они за это ответят.)

(Этот парень – лично он – ничего тебе не сделал.)

(Они все виноваты. Кроме того, теперь я намерена кусать без разбора.)

Делоре пригладила волосы и вернулась на свое место за стойкой.

– Ваш кофе.

– Спасибо, – прошелестела Делоре почти беззвучно и сунула руку в карман. Пусто. Она зажмурилась, чувствуя, как теплеют ее холодные щеки. – Я забыла кошелек, и у меня нет денег. Извините.

Пауза. Он рассматривает ее. Интересно, что он в ней видит? Делоре прикрыла глаза, пытаясь спрятаться под веками.

– Ничего. Пейте кофе, угощаю. У вас очень усталый вид.

Делоре пожала плечами и придвинула чашку к себе. Тепло под пальцами. «У вас очень усталый вид». Его слова по-

вторялись в ее голове, затихая. Приятный голос. Глубокий, спокойный. Нежный. Ей захотелось взглянуть на его лицо, но она не посмотрела. Нельзя.

Отпив глоток кофе, Делоре потянула к душе юноши невидимые руки. И нашла ее сразу. Он и не прятал. Возьми и сломай. Горло сжалось, Делоре не могла сделать глоток, и кофе, плещущийся во рту, вдруг стал нестерпимо горьким. Почему этот парень не оказался хотя бы чуть-чуть хуже? Она прикасалась к нему, не причиняя вреда, в то время как беснующиеся сомнения разрывали ее саму в клочья.

Парень сделал шаг назад и, сам того не понимая, высвободился из ее робкой хватки. Он нажал на выключатель, и электрический свет погас. Теперь зал заполнял розоватый свет свежего дня.

– Окна обращены на восток, – сказал он. – Мне трудно вставать в такую рань, но восход компенсирует мои мучения. Красиво, правда?

– Пожалуй, – хрипло выговорила Делоре, и ей стало больно до одурения. *Хочу заплакать. Тогда я буду знать, что прощена.* Она жадно глотнула кофе. Обжигая, он горячим потоком спустился в живот. – Я как весы, – выдала она внезапно и закашлялась.

– Как весы? – серьезно переспросил парень. – Что вы имеете в виду?

Делоре наклонила голову, и волосы упали ей на лицо.

– Я... я не знаю, что правильно. И что справедливо. Мои

решения меняются каждую минуту. Все рухнуло и покати-лось... у меня не осталось ничего, кроме ненависти. Следу-ет ли мне просто уйти? Или я должна ответить злом на зло? Какому плану следовать?

Она действительно ждала от него совета. И – смутно – че-го-то еще. Пауза затянулась.

– Я не знаю. У меня нет планов, – наконец осторожно при-знался собеседник. – Я только пытаюсь поступать как лучше в каждую конкретную минуту, не задумываясь о следующей. Ведь в следующую все может измениться, потребуются дру-гие поступки. Не знаю, как лучше это объяснить... Я просто живу сегодняшним днем. Это не значит, что я боюсь буду-щего. Ведь любое завтра однажды станет сегодня.

– Мне вроде бы ясно. Но не у всех «завтра» станет «сего-дня». Для некоторых в этот конкретный день все и оборвет-ся.

– Значит, в последнее «сегодня» нужно стараться еще больше.

На щеку Делоре падал солнечный свет – какое нежное прикосновение. Делоре было невыносимо думать, что она больше не ощутит прикосновений. Она... соскучилась. Как лучше поступить в эту минуту? Ее разум не смог бы отве-тить, но тело ответило: напряжение хищника, приготовив-шегося напасть, ушло. Черные капли злости испарились под солнцем.

И Делоре все-таки посмотрела на собеседника. Симпа-

тичное открытое лицо и спокойный, чуть наивный взгляд. На носу типичная для ровеннца россыпь бледных веснушек. Ему было лет двадцать пять или около того, но, пока не при-смотришься как следует, едва ли дашь больше восемнадцати. Впрочем, у невысоких, щуплых мужчин с гладко выбритыми щеками всегда какой-то мальчишеский вид. Предрас-судок, конечно, но Делоре не воспринимала subtilных пар-ней всерьез, относясь к ним снисходительно. Может потому, что Ноэл был высоким, и она привыкла смотреть на мужчину снизу вверх. Сейчас классификация по росту и весу утрати-ла всякое значение. Как и другие классификации. Давно ее восприятие не было таким чистым, освобожденным от сфор-мировавшихся ранее установок.

– Дайте руку. Пожалуйста, – попросила Делоре, и его пальцы первыми коснулись ее пальцев. Вместе с теплом и шероховатостью его кожи пришло понимание, что он наслы-шан о ней – у страшилок быстрые ноги, а у людей длинные языки. Почему же не боится? Видимо, присмирившего врага можно и пожалеть... Хотя какая разница, если ее жалеют иск-ренне. Это то, что ей требовалось: немножко сострадания.

– Все будет хорошо, – мягко сказал он, поглаживая ее ла-донь.

– Для всех будет лучше, – то ли согласилась, то ли возра-зила Делоре. Теперь она знала, что должна делать.

Ей захотелось рассказать ему, этому взрослому мальчику, о том, как приятно ощутить кого-то рядом с собой в послед-

ние моменты перед тем, как уйти в одиночество смерти. Из ее горла рвались признания: «Я люблю тебя! Люблю, потому что ты последний человек в моей жизни!» Она была права. В этой жизни он действительно стал ее последним человеком.

Он вдруг торопливо заговорил о чем-то, о завтра, которое должно стать сегодня, но Делоре прервала его.

– Не нужно. Спасибо вам...

Она встала. Уходя, она чувствовала на себе его грустный взгляд. Сострадание само по себе не лечит... но все же оно как пластырь на ссадины. Покрывает защитным слоем.

После чашки кофе Делоре чувствовала себя лучше – насколько это вообще возможно в ее состоянии. Боль чуть-чуть уменьшилась, звучала монотонным гулом, как уличный шум в Льеде. Ну что же, начнем наш неспешный путь к эшафоту. Пусть Вирита была неприятная женщина, но она хотя бы избавила Делоре от необходимости выбирать конечный пункт самостоятельно. Прекрасный день сегодня, не правда ли? Лист спланировал, упал на капот ее машины и, соскользнув, исчез из виду.

Небо было цвета молока с примесью кофе. Светлое. Золотистые деревья вдоль дороги (как будто едешь по длинному коридору), названия которых уже выпали из памяти. Тихий покой внутри... Что ж, это объяснимо – она больше никому не причинит вреда.

Ее безмятежное чувство растворилось, как только она увидела Плато. Местные жители называли эту широкую

плоскую гору «Стол Урлака», но богоненавистница Делоре предпочитала более прозаичное название. От шоссе, как ручеек от реки, отделялась узкая тропинка и, обвивая Плато, поднималась к его вершине.

Делоре вышла из машины, посмотрела вверх. Путь не сложный, но изматывающий. В детстве она его не одолела. Она расплакалась, отец рассердился на нее, мать рассердилась на отца, и они уехали домой. В дороге Делоре смотрела в окно, вытирала нос кулаком и в тысячный раз думала, что от нее одни неприятности.

Стол Урлака... хм... стол для жертвоприношений? Но не в этой стране, что вы. Это в Кшаане боги питаются плотью и кровью. Ровенские выжирают душу. Делоре слегка пошатывало. Как давно она что-либо ела? Сложно вспомнить. Она поднималась по тропинке. Пока терпимо. «Еще полчаса, – подумала Делоре, – и я достигну вершины...»

Не нужно думать об этом. Избегай любых мыслей, провоцирующих страх или сожаление.

Однако даже роанские сигареты сейчас вспоминались ей в радужном ностальгическом флере, хотя и ассоциировались с бесконечными ссорами с Ноэлом (изо дня в день, изо дня в день; может, он никогда и не был ей близким?). Ее жизнь, волю, воспоминания, вещи, все, что еще принадлежало ей, вырывали прочь у нее, и она могла лишь выпустить когти и усилить хватку, сознавая, что отдать все равно придется. Пусть даже вместе с когтями.

Дыхание Делоре стало прерывистым. Почему тот мальчик был так добр к ней? Почему кофе – таким вкусным? Почему наступивший день столь прекрасен? Или ей только кажется? И ее дочь... неужели она больше никогда не увидит дочь? Делоре ощущала тоску всем телом.

Стоя на тропинке, она посмотрела вниз. Как будто стоишь на крыше пятиэтажного дома. Высоко, но недостаточно. Ей страшно калечить себя. Она хочет умереть наверняка – и быстро, чтобы не успеть почувствовать боль. С нее достаточно мучений. Ни капли больше. Следует дойти до вершины Плато, хотя бы просто из принципа – чтобы не уходить с ощущением незавершенности. Ей вдруг припомнились слова Вириты: «дом богов»... Там, наверху, действительно что-то есть. Нечто, что заставило отца притащить ее сюда. В тот день он источал надежду каждой порой. Он был наивен, уповавшая на высшие силы. Но он всего лишь отчаянно цеплялся за последнюю возможность помочь ей... Все его нотации, придирки и запреты вдруг увиделись Делоре в новом свете.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Колени дрожали, она едва держалась на ногах. «Торикинец расстроится», – подумалось ей. Отчего это ее беспокоит? Какое ей дело до него? И все же какое-то было. На секунду ее придавило свинцовым чувством вины, но она с раздражением отбросила его.

(Что еще придумаешь, чтобы остановить себя? Маски страха.)

Делоре споткнулась о камень, но не упала. Она чувствовала себя такой же обессиленной, как в детстве, когда брела по этой тропинке под строгим взглядом отца, и так же хотела назад. Она боялась не смерти, а потери. Отсутствия продолжения. Она станет ничем – превращение, к которому она еще не была готова. И это желание жить было ее, Делоре, желанием, исходящим из той части ее души, которую проклятие не смогло затронуть.

Измученная вконец, Делоре опустилась на тропу. В колени впились острые камушки. Минута жадного отдыха, и снова вперед. Легкие жгло так, будто она вдохнула разъедающий газ. На влажном лице осел прозрачный слой пыли.

И все-таки она добралась. Место производило странное впечатление – как во сне привиделось. Деревья, открытые всем ветрам, со временем причудливо искривились, кроны переплелись в подобие зеленой крыши. Делоре пошла сквозь этот зачарованный лес, поднятый высоко над землей. Как тихо... и как свободно. Нилуса здесь не было – никогда. Не хотел или не смог; какая разница. Главное, что больше он ее не преследует. Делоре хотелось мыслить самостоятельно.

Она все еще боялась и все еще чувствовала злобу. Боль загоралась, словно светлячки, в заполняющей ее тьме и снова гасла. Противная вещунья была права: все, что требуется от Делоре – перестать трепыхаться и тихо уйти. Но против воли рассеянные мысли продолжали свиваться в возражения и просьбы. «Мне неважно, кто из вас, мне даже неважно, су-

ществуете ли вы на самом деле. Мне просто нужно, чтобы мне кто-нибудь помог!» Не спастись, нет, в спасение она уже не верила. Просто выдержать эти последние минуты.

Пора. Хватит тянуть время. Делоре подошла к краю. Дорога внизу походила на пересохший ручей, полный серого песка. Отсюда все казалось таким маленьким... ее машина как игрушечная. И она сама казалась бы не больше куклы. Ни единого шанса отделаться телесными повреждениями. Скоро она будет так же мертва, как...

...как Ноэл.

Просто прими это.

И она приняла. Его несуществование и его невозвратность. Его как жертву ее преступления и как человека, которого она давно уже не любила, но зачем-то внушала себе, что любит, удерживая лишь потому, что боялась остаться одна, наедине с собой.

Нити, соединяющие ее с жизнью, разрывались одна за другой. Ноэл – разрыв. Милли – «Я ей опасна, я не могу быть с ней» – разрыв. Страх перед болью – уже некуда больше – разрыв. Страх смерти – «Проклятие прикончит меня в любом случае, и это будет еще мучительнее» – разрыв. Все, что прежде сжимало ее в страшных челюстях, становилось беззубым, больше не могло ранить. Все сомнения угасли.

Ледяной ветер обжег ее лицо, и Делоре ощутила себя настоящей – живой, теплой и дышащей, переполненной чувствами. Ее затопило волной любви к себе – странное ощу-

щение, пришедшее к ней впервые. Обычно такое испытывают лишь матери к своим хрупким, уязвимым младенцам. Ей хотелось защитить себя от всего зла в этом мире, но одновременно и от самой себя, потому что она – это тоже зло.

Снизу проехала машина – игрушечный грузовичок из синего пластика. Делоре проследила за ним взглядом – глаза широко раскрыты, волосы развеивает ветер. Если бы она могла прожить еще один год, понимая то, что понимает сейчас... Она бы не мучила себя, не терзала бы себя ненавистью. Относилась бы к людям добрее. Вот сейчас... когда она должна умереть, чтобы никому не причинить вреда... сейчас она чувствует странное единение со всеми жителями этой бескрайней страны. Она больше никого не винит. Когда гнев угас, осталась лишь скорбь.

– Простите меня, – прошептала Делоре. – Я не хотела причинять вам боль. Я не хотела заставлять вас страдать. Я не хотела лишать вас жизни. Я просто хотела, чтобы вы были рядом со мной.

Сквозь кроны деревьев свет струился и тек. Делоре вдруг померещилось, что боковым зрением она видит что-то, кого-то... прозрачные силуэты... Она не повернула голову, не попыталась рассмотреть получше. Они пришли? Значит, она заблуждалась, отрицая реальность их существования. В сущности, боги – такое же порождение человеческого сознания, как ее проклятье, а значит, не менее реальны. Фраза, услышанная однажды, завращалась в ее голове... Делоре улыбну-

лась.

Еще одна игрушечная машинка... торикинец, угадала она. Торикинец... Все же чем-то он привлекал ее, она не могла отрицать... После того, как она отказалась от собственных, его сомнения были ей ни к чему, и Делоре поспешила сделать шаг. Асфальт полетел ей навстречу, но на самом деле – она к нему.

Первый день

Не стой в дверном проеме – несчастье протиснется мимо. Полосатые кошки приносят удачу, а золотые украшения, напротив, навлекают беду. Если человек попал в ситуацию, где смерть казалась неизбежной, и выжил – не иначе, как за него вступились боги. *О, ты будешь спасен, если ты достаточно хорош...*

И люди верили в это веками...

Наверное, Делоре сильно разбилась, но шок не позволял ей ощутить боль. Сквозь красную завесу перед глазами она увидела асфальт, а затем солнечный свет окутал ее, как сверкающее одеяло. Однако, даже ослепленная ярким мерцанием, она замечала странных созданий, обступивших ее – неотчетливо нарисованных светом на свете. Медленно они сливались с золотистым сиянием... Слезы, крупные, как капли дождя, смешивались с кровью на ее лице и капали на асфальт. Сквозь шум в ушах Делоре расслышала, как взвизгнули тормоза, как распахнулась дверца машины.

Делоре попыталась приподняться, и, к ее удивлению, ей это удалось. Она встала на четвереньки, затем выпрямилась, опираясь на колени. Кто-то подбежал к ней, и Делоре догадалась, чьи эти широкие пальцы, обхватившие ее плечи.

– Все хорошо, Делоре, – сказал торикинец, и в его голосе звенели облегчение и ужас. – Все плохое позади.

«*Рыжие – счастливые*», – подумала она и услышала где-то далеко свой смех. Делоре смеялась и плакала одновременно, залитая кровью и светом. Ее сердце разрывалось от боли.

Группа автора: <https://vk.com/club191961989>

Другие книги цикла «Страна Богов»:

1. «Острые камни»
2. «Омут»
3. «Гнилое яблоко»
4. «Синие цветы I: Анна»
5. «Синие цветы II: Науэль»
6. «Черная вдова»